

ВИКТОР НЕКРАСОВ

Две
сторона
океана

Записки
дежани

Спортивный
или Велик
на время
росли гробы

Виктор Платонович

Некрасов

Записки зеваки

ЗЕВАКА — (разг., фам., пренебр.) человек, праздно, с тупым любопытством на всё глазеющий, разиня, бездельник. («...За слонем толпы зевак ходили». И. Крылов.)

Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка

ЗЕВАКА — человек, праздно засматривающийся на что-либо, ротозей. («Лица не видно, но зрителю ясно, что это зевака, который ни за что не пропустит интересного зрелища». В. Гаршин. «Заметки о художественной выставке».)

Толковый словарь русского литературного языка. В 17-ти томах. Изд. Академии наук СССР.

Решительно становлюсь на защиту зевак и категорически протестую против тенденциозности и пренебрежительного тона определений Ушакова и составителей 17-томного словаря. Разиня, бездельник и ротозей — это разиня, бездельник и ротозей, а вовсе не зевака. Зевака — это действительно человек, глазеющий или засматривающийся на что-либо. Но почему обязательно с тупым любопытством? А если не с тупым? Праздно? Пожалуй. Человеку по каким-либо причинам некуда торопиться, вот он и «глазеет», «засматривается». А люди, у которых нет на это времени (так говорят они, а мы добавим «и охоты»), глядя на него, говорят — «делать ему нечего, вот и раззявил рот».

Но так можно сказать и о старом, на первый взгляд свихнувшемся, бездельнике, гоняющемся с сачком за бабочками, а он оказывается энтомологом, или о человеке, «тупо» следящим за полётом чаек, а он просто крупнейший специалист по планерам.

Нынешняя жизнь сложилась так, что у среднего, нормального гражданина нет времени глазеть и на что-либо засматриваться — он всегда занят. А когда не занят, в лучшем случае читает, ходит в театр, занимается спортом, в худшем — смотрит телевизор, поучает детей, как надо жить, или пьёт. Конечно же, быть зевакой, то есть, на его взгляд, быть бездельником, у него нет времени, да и охоты, и поэтому зевак он презирает. Я же не только не презираю, но защищаю и утверждаю, что зевакон быть надо, то есть быть человеком, который, как сказал Гаршин, «не пропустит интересного зрелища». А интересное зрелище вовсе не слон, которого водят по улице (его можно увидеть и в зоопарке, и рассматривание его там почему-то не считается «зевачеством»), — интересное разбросано буквально на каждом шагу, оно у нас под ногами, пред глазами, над головой, но мы его просто не замечаем. Не замечаем потому, видите ли, что мы люди дела, люди занятые и на пустяки терять время не хотим. Поэтому мы не знаем, как выглядит фасад дома, в котором мы живём (Химки—Ховрино и им подобные московские окраины не в счёт), что изображено на барельефе над правым входом в МХАТ или стенах Казанского вокзала. А ведь сделано это для вас, серьёзные, занятые люди, именно для вас, и именно для вас я, зевака, и написал эти записки.

Но тут же оговариваюсь и предупреждаю — если ты, читатель, любитель крепко сколоченного сюжета,

завлекательной интриги, интересных, со сложными характерами героев, если ты любишь длинные, подробные, сотканые из деталей романы или, наоборот, сжатые, как пружина, новеллы — сразу предостерегаю: отложи эти страницы. Ничего подобного ты здесь не найдёшь.

Но если ты, кроме чтения и других полезных или даже бесполезных занятий, не прочь просто так, без дела, походить по улицам, руки в брюки, папиросу в зубы, задирая голову на верхние этажи домов, которых никто никогда не видит, так как смотрят только вперёд (или направо, налево, витрины, киоски), присаживаясь у столика кафе или на скамеечке в скверике среди мам, бабушек, ребяташек и пенсионеров, если ты любишь заводить случайные, обычно тут же обрывающиеся, но запоминающиеся знакомства, если тебе без плана нравится бродить по улицам незнакомого города, предпочитая их шум или тишину — тишине прославленных музеев, — если ты такой, то, может быть, ты найдёшь кое-что близкое, переворачивая эти странички.

Тогда беру тебя в спутники. Условие одно: пока мы гуляем, ты молчишь, а говорю я. Ты заговоришь потом, и тогда, может быть, завяжется диалог. Пока же — монолог. И второе: не удивляйся, если, выйдя с тобой, например, из московского Центрального телеграфа и свернув налево, мы попадём не на улицу Герцена, а на площадь Тертр возле собора Сакрэ-Кёр на Монмартре или начнём вдруг выбирать пудовые арбузы у мечети Биби-Ханым в Самарканде... И третье: прости, буду иногда, даже довольно часто, растекаться мыслью (мысью, белкой — до сих пор идут споры среди учёных) по древу — отвлекаться в сторону, вспоминать прошлое,

говорить иногда о пустяках, а иногда и не о пустяках, etc.^[1] Если это небольшое условие тебя удовлетворяет, приглашаю в спутники.

* * *

Я не гонюсь за последовательностью и хронологией, но начну всё-таки с самого начала.

Известный киевский детский врач возмущался моей матерью:

— Вы что, решили сразу же заморозить ребёнка? На дворе пятнадцать градусов мороза, а вы его на балкон. Немедленно убрать!

Но меня не убрали. Первые месяцы своей жизни я провёл на балконе — большом, просторном, каких в новых домах теперь не увидишь. Это были мои первые прогулки. Без участия, правда, ног. Вероятно, больше спал, но иногда, возможно, и глядел. На что? А было на что.

Родился я в самом центре древнего Киевского княжества. И если не на месте самого терема Владимира Красное Солнышко, то, во всяком случае, совсем рядом. Возможно, даже там, где жили, а потом замучены были язычниками и принесены в жертву Перуну двое варяг, христиан — Иоанн и Фёдор. В честь их соорудили церковь. Называлась она Десятинной, так как на её постройку пошла десятая часть княжеской казны. При Батые церковь рухнула — хоры не выдержали толпы людей, спасавшихся от татар. Построили на том же месте другую в XIX веке, тяжёлую и некрасивую, но и она не

---

¹ и так далее (фр.).

дожила до наших дней. С моего балкона её хорошо было видно.

А родился я на тысячу лет раньше, с моего наблюдательного пункта (вознесись он столь высоко) виден был бы Перунов холм, где стоял гигантский идол, сброшенный при крещении Руси князем Владимиром в Днепр. А ещё раньше, по преданию, здесь же воздвигал свой крест Андрей Первозванный. Позднее, уже не по преданию, а по указанию Елизаветы Петровны, Растрелли на этом же месте вознёс к небу одну из изящнейших в нашей стране церквей — Андреевскую, лёгкую, ажурную, рококошную, над крутым, заросшим кустами обрывом, по которому катились в Днепр изваяния богов — «Перуна деревяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хъерса, и Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь».

Где-то тут же, в треугольнике между Перуновым холмом, княжеским теремом и моим НП^[2], находился «Бабин торжок» — рынок и в то же время форум, — Владимир вывез из Херсонеса и воздвиг здесь античные скульптуры — «дивы». Отсюда и древнее название Десятинной церкви — «Богородица у Дивов», отсюда же, очевидно, и «Бабин Торжок».

Знали ли мои родители, снимая квартиру в большом угловом доме № 4 по Владимирской улице, сколь «исторично» место, ими выбираемое? Не думаю. А вот Костомаров и Врубель, жившие в доме напротив, но несколько раньше, очевидно, всё же знали, но, думаю, выбрали этот уголок не потому, что здесь когда-то в великокняжеских златоверхих теремах лился рекою мёд,

---

² НП — наблюдательный пункт.

а просто потому, что тут красиво, и рядом Андреевская церковь, и вид на распластавшийся внизу Подол, и на Днепр, и на заднепровские дали...

Вот в таком месте я и родился. И крестился. И начал расти, хотя поп из соседней Десятинной церкви, будучи не слишком трезв, чуть не утопил меня в купели. Мать говорит, пришлось применять искусственное дыхание.

С тех пор прошло шестьдесят три года, но я до сих пор почему-то не решаюсь ступить ногой на балкон, сыгравший столь существенную роль в деле познания мною внешнего мира. Почему? А Бог его знает почему. Я и в школу свою после окончания не заходил, и в квартиру довоенную, сожжённую немцами, хотя там тоже балкон и с детства любимый красивый вид на Лавру, Печерск, Голосеевский лес... Остерегаюсь как-то встреч с прошлым. Боязно...

Впрочем, я неточен. Я не захожу в дома, в квартиры, но по местам своего детства часто брожу. Вот и недавно совершил такую мемориальную экскурсию. Зашёл купить аэрозоль от тараканов в хозяйственный магазин на углу улиц Горького и Толстого (на месте нынешнего большого дома в «мои» дни стоял маленький, одноэтажный, в котором когда-то была редакция антисемитского «Киевлянина») и, увидав каштаны бульвара, того самого, по которому шестнадцать лет ходил в школу, профшколу и институт, решил что-то восстановить в памяти. Начал спускаться.

Улица моя — Горького, а до этого Пролетарская, а до этого Кузнечная — была булыжной с кирпичными или плиточными (такие плиты сохранились ещё во Львове) тротуарами, и было на ней в нашем квартале всего три

фонаря. Сейчас асфальт и фонарей не меньше полусотни.

У большого шестиэтажного дома остановился. Здесь, как пишут в биографиях, он прожил свои юные годы — в общей сложности двадцать пять лет.

Так же я стоял перед этим домом в декабре 1943 года, заехав на недельку к матери по дороге из госпиталя в свою воинскую часть. Стоял и, задрав голову, смотрел на узенький трапецеидальный балкон на пятом этаже. Там мы жили. В квартире № 17. Школа, профшкола, институт, театральная студия... Шесть комнат, когда дом принадлежал домовладельцу Гугелю, и две, когда нас «уплотнили». Сейчас ни одной — всё сожжено, только стены закопчённые, провалы окон, искорёженные, чуть ли не в узлы завязанные железные балки. Но на балконе, на нашем балконе, всё тот же повзрослевший за два с половиной года, растущий прямо из бетона тополёк. А рядом с тополёком — о чудо! — пощажённые почему-то огнём несколько вязанок дров. Я долго стоял и соображал, как бы снять их оттуда — лестничная клетка сохранилась, а перекрытия все рухнули. Достань я их, и мамина «буржуйка» спокойно могла бы просуществовать недели две, не меньше. Мечтам моим не суждено было осуществиться: на следующий день дров уже не было, меня опередили. Но как? До сих пор ломаю голову.

Прожил я в этом доме двадцать пять лет — с 1915-го по 1940-й. В 1941 году заезжал на несколько дней, менять паспорт — работал тогда в Ростове-на-Дону, в театре. Когда вспыхнула война, я оказался за сотни километров от дома. Немцы окружили Киев, но телефонная связь поддерживалась, и я

ежедневно говорил с матерью по телефону. Голос у неё, как всегда, был бодрый, интонации оптимистические, но я знал, что мы если и увидимся, то не скоро.

Когда меня взяли в армию, в августе сорок первого, я сразу же сообщил об этом матери.

— Ну и правильно, и хорошо, — услышал я в трубке её весёлый голос. — Я очень рада за тебя. Нельзя отсиживаться сейчас в тылу. Иди... Только не забывай писать.

Не всякая мать скажет такое своему сыну. А моя сказала. Правда, в своё время она произнесла, не помню, по какому поводу, совсем уж не педагогическую фразу: «Викун, прошу тебя, никогда не будь благоразумным». Я на всю жизнь запомнил эту просьбу и в меру сил своих пытаюсь её выполнять.

Итак, двадцать пять лет. Как говорят, лучших. Двадцать пять лет я выходил из этой дубовой, с зеркальными стёклами, в виде какого-то узора, двери (сейчас она сосновая и никакого узора) и куда-то отправлялся. Сначала с лопаткой в Николаевский парк, потом с тетрадками, а зимой и с тремя поленьями в школу, потом в профшколу, потом с рулонами ватмана в институт, иногда с плавками на пляж или вечером в кино.

В Николаевском парке были солдаты и домработницы, тогда они назывались прислугами. Солдаты всех национальностей — русские, украинцы, осетины, немцы, поляки. Все без исключения любили нас, детей, а заодно и наших нянь. Няни подсаживались к солдатам, а детвора полировала своими задами поверженного Николая I, бронзового, длинноногого, слегка лысеющего, лежащего у собственного постамента,

или бежала к «Чёрному морю» — маленькому бассейну его очертаний — и гонялась там друг за другом, лихо прыгая через Босфор и воюя за Крым. Сейчас наше милое море густо обсадили цветами, и никто из ныне резвящихся детей даже не подозревает, что эти цветы от них скрывают.

Но кончилось золотое детство, началось образование. Сначала одна гимназия — Хорошиловой, — тут же на Кузнечной, младший приготовительный, потом вторая — Сороколовой — на Пушкинской, старший приготовительный. Это единственное учебное заведение моего прошлого, в котором я не очень часто, но всё же бывал. Там редакция журнала «Радуга», членом редколлегии которого я был двадцать лет, пока меня оттуда не изгнали. И, возможно, точно уж не восстановишь, мне на собрании выносили строгий партийный выговор в том самом «классе», в котором батюшка преподавал нам Закон Божий.

В 1919 году меня перевели на Большую Подвальную в гимназию Науменко, которая вскоре стала 43-й Единой трудовой школой. С тех пор начались мои прогулки (правда, вынужденные) по одному и тому же маршруту — в школу, профшколу, институт, — до бульвара Шевченко все эти маршруты совпадали. И за все шестнадцать лет ничто на моём пути не менялось. Только выросли деревья да один раз университет из красного (стены и колонны красные, капители и базы колонн чёрные — цвета ордена святого Владимира, имя которого было присвоено университету) стал кремовым, но, слава Богу, ненадолго.

Во все свои учебные заведения я всегда опаздывал. В приготовительные классы — потому что по утрам долго

молился. Стоя в кровати на коленях и сложив по-католически руки ладошками, я просил у Николая-чудотворца, святого Пантелеймона-целителя (откуда они в нашей атеистической семье появились — одному Богу известно) простить мне мои прегрешения — вчера раздавил в ванной таракана и долго плакал над судьбой осиротевших «тараканкиных детей». Мой старший брат Коля невероятно возмущался моей религиозностью и даже написал маме длинное послание, требуя удаления бонны, дурно влияющей на моё мировоззрение, — кроме веры в Бога, она, эта же бонна, привила мне ещё и верноподданническое отношение к престолу. Лет до восьми я был ярым монархистом и консерватором. Научившись читать и писать, я выражал свой протест против нового режима тем, что на всех афишах приписывал твёрдые знаки и менял, где надо, «и» на «і»... Мать ко всему этому относилась спокойно и на Колин меморандум ответила тремя словами: «Не беспокойся, пройдёт». И прошло.

Итак, в первые два класса я опаздывал по соображениям идейно-религиозным. Потом — потому, что до школы было далеко и путь туда был небезопасен. Наш двадцать четвёртый двор воевал с двадцатым, и почти каждое утро противник подстерегал меня, чтобы избить, что иногда, правда, не часто, и удавалось ему. Я отчаянно сопротивлялся, но Надежда Петровна, классная наставница, разглядывая очередной синяк, почему-то не очень верила, что я «случайно ударился о шкаф».

В профшкольские и институтские годы я опаздывал потому, что поздно ложился спать и утром еле продирали глаза. В силу этого мне пришлось подделывать подпись профессора Ярина в матрикуле, так как его лекции по железобетону начинались всегда в восемь часов. Много

лет спустя на литературном вечере в том же институте я публично признался профессору Ярину в своём жульничестве, и, представьте себе, он ничуть не обиделся, только смеялся, сидя в президиуме.

Короче, во все свои учебные заведения я всегда мчался как угорелый, иногда вскакивал на ходу на завороте в 8-й номер трамвая. Но я нечасто им пользовался, ходил он редко, набит был всегда так, что даже на подножку стать было невозможно, а висеть два квартала, держась за чьё-то пальто, было утомительнее, чем бежать.

На пути моём было двое часов — в крайнем левом окне на втором этаже университета и у Управления Юго-Западных железных дорог — большие, над входом, на кронштейне, с надписью «Точное время. Проверка по радио». Надпись эта внушала определённое уважение, хотя каждый раз я убеждал себя, что часы, наверно, спешат. Сейчас, проходя мимо университета и никуда не торопясь, я машинально поворачиваю голову в сторону окна с часами, хотя лет тридцать их уже нет. И мне становится чуть-чуть грустно — удобные были часы, хотя, ей-Богу, всегда спешили, так же как, не сомневаюсь, и у школьного нашего сторожа Варфоломея Степановича.

В самом центре Киева, над Крещатиком, высится 200-метровая телевизионная башня. Почему бы на ней не соорудить громадные, видные со всех концов города часы? Вот было бы удобно! Свой, киевский Биг-Бен, Спасская башня, только ещё выше, а главное, оригинальнее — нигде, по-моему, такого нет.

Прости, читатель, вспоминая детство, становишься ребёнком...

Обо всех этих часах, трамваях 8-й номер, мальчишках из враждебного двора я вспомнил, глядя на свой балкон, уже без тополя, в день своей мемориальной экскурсии. Постоял, повспоминал и пошёл дальше.

Пересёк улицу Саксаганского (когда-то Жандармскую, Марино-Благовещенскую, Пятакова, а когда Георгия Пятакова посадили, то Леонида Пятакова, его брата, вовремя умершего), зашёл в продмаг, купил «Беломор». Когда-то здесь был «Сорабкоп» (почему-то через одно «о»), и лет сорок тому назад я, трепеща и волнуясь, именно в нём купил свою первую поллитровку. Я мог позволить себе такую мужественную роскошь, зарабатывая старшим рабочим на Вокзалстрое сто рублей. Было мне тогда девятнадцать лет. Тогда же я впервые и побрился в парикмахерской, тут же, рядом с Сорабкопом. Брить было нечего, я очень волновался, потел, боялся, что парикмахер состриг что-нибудь по поводу моего гладкого, как колесо, подбородка, но он оказался деликатным и даже дважды намылил меня. В эту же парикмахерскую я зашёл в 1944 году, вернувшись в Киев после ранения (кстати, Николай Митясов из повести «В родном городе» — тоже), но старого Давида уже не было, сохранилось только его зеркало с двумя амурчиками наверху. Я спросил парикмахершу о Давиде. Она грустно посмотрела на меня: «В Бабьем Яру...»

Бабий Яр... Одна из наиболее трагических страниц истории Киева, мимо которой никак не пройдёшь. И мы не пройдём, побываем там. Но это потом.

Сейчас же — я вышел из парикмахерской, пересёк улицу и остановился у дома № 32. С этим домом, вернее, с одной из его квартир, у меня многое связано. И

довоенное, и военное, и послевоенное. И весёлое, юное, и трагическое, и горькое, и уютное, милое, а всё вместе очень значительное, на всю жизнь. Но об этом в другой раз. Скажу только, что «В окопах Сталинграда» в основном писались именно здесь, в большом старинном кресле, у окна, сквозь которое был виден столетний вяз на противоположной стороне улицы, весь усеянный гнёздами...

В тот последний военный и первый послевоенный год мы все заново увлекались Хемингуэем, много о нём спорили, и, вероятно, именно поэтому маленькая дочка хозяйки Ирка, когда я садился в своё кресло, строго говорила: «А теперь тишина, дядя Вика сел за своего Хемингуэя...»

Вот с этого самого «Хемингуэя» и началась литературная деятельность автора этих строк. Но на самом деле, скажу по секрету, всё это началось значительно раньше.

Как-то, роюсь в старых бумагах, я обнаружил несколько тетрадных страничек, испещрённых крупным детским почерком. Это оказалось не более и не менее как либретто оперы (!!!) «Карл и Мария», которое и осмеливаюсь робко вынести на суд читателей. Думаю, что для любителей стремительно развивающегося сюжета это, безусловно, находка, если предлагаемые «Записки зеваки» по моей просьбе не отложены в сторону.

Вот это либретто. Привожу его полностью, текстуально, позволил себе только запятые вставить.

КАРЛ И МАРИЯ

Опера в 5 действиях, 9 картинах, с балетом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мария — дочь богатого графа

Карл — офицер

Граф Люис — отец Марии

Генерал Гамлет — генерал

Александр — богатый барон

Графиня Люция Люис — мать Марии

Солдаты, гости, священник, слуги, бандиты и другие.

Действие I.

КАРТИНА 1-я

Бал у графа Люиса. Оркестр. Танцы. Среди гостей офицер Карл. Входит Мария — очень красивая. Она танцует с Карлом. Карл поражён её красотой, влюбляется в неё. Он ей тоже нравится. Во время бала они сидят вместе, обнявшись, и Мария говорит Карлу, чтоб он к ней пришёл этим вечером. Бал продолжается.

КАРТИНА 2-я

Комната Марии. Мария с нетерпением ждёт Карла и поёт. Вдруг из балкона выходит Карл. При виде Карла Мария бросается ему в объятия. Они начинают разговаривать, причём Карл говорит Марии, что хочет на ней жениться. Мария согласна, но говорит, что отец хочет её выдать за знатного барона Александра, которого она не любит. Во время разговора Карл говорит, что он состоит в тайном обществе. Вдруг за дверью слышны шаги. Карл выпрыгивает в окно. В дверях появляется Александр. Он ухаживает за Марией, но она к нему относится презрительно.

КАРТИНА 3-я

В комнате Карла собрание тайного об-ва. Они обсуждают вопрос об убийстве царя. Вдруг появляется в дверях отряд жандармов, которые после короткой битвы связывают заговорщиков и уводят в тюрьму.

Действие II

КАРТИНА 1-я

В тюрьме. Пленные сидят и говорят. Карл предлагает выпилить решётки в окне и убежать. Все начинают пилить. После долгой работы окно освобождается, и пленные убегают. Входят сторожа и никого не находят.

КАРТИНА 2-я

В комнате Марии. Бедная Мария грустная сидит и вспоминает о Карле. Приходит отец и

утешает, но она не утешается. Отец уходит. Вдруг в окне появляется фигура Карла. Мария при виде его поднимается и, подняв руки, медленно идёт к Карлу. Потом узнаёт его и с криком радости бросается ему в объятия. Они долго стоят в этом положении, потом садятся рядом на диван и он ей рассказывает, как спасся. Она говорит ему, что у неё завтра свадьба с нелюбимым Александром. Карл говорит Марии, что он её похитит перед свадьбой. Потом, последний раз обнявшись, Карл уходит в окно.

Действие III

Большая зала. Много гостей. Александр радостный и грустная Мария сидят рядом. Вдруг Мария говорит, что у неё болит голова и она пойдёт напиться воды. Уходит. Александр сидит один. Начинается балет. Наконец приходит священник, ищут Марию, не находят. Переполох. Александр падает в обморок.

Действие IV

КАРТИНА 1-я

Большое поле. Вокруг лес. Карл и Мария приходят. Они садятся на бугорке и засыпают. Вдруг появляется погоня в лице 3 человек (в том числе Александра). Карл убивает 2 противников и дерётся с Александром. После дуэли Александр падает мёртвым. Начинается утро. Карл и Мария обнимаются и смотрят на труп, потом берут свои вещи и уходят.

КАРТИНА 2-я

Маленькая хижина, в которой живут Карл и Мария. Карл пошёл за дровами, Мария копает огород. Вдруг она в земле находит железный сундучок, это клад. В нём золото. Мария радуется. Входит Карл. Мария бросается ему в объятия и с радостью сообщает о кладе. Карл берёт сундучок, открывает его и видит, что он полон золота. Оба поют от радости.

Действие V

Действие происходит через один год. Большая, светлая, красиво убранная комната. Там сидят разбогатевшие уже и поженившиеся Карл и Мария и вспоминают прошлое. Потом смотрят друг на друга, медленно подходят и, обнявшись, целуются.

Конец

По-моему, прекрасная опера. Лаконичная, действенная, с чудесным оптимистическим концом. Непонятно, правда, куда девался анонсированный в начале, в списке действующих лиц, генерал Гамлет, но вопрос этот надо решать уже с режиссёром, так же как о роли и месте появления бандитов, тоже объявленных в начале пьесы.

С возрастом появились новые увлечения, но с «литературой» не рвал. Кое-что из тех дней мать сохранила. Перечитываю, смеюсь. Другим не читаю.

Напечатался же впервые через десять лет, в 1932 году, в журнале «Советский коллекционер». В те годы я уже не так увлекался собиранием марок, как рисованием их. Когда Наркомпочтель (так называлось тогда Министерство связи) объявил всесоюзный конкурс на марки, посвящённые дирижаблестроению, я послал несколько своих эскизов. Премии никакой, конечно, мне не дали, но предложили зато сделать несколько заставок для журнала. Я был на седьмом небе от счастья. Сделал. Послал. Напечатали.

А дальше? Дальше была моя статья о коллекционировании. В том же журнале. В конце статьи несколько слов об оформлении самого журнала. Покритиковав в меру обложку и ещё что-то, я, из деликатности или скромности, покритиковал и заставку «Библиография», автором которой был не больше и не меньше, как я сам. (Дело в том, что я послал два варианта, один «левый», другой достаточно банальный — книжки на полке, — его я и критиковал.) Журнал не без юмора отметил в своей заметке «от редакции», что автор статьи по непонятным для редакции причинам оказался в положении унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла...

Вот так я начал.

О дальнейших своих шагах на этом поприще я уже где-то упоминал. Писал что-то «заграничное», с мягко шуршащими шинами «роллс-ройсами», детективы с поисками кладов (вместо этого мальчишки находили запрятанное диверсантами оружие), сногшибательные шизо-фантастические истории (конференция памятников в московском Музее Пушкина, куда героя по знакомству приводит влюбившаяся в него леонардовская Мона

Лиза), любовные псевдогамсуновские рассказы, а в 1940 году (мне было уже почти тридцать!) — даже военный рассказ на материале финской кампании, о которой знал только по газетам. Всё это усердно куда-то посылалось, но, к счастью, очень скоро возвращалось. Я обижался, дулся, но «пера не бросал».

Но оставим пока литературу в стороне и, минуя столь существенный в моей жизни Сорабкоп и парикмахерскую, свернём за угол на родную мою Кузнечную. Метров сто вниз — и мы у тридцать восьмого номера. Сюда перебрались мать с тёткой после того, как немцы сожгли двадцать четвёртый. Седьмая квартира... О, что это была за квартира! Шесть лицевых счетов. И шесть счётчиков в квартире. И шесть лампочек. И в кухне тоже шесть, и в уборной шесть. Кто-то из моих друзей, глядя на это лампочное созвездие, дал меткое ему определение — «гроздь гнева». Электропроводка в коридоре тоже достойна была внимания. Не только пожарников, но, пожалуй, и художников. Замысловатое переплетение проводов, будь над ним соответствующая надпись («Композиция 101») и окажись оно на какой-нибудь венецианской «Биеннале», безусловно, было бы отмечено художественной критикой. Думаю даже, что со знаком плюс.

Больше ничем тридцать восьмой номер не знаменит, а остановил я тебя, читатель, у этого дома только потому, что именно в нём, на четвёртом этаже, в упомянутой седьмой квартире я впервые обнял и поцеловал мать после двух с половиной лет разлуки. Она стояла в заставленной незнакомой мебелью комнате с чёрным, закопчённым потолком, склонившись над печуркой, и варила суп из концентратов. Было это в декабре 1943 года. В августе 1944-го я вторично и

окончательно вернулся в эту комнату, в которой прожили мы ещё шесть лет и без всякого сожаления в пятидесятом году расстались.

Вот и всё об этом доме. Сюда мы больше не вернёмся, а свернув налево за угол (как видишь, читатель, само собой как-то получилось, что ты стал моим спутником), выйдем на Красноармейскую (бывшую Большую Васильковскую). Здесь, на углу, против здания оперетты, высится 16-этажный, так называемый «точечный» дом. Когда-то на его месте стояла маленькая, незавидная Троицкая церковь, с которой у меня связаны грустные воспоминания. Именно сюда приходил я в Вербное воскресенье и возвращался назад, закрывая ладонями горящую свечку, чтоб её не задуло ветром. И именно здесь я в первый (кстати, и в последний) раз причащался. Я хотел по всем правилам до утра поститься. Но не вышло — меня заставили съесть котлету. Это было святотатство. Я ревел весь вечер...

Потом церковь снесли (в одну ночь) и на её месте выросла шашлычная. Столики на открытом воздухе, напротив — продуктовый магазин. Излюбленное место футбольных болельщиков: в трёх минутах ходьбы от шашлычной — Центральный стадион. Прозвана шашлычная «Барселоной». Почему — неизвестно. Потому же, почему диетический гастроном на Крещатике со столиками для кофе (только ли кофе?..) на втором этаже называется «Ливерпуль», а открытое на свежем воздухе кафе на том же Крещатике, против улицы Ленина, — «Мичиган», хотя настоящее его название, горящее неоновым над столиками, — «Грот»... Крещатицкий жаргон, что подделаешь.

Сейчас «Барселоны» уже нет, вместо неё — «точечный» дом с магазином строительной книги на первом этаже. Тут же неподалеку — остановка троллейбуса. Если ехать дальше по Красноармейской, попадём в Голосеевский лес и на выставку передового опыта, если в другую сторону — попадём на Крещатик. Выберем этот, второй маршрут.

* * *

Нет, мы не сядем в троллейбус и не поедem на Крещатик. Поедем позже, но не сейчас, не сразу... Настало время поговорить о другом...

Всё, что тобою, читатель, прочитано до сих пор, написано более трёх лет тому назад. И многое из того, что тебя ждёт впереди, написано тогда же. Но...

Написано-то было написано, и после последней фразы (можешь заглянуть в конец, она сохранилась) «До следующей встречи!» поставлен был восклицательный знак, и, аккуратно перепечатанное на машинке, отнесено в любимый журнал «Новый мир», где все принесённому обрадовались и сказали «наконец-то!», и что-то там потом было исправлено и добавлено (без этого нельзя), и опять прочитано, и написано, наконец, в левом углу рукописи «в набор», и...

На этом всё кончилось.

Нет, не кончилось, началось нечто новое. Всё изложенное несколькими строчками выше: все эти «принёс, исправил, добавил, опять принёс» — происходило не так молниеносно, как в той фразе, — длилось оно не меньше года! И год этот был далеко не самым уютным в моей жизни. Но поскольку уж я выбрал

ту спокойную, неторопливую манеру изложения, я не внёс в рукопись никаких существенных корректив, а принёс и положил её на стол редактору. Тогда-то, через два или три дня, была поставлена долгожданная надпись «в набор». Набрали, дали почитать, а потом набор рассыпали. Есть такое странное слово, вернее действие — рассыпать набор. Вот и рассыпали.

Конечно, главный редактор журнала, человек не злой и к автору относящийся со всей симпатией, мог сказать: «Дорогой мой Виктор Платонович! Не сетуйте на меня, я здесь абсолютно ни при чём. Просто позвонили мне и сказали... Ну, вы сами понимаете, не ребёнок...» — и тут развёл бы руками и улыбнулся бы той самой улыбкой, которая в данном случае обозначала бы: «Все мы под ЦК ходим, что поделаешь...» Ну, и автор в ответ улыбнулся бы той же понимающей улыбкой, и, поговорив ещё о том о сём, собеседники расстались бы, убедив друг друга, да в общем-то и не убеждая, — не маленькие дети, — что лучше подождать, время покажет...

Но редактор избрал другой путь: «А не поработать ли вам ещё над этим местом, а? С вашим умением и талантом...» Местом этим он избрал главу о Бабьем Яре, а так как главу эту я уже сократил и перерабатывать её больше не хотел (ох, уж этот Бабий Яр!), то я просто обиделся, и расставание наше вышло куда менее тёплым, чем встреча. Кстати, о том, что набор рассыпан, мне сообщили по секрету и просили не выдавать.

На этом моя двадцатилетняя дружба с самым либеральным журналом, как называется на Западе «Новый мир», кончилась (через полгода мне рукопись вернули и даже заплатили 100 % гонорара), и я понёс своё неродившееся дитя в другой журнал — «Москва».

Журнал этот считается куда менее либеральным, но редактор его в силу причин, я сказал бы, сентиментально-фронтных (оба мы в своё время воевали в Сталинграде, и оба — простыми офицерами) рукопись принял тут же и даже 60 % гонорара заплатил.

В этом журнале никаких поправок и дополнений у меня не требовали, но почти сразу же после сдачи рукописи на меня в Киеве заведено было очередное партийное дело, потом из партии исключили, и, само собой разумеется, ни о каком печатании не могло быть и речи...

За неделю до моего отъезда за границу я зашёл в редакцию — там мы поохали, поохали, чего только в жизни не бывает... — и расстались. Рукопись я им подарил на память, положенные 40 % в бухгалтерии получил, так что никто ни на кого в обиде не остался...

К чему я обо всём заговорил, не дав войти в растворившиеся двери троллейбуса?

А просто для того, чтобы поговорить о том, как пишутся книги. И эта, в частности.

У Синявского, в одной из его статей, сказано — настоящая, большая литература может появиться только в стране, где писать запрещено. Это писателя ожесточает, собирает в кулак, и самый факт, что он пишет то, что думает, наперекор всему, заставляет его писать кровью сердца, перешагивая через все препоны.

Но это только в том случае, если писатель решился на всё.

Но есть тысячи писателей — я говорю о нашей стране, — которые по тем или иным причинам на это не идут. Одни — потому, что им хочется быть признанными,

отмеченными и восхваление они ставят себе только в заслугу (известный режиссёр Равенских написал даже статью «Трудное искусство восхваления!»), а другие — просто потому, что иначе не напечатают, а писателю нужно печататься, с этого он живёт. Так родилась литература «социалистического реализма»; литература не обязательно лживая, но не позволяющая себе перешагивать определённые пределы. Пределы эти, границы — то расширяются, то сужаются. Разного рода общегосударственные кампании — то против низкопоклонства перед всем западным, то против алкоголизма или «дегероизации», то за «бесконфликтность» — борьба хорошего с ещё лучшим, то вдруг оказывается, что мало пишут о рабочем классе, а надо больше, — одним словом, писатель должен внимательно читать газеты и, не отрываясь от действительности (а был и «историзм», за который тоже доставалось), идти всё время в ногу...

Я относился к этой, второй, категории писателей, и если не всегда шёл в ногу (это мне не раз давали понять), то писал всё-таки для того, чтобы печататься, а не «в стол».

Иными словами, я был той самой солженицынской «образованщиной» (хотя с образованием у меня было и неважно — «Что делать?» Чернышевского не читал и «Капитал» К. Маркса тоже), которая не выполняла облагораживающих заповедей «жить не по лжи», — на собрания ходил, газеты читал (!) и если не отдал сына в школу и армию, то только потому, что его у меня не было. К тому же, как уже упомянуто, писал и печатался в советских журналах, а однажды как-то в одном номере рядом с «Иваном Денисовичем».

Скажем прямо — это нелегко. С годами к тебе приходит опыт, к тому же многолетний тренаж набивает руку, и с помощью умного редактора тебе удаётся сказать то, что хотел сказать, иногда даже так, что цензорский комар и носа не подточит. Но увы, это не всегда удаётся. Тогда начинают бить! Как ни парадоксально, но не меньше, а часто даже больше доставалось писателям не второй, а именно первой категории. Наиболее шумно били (даже со специальными решениями ЦК) Эйзенштейна, Пудовкина, Эренбурга, даже таких уж правоверных и «без мыла лезущих», как Софронов и Корнейчук.

Меня тоже били. Сначала не очень больно, так, пошлёпывали, потом всё больше и больше, пока не перестали вообще печатать.

Забавно, что первые шлепки (а они начались сразу же после выхода моей первой книги) пресёк сам Сталин. Мне присудили премию его имени, и, как выяснилось, присудил её он сам. «Вы знаете, — сказал мне Всеволод Вишневский, редактор журнала „Знамя“, где я был напечатан, закрыв дверь и выключив телефон, — вас сам Сталин вставил. В последнюю ночь. Пришлось срочно переверстать газеты». И это похоже на правду — на последнем заседании Сталинского комитета Александр Фадеев, председатель его, «В окопах Сталинграда» из списка вычеркнул — отсутствие, мол, масштаба, узость горизонта, взгляд из окопа, дальше бруствера ничего не видит...

И тут у всех читающих (и издающих) невольно возник вопрос. Что ж это такое? В книге одни солдаты и офицеры, никаких генералов, никаких политработников, и об отступлении рассказывается — кому это нужно? — и

ни слова о коммунистической партии, и главное — глазам не верилось! — почти нет Сталина, так, в двух-трёх местах, мельком... Загадка!

Да, многое в поступках Сталина было загадочным. Известно, что спектакль «Дни Турбиных» по пьесе Мих. Булгакова Сталин смотрел... 17 раз! Не три, не пять, не двенадцать, а семнадцать! А человек он был, нужно думать, всё-таки занятой и театры не так уж баловал своим вниманием (он любил кино, ночью, и несколько фильмов подряд — в частности, все серии «Тарзана», — и чтоб всё Политбюро сидело рядом), а вот что-то в «Турбиных» его захватывало, и хотелось смотреть, скрывшись за занавеской правительственной ложи. Верность престолу, долгу, присяге — этого, что ли, ему не хватало, ему, человеку, не верившему никому и никогда, кроме Гитлера!

Такова судьба первой книги. С лёгкой руки самодержца она заняла подобающее место на библиотечных полках и в курсах истории литературы. Вторая, третья, четвёртая и все последующие — каждая имела свою судьбу — об этом когда-нибудь, в другом месте, — но, как ты, читатель, уже увидел, избранный мною, как и многими другими, литературный путь (писать и печататься) — оборвался. Оборвался на этих самых «Записках зеваки», которые сейчас у тебя в руках.

Битый и перебитый, в повязках и наклейках, я взялся за них в надежде, что всё предложенное мною во вступлении — давайте гулять, глазеть и вспоминать — никого не заденет и все мои экскурсии в детство и юность, размышления о том о сём, миновав все рогатки, доберутся до читателя...

Не вышло, не добрались.

И вот сейчас, сидя уже не на своём киевском диване, где всё это писалось, а в большом кресле у окна, за которым черепичные крыши и увитые плющом каменные ограды, я опять взялся за то, что три года тому назад было написано и так неудачно отнесено в редакцию.

Нет, ничего из написанного я не выкинул. Всё, что я писал для того читателя, до которого эти строки доберутся теперь только через Сциллы и Харибды таможен и прочих рогаток, и читая которые он будет многим рисковать, всё это я оставляю нетронутым. Но за эти три года, особенно за последний, появилось столько новых маршрутов, а в голове столько новых мыслей, что не поделиться ими я не могу.

И читатель-то, кроме старого, привычного, любимого, появился сейчас у меня новый, который с полуслова-то и не поймёт, ему объясни, растолкуй. И рождается из-под карандаша какое-то странное существо, с глазами и спереди, и на затылке, какое-то переплетающееся, с налезаящими друг на друга членами своими. Вот в каком я положении оказался, сидя в своём кресле и поглядывая на французские крыши и плющи... Но стоп! Интермеццо моё несколько затянулось. Пора и на троллейбус. Вот он подъезжает — первый номер, как раз наш.

* * *

...Милый, милый Киев! Как соскучился я по твоим широким улицам, по твоим каштанам, по жёлтому кирпичу твоих домов, тёмно-красным колоннам университета... Как я люблю твои откосы днепровские. Зимой мы катались там на лыжах, летом лежали на

траве, считая звёзды и прислушиваясь к ленивым гудкам ночных пароходов... А потом возвращались по затихшему, с погасшими уже витринами Крещатику и пугали тихо дремлющих в подворотне сторожей, закутанных даже летом в мохнатые тулупы...

Так вспоминал Киев, Крещатик лейтенант Керженцев «В окопах Сталинграда», лёжа под дождиком в лопухах на берегу Донца, в ожидании, пока его сапёры заминируют берег...

Разметало нас тогда, киевлян, по всем фронтам, от Петсамо до Севастополя, и никто из нас не знал, встретимся ли мы когда-нибудь с киевскими каштанами и будем ли считать звёзды, лёжа на днепровских откосах, и возвращаться по затихшему ночному Крещатику...

Мне повезло. Я вернулся. И квартира моя (моя ли?) в самом центре, самом сердце города, на Крещатике.

Встретился я с ним ещё до встречи с мамой в том же декабре 1943 года, через месяц после освобождения города. Выскочил из грузовика у Крытого рынка, там, где кончается Крещатик и начинается Красноармейская. Я сказал *кончается*. Это неверно. Его просто не было. Горы битого, занесённого снегом кирпича, искорёженные, торчащие из этих груд железные балки и узенькие, протоптанные в сугробах тропинки. Вот и всё. И цепочкой, как муравьи, спешащие куда-то люди — на работу, за пайками, на толкучку...

А каким он был, Крещатик...

Скажем прямо, глядя сейчас на довоенные открытки, в особый восторг не приходишь — улица как улица, ну, чуть пошире других, дома как дома,

четырёхэтажные, зелень довольно жалкая, посредине трамвай...

Скажи нам это в 20—30-е годы, мы бы глотку перегрызли. Улица как улица? А где вы видали такие тротуары, такой ширины? Незавидные дома? А в начале улицы три восьмиэтажных дома, бывшие банки? А Бессарабка, Крытый рынок? А трамвай? Первый в России, и вагоны длинные, четырёхосные, с тремя площадками, сиденья плетёные. Да что вы, ума лишились?

Да, мы влюблены были в свой Крещатик. И если не было в нём особой красоты, то какой-то шарм южной улицы был. По вечерам не протолкнёшься. «Пошли на Крещик?» — говорили мы друг другу и слонялись по нему взад и вперёд, толпясь у кинотеатров (пойти или не пойти на четвёртую серию «Акул Нью-Йорка» или отложить на субботу?), грызя семечки, поглядывая на девиц. Красивые, чёрт возьми, киевлянки... А киевлянки ходили в каких-то ситцевых платьицах, ни помады, ни бус, ни колец, ни серёжек (упаси Бог, из комсомола выгонят!), а мы, мальчишки, в юнгштурмовках (военного образца, а-ля Тельман) и кепчонках, задранных «по-ленински» назад. Серенькая, в общем, толпа, ничего яркого, броского. Появившиеся в тридцатых годах клетчатые ковбойки поражали своей сногшибательной пестротой и экстравагантностью.

Сейчас он другой, совсем другой... На месте взорванного (кстати, нами, а не немцами, как писалось раньше, чтоб ещё больше очернить захватчиков) вырос новый (по кирпичику, по кирпичику — писатели и академики вносили свой вклад...) — безвкусный, шикарнейший, намного шире прежнего, а теперь — о счастье! — заросший каштанами и липами (сажали сразу

взрослые), заслоняющими своими кронами все эти башенки и арочки «обогащённой» архитектуры сталинских времён. С надеждой и упованием смотрю я на первые признаки плюща на Крещатике (о! французские домики!) — годик-другой — и станет он красивейшей улицей в мире.

Я люблю деревья. Они всегда мне что-то говорят, что-то напоминают. На одной из киевских улиц, с забавным названием Кругло-Университетская, росло дерево-гигант. Разросшимися своими стволами оно точно опекало, благословляло улицу. Когда его срубили — а его срубили, боясь, что оно упадёт на прохожих, с годами оно всё больше и больше склонялось, — улица осиротела, стала беспомощной и безликой. Раньше я её любил, сейчас обхожу стороной.

Было и на Крещатике такое дерево-уникум, — если не ошибаюсь, американский клён, — он растёт, всегда как-то валясь в сторону, нелепо изгибаясь и, наверно же, вызывая у городских садовников ненависть. Оно чудом сохранилось от бывшего Крещатика (вернее, от одного из его дворов) и, бесцеремонно нарушая ранжир новеньких лип и каштанов, просуществовало, нелепо и трогательно, тыкая во все стороны свои змееобразные ветви, почти четверть века. Совсем недавно его срубили — у нас не любят ярко выраженную индивидуальность.

Кроме этого дерева-индивидуалиста, сохранилось на Крещатике ещё десятка полтора довоенных деревьев — в самом его начале, возле тех самых дореволюционных банков. На открытке двадцатых годов это жалкие саженцы, обнесённые деревянным штакетником. Никакой солидности. А теперь под ними и от дождя укрыться можно. Правда, их замечают и пользуются их услугами

только в этом случае. Вообще же, кроме крещатицких старожилов, если они дожили до наших дней и что-то ещё помнят, никто и не подозревает, что это тоже старожилы, тоже свидетели многого...^[3]

Вообще, глядя на деревья, особенно чувствуешь бег времени. Как-то на заре своей юности, как всегда торопясь в школу, я на минутку задержался у Николаевского парка. Вдоль его решётки по Караваевской улице сажали тополя. Тоненькие, озябшие веточки. Тогда это была редкость. Я минутку постоял, посмотрел и побежал дальше. Недавно, проходя по тому же месту, я встретился у входа в парк с громадным, высотой в четырёхэтажный дом, раскидистым тополем, который сейчас и двумя руками не обхватишь. Да, это был один из тех юнцов, которых на моих глазах сажали миллион лет тому назад. Впрочем, зачем гиперболы, сажали их лет пятьдесят тому назад, и, глядя сейчас на него, единственного выжившего и пережившего, я как-то очень ясно ощутил, что мы ровесники и оба не первой молодости.

Ох-хо-хо...

Так кто же сменил нас, в кепочках и тапочках, на Крещатике? Мальчики в джинсах и девочки в мини. И браслеты у них, и цепочки. И попытки встречаться в кафе...

В общем-то культа кафе, как везде на Западе, у нас нет. Больше на скамеечках, в саду, во дворе, а у

---

³ "Кто такие старожилы?" — спросили как-то меня. "Старики, прожившие много лет", — ответил я. "Нет, это люди, которые ничего не помнят. Даже старожилы не припомнят таких морозов, такой жары, такой тёплой зимы... Вот кто такие старожилы..." — *Прим. авт.*

счастливец с отдельной комнатой — в этой комнате. Но иной раз хочется выпить и на люду, на западный манер...

Таких мест на Крещатике — могу по пальцам сосчитать — пять. Три из них, собственно говоря, даже не кафе, а закусочные, но есть столики, а в двух шагах и «Гастроном» — можно и сбегать. В «Ливерпуле» за столиками с разноцветными пластмассовыми стульями распивают «Тракию» и «Мельник», ставя бутылки под стол, откуда их выволакивают уборщицы или «недоперепившие», всем тут известные старики. («Ну как, дядь Петя, дела?» — «Да ничего, помаленьку. За ваше здоровье...»)

Чуть в стороне от столиков вьётся длиннющая очередь. Это за «Киевским» тортом. Без него невысказано приехать из Киева домой — в Москву, в Ленинград, Свердловск, Иркутск. Сходите как-нибудь на вокзал и посмотрите — по два, три, а то и четыре торта везут. Психоз! (Из очередей, кроме этой, меня всегда поражали две их разновидности: за кормом для рыбок и на почтамте — чисто мужская — в погоне за юбилейными штемпелями на марки.) Кафе «Ливерпуль» — место встреч друзей осеннее, зимнее. Летом же — «Морозиво» («Мороженое») у входа в Пассаж, «Мичиган» (он же «Грот») и «Бульонная» рядом с входом в метро. Публика во всех трёх одна и та же, преимущественно студенты, художники, актёры, киношники, кое-кто из пописывающих. Чашечек с бульоном и так называемых «кремовок» (на языке официанток) для мороженого не так уж много, гранёных стаканов побольше. Большинство посетителей друг друга знает. Сидят компаниями. Время от времени кто-нибудь бежит в «Гастроном»...

В кафе «Крещатик» надо платить за вход, там эстрадные номера, здесь больше приезжих и любителей потанцевать. Рядом прилепился бар «Стекляшка», где знакомые «всему Крещатику» бармены (а они, в свою очередь, знают не меньше трёх четвертей «всего Крещатика») разливают коктейли всех цветов и градусов. В гостинице «Дніпро» три бара — один над другим, самый верхний — любимое место киевских негров-студентов, но нас, грешных, туда не пускают — нужна валюта...

С приближением одиннадцати «Ливерпули» и «Мичиганы» постепенно пустеют, зато набиваются «Гастрономы» — до закрытия осталось пятнадцать минут... После одиннадцати толпа на Крещатике редет, определённая часть её переселяется во дворы и окрестные скверики. Дворы в Киеве особенные — там и зелень, и скамеечки, и столики (днём на них режутся в «козла»), и всякие детские площадки с качелями и какими-то горками для катания. Ну, а летом — трава... К сожалению, все эти дворы и столики известны милиции и дружинникам — дружеская беседа часто заканчивается в отделении милиции.

К часу ночи расходятся по домам с песнями под гитару или без гитары последние весёлые компании, и Крещатик затихает до утра, до первых дворников.

Увы, всё это было... Сейчас этого нет. «Ливерпуль», главное место встреч, разогнали, «Мичиган» обнесли забором, что-то строят, «Бульонная» сама по себе как-то выдохлась, в «Стекляшке», очевидно, проворовались бармены и коньяка, хоть и дорогого, но не продают... Остались дворы, да подъезды, да редкие те случаи, когда кто-нибудь из холостяков пригласит к себе...

Усложнилась жизнь. Раньше часам к восьми-девяти в «Ливерпуле» всегда кого-нибудь найдёшь, а сейчас только и осталось, что «Гастроном», у винного отдела или возле него — сидят на заборчике скверика, глазают по сторонам, авось кто из друзей появится. Выпить-то хочется. И мыслишками поделиться...

Мыслишками поделиться... Вот это-то самое сложное.

В «Ливерпуле», выпив рюмочку-другую, позволяли себе кое-какие вольности. Не ахти какие — поругать арабов, поиронизировать над вставной челюстью Брежнева, рассказать парочку анекдотов — дома же, за чайным столом... Поразительно, до чего все уверены, что каждое слово подслушивается. В большинстве, я бы сказал, даже в подавляющем большинстве, известных мне московских, киевских, ленинградских домов достаточно только заговорить о «политике», как на телефон наваливается подушка или втыкается каким-то особым образом карандаш. Идеализация технической оснащённости определённых органов поразительна. И никто почему-то не задаётся вопросом — сколько же миллионов, миллиардов магнитофонной ленты должно прокрутиться в одном, допустим, только Киеве, если все («ну, не все, но твой и мой, поверь мне...») телефоны подслушиваются, а магнитофоны (сколько их и сколько этажей они занимают!) не остывают.

В том, что у меня во всех углах подслушивающие аппараты, не сомневался никто. Даже я стал верить. Это резко сократило количество посетителей. Приходить стали только отчаянные смельчаки — считалось, что я слишком вольно себя веду (это у себя-то дома!). Мои попытки убедить друзей, что всё самое страшное я уже

выговорил в своё время в кафе и ресторанах, никого не убеждали («то — тогда, а это — теперь»). Те немногие «не смельчаки», которые отваживались иногда всё-таки забежать ко мне, за чаем старались не проронить ни слова, а когда я в самых невинных выражениях касался, допустим, ближневосточных событий, делали круглые глаза и указывали куда-то вверх, в угол.

Думаю, что основное, чего удалось добиться советской власти за годы своего существования, — это страх, который она вселила в людей, и точная уверенность, что КГБ всё знает и всё может.

До сих пор не могу понять, почему самые страшные тридцать седьмые годы в моей жизни, в жизни моей семьи не вызвали никаких осложнений. Загадка...

Читая Н. Я. Мандельштам, видишь, как совсем по-иному жила в те годы московская и ленинградская интеллигенция. Вернее, мы жили по-иному. Те — не спали ночами, прислушиваясь к каждому шагу на лестнице, считали светящиеся окна в соседних домах («неделю уже не горит свет у таких-то — забрали...»), мы же о всех страшных событиях узнавали только из газет, и то о тех только, о которых писали. И не скажу, чтоб родители мои (не говорю о себе, для меня тогда существовал только театр) так уж скромно себя вели. Тётка — правдоискатель и человек бесстрашный — протестовала и писала в ЦК по поводу всяких арестов и увольнений, другая же тётка, жившая в Швейцарии, в письмах своих (а писала она регулярно, и все письма доходили) позволяла себе весьма неодобрительно отзываться о нашей системе, а когда бабушка сообщила ей о смерти А. В. Луначарского (моя семья с ним дружила в Париже), та ей лаконично ответила — «ну, что ж,

одним бандитом меньше...». Думаю, этого было вполне достаточно.

Поразительно и другое — оторванность, в частности моя, от той жизни, которой жила в те годы Москва. В 1938 году мне было двадцать семь лет. Работал я во Владивостоке, в театре Красной Армии, и считался одним из самых интеллигентных, культурных, начитанных молодых актёров. Но если б мне тогда сказали, что где-то совсем рядом, в нескольких километрах от моего дома, моего театра во Владивостоке, пригороде Вторая речка (а сколько раз мы ездили туда с выездными спектаклями) умирает за колючей проволокой великий русский поэт Осип Мандельштам, я бы только вылупил глаза — «Кто, кто?». Пристало ли мне после этого удивляться, когда мой друг, военный инженер, живущий, правда, не в Москве, а в Вольске, неподалеку от Саратова, таким же «кто, кто?» отреагировал на какое-то моё высказывание о Синявском и Даниэле. Правда, в мои годы не было никаких Би-би-си и «Голосов Америки», что не очень, но всё же как-то оправдывает меня.

С улыбкой вспоминаю я сейчас своё пламенное, всех взбудоражившее выступление в стенах Строительного института на какой-то из дискуссий (тогда они ещё допускались). «Страх... вот главное, что нами сейчас руководит! — так начал я свою речь. — Страх перед дурной отметкой! Страх от одной мысли, что тебя лишат стипендии! Страх перед профессором, от которого зависит и то и другое! А он — страх — ведёт к предательству и измене...» Ну, и т. д. Поводом для этой пылкой речи двадцатилетнего студента (осуждённой, кстати, потом секретарём ЦК товарищем Гансом — кто его помнит сейчас? — и фамилия моя попала в центральную газету — и я был в восторге, как чеховский

герой) послужило решение высочайших органов, осуждающее конструктивизм в архитектуре, — событие, на многие годы повергшее нашу архитектуру в состояние растерянности и упадка.

Думал ли я тогда, задиристый забияка, что эта тема — страх (о, если б перед отметками и профессорами...) — станет главной в те невесёлые дни, когда я расставался с Родиной, и явится одним из тех толчков, которые вынудили меня принять столь нелёгкое решение.

Страх...

Самое грустное — это то, что я со всех сторон слышу: «Надо понимать... Поймите же, что ему... что ей, что им... что у них...» Стараюсь понять, но не понимаю.

Не понимаю, как человек, жена моего самого близкого, самого дорогого, ныне уже покойного, друга может после тридцати лет самых близких, самых дружеских отношений вдруг эти самые отношения пресечь навсегда. Так и было сказано: «Я с ним встречаться больше не буду. Конечно, если когда-нибудь ему что-нибудь от меня будет надо, он может...» Но он не смог. Черта была подведена слишком решительно.

Не понимаю, как можно отправить назад пришедшие на твой адрес лекарства с просьбой передать их моей жене — мы были в отъезде. По телефону было сказано: «Ты сама должна понять... Я не могла иначе... И проститься с тобой я тоже не могу... Мне очень тяжело, но...» С этим человеком моя жена дружила даже не тридцать, а сорок лет. Можно сказать, самый близкий друг — совместная работа в театре, эвакуация, последние годы...

Не понимаю, когда оправдывают моего друга, с которым мы учились в одном институте, и ближайшего моего соседа (его окна видны из моих окон), забывшего вдруг ко мне дорогу (он попрощался со мной телеграфно), словами: «Пойми же, ради Бога, что ему надо объект сдавать... Зачем ему рисковать?» А друг этот в своё время любил прибегать по вечерам ко мне, усталый и раздражённый, — «Дай чайку... Хочется как-то всех послать к чёртовой матери, дёргают со всех сторон, сил нет...» И делился со мной всеми сложностями и перипетиями своей работы. Потом предпочёл не делиться — там же, мол, всё прослушивается. Может, он прав, объект-то сдавать не мне, а ему...

И ещё один друг... И ещё... И ещё...

И стало пусто. И телефон умолк. И я перестал звонить. Старался понять. До сих пор стараюсь. Но не выходит.

* * *

Вечерний Крещатик натолкнул на мрачные размышления. Может, утренний или дневной немного успокоит нас? Вряд ли. В дневные часы он одержим. Магазиновая и лоточная вакханалия. Моя квартира в самом центре, и вся толчея перед моими глазами. Когда-то, до войны, Пассаж был тихой улочкой с художественными салонами, книжными магазинами. Сейчас это «Детский мир», где меньше всего детей и с избытком взрослых.

Что происходит со взрослыми, когда где-то «выбросили» кофточки, босоножки или апельсины, — говорить не приходится. С ужасом и великим сожалением

думаю о тех, чьи окна выходят в этот самый «Детский мир». Наши, слава Богу, выходят в противоположную сторону, которая шумна только по утрам, когда разгружают ящики в тылах магазинов. И только по воскресеньям в Пассаже тишина. Магазины закрыты. Бродят голуби, да во дворе «Гастронома» единственная на весь Пассаж очередь — сдают бутылки.

Бывает время, когда Крещатик меняет своё обычное лицо. Это — праздники и дни футбольных матчей. Население его тогда увеличивается в десятки раз. В дни футбола не рекомендуется заходить в «Гастроном» — всё равно ничего не добьёшься, — а в дни праздников и салютов прекращается движение транспорта и улица во всю свою ширину и длину отдаётся во власть пешехода, если это спокойное слово можно применить к топчущейся на месте или протискивающейся куда-то толпе. Это не лучшее время для посещения Крещатика.

Мы с мамой выходим гулять обычно под вечер. Жара уже спала, но вечерней толкотни ещё нет. Маршрут традиционный — до эспланады над Днепром или по Петровской аллее и назад. Идём себе под ручку, тихонько, не торопясь. У подземного перехода осаждают продавщицы цветов, они нас хорошо знают. «Возьмите ландыши бабусе, только из леса...» Мама любит ландыши, и весной у нас вся квартира в ландышах. И в распускающихся веточках тополя, каштана, клёна. Потом сирень, жасмин, к концу лета гладиолусы, осенью георгины, астры... «Вы только побрызгайте их сверху, долго стоять будут...» Иногда наших баб нет, их разгоняет милиция. Зачем? Почему? Кому они мешают? Кто-то объяснил: «Безобразие! Замусоривают только

Крещатик лепестками!» Действительно, безобразие, того и гляди утонет Крещатик в лепестках роз...

Так, здороваясь направо и налево, — мы ведь тоже неотъемлемая часть предвечернего Крещатика, что-то вроде его достопримечательности, — доходим до громадного плаката на глухой стене дома: «Пийте, друзі, вітаміни, натуральні свіжі соки, і рум'янцем неодмінно запалають ваші щоки». Мама каждый раз возмущается: «Зачем надо, чтоб у меня пылали щёки? Кто придумал, что это красиво?» А на площади Калинина на доме всю ночь вспыхивает и гаснет: «Хто морозиво вживає, той квітучий вигляд має». Мать тоже пожимает плечами: «Всю жизнь ем мороженое и никогда этого не замечала».

О, киевская реклама, мигающая, вспыхивающая, переливающаяся! Она далеко обогнала примитивные московские призывы «Аэрофлота» и сберкасс пользоваться их услугами и, пожалуй, даже Бродвей. У нас она в изысканной стихотворной форме.

«Якості найкращі сконцентровані саме в ньому, в цукрі рафінованім» (качества наилучшие сконцентрированы именно в нём, в сахаре рафинированном).

«Кришталь, скловироби, термоси виробництва Київського склозаводу художнього хай будуть в квартирі у кожного» (хрусталь, стеклянные изделия, термосы производства киевского стеклозавода художественного пусть будут в квартире каждого).

«Піаніно, баяни, бандури не треба шукати довго. Адреса точна — в магазинах Київкультторга». (Пианино, баяны, бандуры не надо искать долго, адрес точный — в магазинах Киевкультторга).

И так далее, в том же духе. Разве плохо?

Погуляв по вечернему Крещатику, ты не будешь больше мучиться в поисках бандуры, оставишь наконец квартиру хрусталём и термосами, а чай будешь пить только вприкуску.

Зацепившись за рекламу, никак не могу обойти вниманием ещё один вид информации — так называемую наглядную агитацию. Ничуть не оспаривая её полезность в принципе, приведу только один пример.

Прошу уважаемого читателя, не подглядывая вперёд, ответить на вопрос: в какой газете, книге, журнале, парке культуры и отдыха, клубе или кинотеатре могло быть помещено нижеследующее: «К 1980 г. будет полностью удовлетворена потребность народного хозяйства и населения в перевозках путём согласования развития всех видов транспорта».

Где? Нет, не в газете, не в парке культуры и отдыха, не в клубе, а... на почтовой марке! Всё это размещено на крохотном кусочке бумаги размером 3х5 см и изданном Бог знает скольким миллионным тиражом. И такая марка не одна, а целая серия.

Ах, милая ты наша наглядная агитация. Как привыкли мы к тебе, бессмысленной и никем не читаемой, — ко всем этим «Партия и народ едины» и «Выполним решения XIV пленума», ко всем этим потокам и колонкам цифр, диаграмм и молодым парочкам с развевающимися волосами и спутниками или атомами в протянутой руке, как уже даже не раздражаемся — просто глаз наш аккомодировался и сетчатка не воспринимает, не отпечатывает в мозгу определённый набор слов и изображений...

Но однажды сетчатка у меня не сработала, сдала. Дело было в Чернобыле, маленьком и очень симпатичном украинском городке на берегу Десны. Как-то вечером мы с друзьями гуляли по прибрежным лугам и добрались до старой лесопилки. Кругом — ни души. Две на длинных верёвках козы щипали траву. Где-то далеко в лесу, за речкой куковала кукушка. Заходило солнце. Тоненький месяц над лесом. Тишина и покой. И только лёгкий ветерок трепал выцветший, ставший из красного розовым, лозунг над воротами лесопилки: «Да здравствует традиционная дружба народов Советского Союза и Непала». Интересно, есть ли в Чернобыле хоть один человек, который мог бы пальцем указать на карте, где этот Непал находится.

* * *

Лучшее время прогулки по Крещатику — это, конечно, раннее-раннее утро. Летом, часиков этак в пять-шесть. Редкие, непонятно откуда и куда идущие — то ли с дежурства, то ли с затянувшихся именин — прохожие, первые дворники, волочащие по тротуару кишки для поливки улиц. Троллейбусов ещё нет. Вихрем проносятся одиночные, плюющие в этот час на светофоры, машины. На магазинах, с обязательными любезными «Добро пожаловать» (по-украински «Ласкаво просимо»), висят ещё замки на каких-то железных коробках с всунутыми в них картонками... Идёшь по такому Крещатику, ещё прохладному, с длинными тенями, и замечаешь то, мимо чего проходишь, когда он тороплив и многолюден. Именно в это утро ты обратишь внимание на то, как выросли довоенные деревья, как хорош виноград на балконах, переползающий по стенам с одного на другой, как мощно разросся плющ на

лестнице, ведущей к павильону «Чай-кофе» (расти, расти, плющ, разрастайся по всем фасадам Крещатика — ты сделаешь большое дело!), как не нужны, безобразны и не вяжутся со старым Пассажем скульптуры у его входа и ещё парочка возле лестницы к кинотеатру «Дружба». Для чего они, эти унылые мужчины и женщины с какими-то чертежами, планами и снопами в руках? Ох, как повезло бы Крещатику, если бы скульптуры могли оживать — взяли бы они свои чертежи под мышки и ушли куда-нибудь подальше...

Да, именно в это тихое, безлюдное утро ты всё увидишь и заметишь. Остановишься посреди пустынного тротуара и начнёшь рассматривать фасады. Ты никогда не занимался этим? Тогда — советую!

В Киеве есть дом, который знают все, даже некиевляне. «Слыхали, что у вас в Киеве есть такой дом, — говорят они, — на котором много...» Да, есть, отвечаем мы, дом Городецкого, дом с русалками.

В. Городецкий, в своё время известный в Киеве архитектор, отнюдь не был новатором. Он подражал Древней Греции (в Музее украинского искусства, «со львами», как его называют киевляне), готике (в новом костёле), чему-то восточному (в караимской кенасе на Большой Подвальной, сейчас там кино «Заря»). Сделано всё умело, добротнo, со знанием дела, но в общем-то копии чего-то. Но вот в жилом доме на Банковой (ныне Орджоникидзе) Городецкий нашёл самого себя. В этом доме он приближается, не на очень, правда, близкое расстояние, к вдохновенному певцу архитектуры модерна — Антони Гауди, автору знаменитого собора Ла Саграда Фамилия (Святое Семейство) в Барселоне. Неудержимая фантазия, стремление и умение из камня и цемента вить

верёвки, лианы, сети, уничтожать камень как таковой, превращать его в цветы, растения, животных — одним словом, создавать архитектуру, уничтожая её устоявшиеся принципы, вот что сближает этих двух архитекторов — русского и испанского. «Дом Городецкого» — это, конечно, не просто дом, это сказка, приключенческий рассказ, детская иллюстрированная книжка... Там вырастают из стен слоны, носороги, антилопы, и громадные жабы на крыше, и наяды верхом на усатых дельфинах, и в каннелюрах колонн извиваются маленькие ящерицы и змеи, а на решётке дома дикий барс (или что-то ему сродни) сражается с могучим орлом...

И вот стоят перед этим домом туристы, приезжие со всех концов страны, и рассматривают, удивляются, поражаются, хвалят, осуждают, иронизируют и, конечно, фотографируют со всех сторон. Одним словом, при всей своей антиархитектурности дом этот...

Но стоп! Я сказал «антиархитектурность» — и тут же беру свои слова обратно. Нет, дом Городецкого вовсе не антиархитектурен, в нём просто ярче, доходя до какой-то крайности, развито то, что заложено в архитектуре многих жилых домов первых лет двадцатого века. Более того, я бы сказал даже, что дом этот на фоне остального — пример скорее положительный, чем отрицательный.

Конец XIX — начало XX века — не лучшее время в истории архитектуры. Декаданс, модерн, Сандуновские бани, Елисеевские магазины, особняки Рябушинского, Кшесинской, Grand Palais в Париже. Но кроме особняков, где полёт фантазии не ограничивался богатыми заказчиками, начало века было отмечено неудержимым

ростом городов, строительством так называемых доходных домов и того, что за границей называется офисами, — банков, контор, страховых обществ и т. д. И вот этим-то домам было тогда нелегко, а архитекторам и подавно.

Земельная рента в начале века (особенно на центральных улицах) росла чуть ли не в геометрической прогрессии. В Киеве в девяностых годах усадьба Меринга (в самом центре города, там, где театр И. Франко, бывший Соловцова), размером в десять десятин, продана была за триста тысяч рублей. Несколько лет спустя усадьба Штифнера (нынешний «мой» Пассаж) площадью в один гектар была приобретена страховым обществом «Россия» за полтора миллиона рублей.

Теснота участков приводила к тому, что дома на улицах-коридорах стояли плечом к плечу и оставляли в распоряжении архитектора одну только фасадную стену, остальное — либо глухие брандмауэры, либо никому не видные задние стены, выходящие окнами и балконами во дворы-колодцы.

Так расцветало фасадничество.

Правда, и ренессанс, и барокко, а до этого и готика тоже хорошо знали, что такое фасад. На него сгонялось всё — и колонны, и пилястры, и сандрики, и карнизы. Но стиль в то время создавали, в основном, не жилые дома, а уникальные сооружения — дворцы, замки, соборы; в двадцатом же веке — именно жилые дома и офисы.

И вот бедный архитектор, лишённый объёма и пространства, весь свой талант и знания вкладывает в эту самую, единственную, выходящую на улицу стену. Задача не из лёгких, с которой могли справиться только крупные мастера. И нужно сказать, что в России таким

архитекторам, как Щусев, Щуко, Фомин, Жолтовский, Таманян, Бенуа, удалось создать здания, безусловно украшающие город. Пример тому — Каменноостровский (ныне Кировский) проспект в Ленинграде, одна из красивейших улиц города.

Киев, увы, похвастаться таким проспектом не может. Четыре здания на Крещатике (Зецкера и Торова, Бенуа, Андреева и Лидваля) плюс Пассаж, непосредственно на Крещатик не выходящий, ну, ещё от силы десяток-другой домов — и всё. Остальное малоинтересно. Пяти-шести-этажные из жёлтого киевского кирпича, в большинстве неоштукатуренные здания с достаточно безвкусной лепниной и обязательно куполами — вот типичная архитектура Киева, его лицо. Ну, ещё обязательный «стиль рюсс» — пузатые колонки, теремочки, кокошнички.

Спасают эту безвкусицу рельеф города и буйная зелень, скрывающая фасады. Одно в этих домах хорошо — балконы, широкие, просторные, со специфической киевской «пузатой» решёткой из каких-то листьев и ветвей. На таком именно балконе я и начал свои прогулки — дом № 4 на Владимирской — типичный киевский дом.

Двадцать пять лет я прожил в Пассаже. О нём стоит поговорить особо, так как огромный дом этот — один из наиболее ярких образчиков нелёгкой, я бы даже сказал, трагической судьбы «фасаднической архитектуры».

Пассаж — это, так сказать, внутриквартальная, совсем не широкая улица с большими магазинами на первом этаже и бесчисленным количеством квартир на остальных четырёх. Думаю, что население Пассажа (вся эта улица — один дом № 15) не уступает по количеству

жителей любому современному районному центру или дореволюционному уездному городу. Строил его архитектор П. Андреев. Осуществить до конца свой проект ему не удалось (строительству крещатицкой части помешала мировая война), но и то, что сделано, свидетельствует о большом мастерстве автора. Да, о мастерстве и в то же время, повторяю, о трагичности его мастерства.

Даю голову на отсечение, что ни один из многих тысяч жильцов этого дома не знает, что же изображено на его фасадах. Более того, смею утверждать, этого не знает ни один киевлянин, даже ни один житель земного шара, кроме разве что авторов проекта (если они ещё живы) и... меня. Сужу по тому, что, прожив в Пассаже двадцать пять лет, я только сейчас обнаружил на его фасаде, вернее, фасадах, массу интереснейших вещей. Обнаружил, например, кроме мужских и женских голов, молодых и пожилых, несметное количество гербов, гирлянд, поддерживаемых летящими гениями, ангелочков, орлов, бычьих черепов, ночных сов с распростёртыми крыльями, факелов, жезлов Меркурия, бараньих голов с подвешенными к рогам ананасами и множество барельефов — детей, играющих со львом и львицей, обнажённых мужчин и женщин, из которых я точно узнал одного только Нептуна по трезубцу в руках, какие-то обнимающиеся пары... И всё это я, киевлянин, человек, любящий разглядывать фасады, открыл для себя совсем недавно, начав писать эти заметки.

И тут-то и возникает вопрос: не зря ли потратил всеми уважаемый архитектор время на прорисовку всех этих ангелочков, сов, орлов и прочей живности? Ведь никто этого не видит, не замечает. Я вот совсем недавно только обнаружил, что женская голова в замочном камне

над моим парадным отличается от других таких голов тем, что она прикрыта тигровой шкурой. А сколько раз я входил в эту дверь? Тысячу, две, пять, десять тысяч раз? Непостижимо! И обидно. Столько труда потрачено. Неужели напрасно?!^[4]

В студенческие годы мы много говорили и спорили о синтезе искусств. Примерами положительными считали афинский Акрополь, капеллу Микеланджело во Флоренции, где архитектура и скульптура настолько спаялись, слились, что просто не могут существовать друг без друга. Синтез архитектуры с живописью признавался, правда, с оговорками, в домах Помпеи, а в более поздний период в архитектуре Мексики — Диего Ривера, Сикейрос и другие. Нарушителями, врагами синтеза считались Сикстинская капелла того же Микеланджело (живопись разрушает архитектурную форму) и, конечно же, барокко, где для нас, юных конструктивистов, ревнителей чистых объёмов и плоскостей, всего было слишком много.

С годами вкусы несколько изменились — стало ясно, что конструктивизм отнюдь не панацея от всех бед (это понял раньше всех нас великий Корбюзье), а барокко далеко не самый плохой период в истории искусств. Стиль (если можно говорить о нём как о чём-то имеющем начало и конец) рождается в определённую эпоху и не на ровном месте. Он отвечает требованиям своего

---

⁴ Уже после обнаружения тигровой шкуры я хвастался знанием фасадов собственного дома перед другом-скульптором. И, к великому моему удивлению, разобрал вдруг, что детишки на барельефах вовсе не играют со львом и львицей, они просто-напросто... спаивают их. Да, спаивают! Одни раскрывают ему пасть и подносят чашу с вином, наливая его из амфоры. Другие же малыши с гроздьями винограда в руках готовят вино. А двое даже дегустируют его. Вот о каких интересных вещах рассказал нам Андреев... — *Прим. авт.*

времени, своих заказчиков (от императоров прошлого до государственных мужей последних десятилетий) и в то же время является отображением состояния умов и вкусов.

Но я не собираюсь читать сжатый курс истории архитектуры, я просто пытаюсь уяснить себе (а потому и залез в дебри), *что* и положительного, и отрицательного дала человечеству архитектура начала века, а заодно разобраться в том, что можно считать её трагедией.

Если, вспоминая прошлое, мы заговорили о синтезе архитектуры, скульптуры и живописи, то на примере андреевского Пассажа и его собратьев мы видим весьма любопытное явление — вмешательство в архитектуру книжной графики и, в свою очередь, архитектуры в книжную графику.

Сравните, например, фасады первого десятилетия XX века с графическими работами «мирискуссников» — Бенуа, Бакста, Сомова, Добужинского — с обложками «Аполлона», «Золотого руна», «Столицы и усадьбы», и вы увидите много общего. Те же маски, купидоны, гирлянды, бараньи головы. Виньетки на стенах домов, колонны и архитектурные детали на книжных страницах.

И это вполне закономерно. И у архитектора, и у графика перед глазами плоскость, прямоугольник — у первого стена, у второго лист. И плоскость эту нужно заполнить. И, заполняя её, архитектор и график протянули друг другу руки, как позже, в двадцатые годы, сделали это архитектор и инженер. Но если во втором случае архитектура открыла нечто новое и дала миру таких мастеров, как Ле Корбюзье, Гроппиус, Райт, Леонидов, Мельников, братья Веснины (список этот

можно продолжить), то в первом случае дело обстоит несколько сложнее.

Книгу, взяв её в руки, ты рассматриваешь, а мимо дома проходишь, не очень-то обращая на него внимание, если это не памятник архитектуры и о нём не написано в путеводителях и книгах об искусстве.

Такие крупные мастера, как Щуко, Лидваль, Рерберг, тот же Андреев (Щусев несколько в стороне, у него были свои поиски — от церквей и Казанского вокзала до Мавзолея Ленина), оформляли свои фасады с большим вкусом и знанием дела, но мы, прохожие, не успеваем, не умеем это оценить. И виноваты в этом не архитекторы, а мы. И именно потому предпочтительно гулять по городу ранним утром, когда магазины и учреждения ещё закрыты, а тебе некуда торопиться.

Дома нужно рассматривать, как книжки. И тогда тебе многое откроется. Хотя бы то, что Пассаж при симметричности своих фасадов несимметричен в своём построении — у него есть излом, создающий некую очень нужную в искусстве неправильность (тонкость, придающая такое совершенство Акрополю), тогда ты испытаешь то наслаждение, которое хотел доставить тебе архитектор. И тогда ты поймёшь, что труд его был не напрасен, — воздвигнутое им (даже если не все детали до тебя дошли) создаёт в целом определённый архитектурный образ, настроение, то есть то, без чего архитектура существовать не может.

И тут я возвращаюсь к Городецкому, к его дому. Пусть в нём, в этом доме, слишком много носорогов и наяд, но он сделан рукою художника. И художника, не побоявшегося выбрать сложнейший рельеф — крутой обрыв. Это дало ему возможность вырваться из

строчечной застройки, а значит, и избавиться от фасада — дом одинаково интересен со всех сторон. И, пожалуй, именно это даёт нам право отнести его к примерам скорее положительным, чем отрицательным, того стиля, которому трудно дать название — модерн, неоклассицизм, декаданс, стиля, который не принято считать стилем, а принято осуждать, увы, не всегда с основанием.

...7 июня 1926 года на одной из центральных улиц Барселоны из-под трамвая было вытянуто тело неизвестного бродяги. Через несколько дней бродяге этому были устроены торжественные похороны, на которые стеклась чуть не половина города. Безвестным бродягой оказался 74-летний Антонио Гауди, архитектор, которому Барселона, а вместе с ней и всё человечество обязано одной из интереснейших страниц истории архитектуры. Строил он только в Барселоне, больше нигде, у нас России почти неизвестен, если не считать знатоков, так же неизвестен, как и «почтальон Шеваль» (во Франции знаменитый примитивист Руссо именуется не иначе, как «таможенник Руссо»), тем не менее имена обоих упоминаются во всех энциклопедиях, о них пишут монографии, а творения их изучаются всеми, кого интересуют судьбы архитектуры.

Оба они считаются представителями модерна. Но считают это, главным образом, специалисты, которым нужно втиснуть творчество того или иного художника в рамки определённого течения, стиля. Нет, ни тот, ни другой не втискиваются в эти рамки. Они не модернисты, они «кошки, которые гуляют сами по себе». Подобно Гоголю, который считал, что современную ему унылую архитектуру надо убить городом, в котором сочетались бы стили всего мира и всех веков, «почтальон

Шеваль» построил свою собственную усыпальницу (!), используя в ней всё лучшее, что дали миру неизвестные архитекторы Индии, Бирмы, Тибета, Японии, Китая, Рима. Гауди, напротив, избегал стилей и модерна, оперировавшего своими штампами, в том числе.

Венец его творчества — собор Ла Саграда Фамилия. Строить его он начал ещё тридцатилетним молодым человеком и так и не закончил, дожив до семидесяти четырёх лет. За сорок три года строительства (1883—1926) ему удалось осуществить только грандиозный по размерам фасад — портал и четыре башни. Человеку, не выдавшему его в натуре, трудно, конечно, судить о впечатлении, которое производит собор (вернее, его лицо), но даже рассматривая фотографии, видишь, что перед тобою нечто незаурядное. Взмывающие ввысь веретенообразные стометровые башни, вырастающие из портала, поражают не только своим силуэтом, они сотканы из бесконечного количества деталей, которые уловить и оценить можно, очевидно, только вооружившись биноклем и временем. Фантазия автора не знает предела. Он оперирует любыми формами — готики, романских донжонов, дворца Снежной королевы, песочных замков, вылепленных детьми на пляже, затейливостью растений и придуманных самим автором форм. Он использует цвет, майолику, скульптуру, даже надписи, игнорируя только одно — прямую линию, прямой угол и плоскость. Эти последние Гауди считал началом человеческим, кривую же — божественным, что, правда, не мешало ему и в жилых домах избегать «человеческих» прямых.

В Гауди мирно уживались (а может, и не мирно) самые противоположные начала. Художник и инженер, мистик и калькулятор. Его любили и чему-то учились у

него Корбюзье и Сальвадор Дали. А он своим учителем считал природу. «Дерево — наш учитель», — говорил он. «Парабола — не придуманная, вычисленная кривая, это растопыренные пальцы». Его эмблемой были роза и дракон — эмблема святого Георгия, покровителя Каталонии, — прекраснейший из цветов и чудовищное порождение фантазии.

Любимое изречение Гауди: «Архитектура не должна придерживаться своего времени». И ещё одно: «Трамваи должны останавливаться, а не пешеходы»... Увы, этого изречения не знал водитель трамвая, который переехал его.

В наш век стандартов и рационализма ни Гауди, ни «почтальон Шеваль» (он, действительно, был почтальоном, как и Руссо — таможенным чиновником) не вписываются. Их архитектура не дружит с современной. Что ж, тем хуже для современной архитектуры, добавим мы, в чём-то разделяя точку зрения Гоголя.

Талант даже в сложные времена выходит победителем.

Ну, а Городецкий?

Только сейчас, и то совершенно случайно (поднёс старушке тяжёлую корзину, она мне и поведала), узнал я, что автором самого любимого моего дома был тоже Городецкий. Это «Замок Ричарда Львиное Сердце», как прозвали мы его ещё в детстве, воюя на его лестницах и мостиках, — чудесный, загадочный, ни на что не похожий дом на Андреевском спуске, круто петляющем от Андреевской церкви вниз, на Подол. Городецкий, очевидно, любил замки (я вспомнил его, гуляя сейчас по созданной для дуэлей, погонь и Фанфан-Тюльпанов крыше замка...), и в нашем «Ричарде» это особенно

чувствуется — даже сейчас, попав в его дворы и дворики, хочется скрестить с кем-нибудь шпаги...

Имя Городецкого не упоминается ни в одной энциклопедии, о нём не пишутся монографии, и над «домом с русалками» кое-кто посмеивается, а другие просто от него отворачиваются — стоит ли о нём говорить, — но не зря всё-таки приходят к этому дому люди, разглядывают его, фотографируют... А новые «башни» на Русановке ли, или в Химки-Ховрино, при всей их разумности и рациональности что-то совсем не хочется фотографировать.

Киевляне рассказывают легенду о дочери Городецкого, которая утонула где-то в озере Чад или Виктория-Ниянца, и в память о ней, мол, построен дом с русалками и носорогами. А где-то я читал, что, напротив, никакая там не фантазия, просто архитектору заказала этот дом какая-то фирма по производству цемента — проверить в самых сложных лепных формах качество цемента. Бог его знает, что было на самом деле, важно другое — перед нами произведение художника, у которого было своё лицо, не банальное, не стереотипное, а своё собственное. Без этого не может существовать искусство, будь это храм Василия Блаженного, капелла Роншан или хотя бы «Замок Ричарда Львиное Сердце».

* * *

«Замок Ричарда Львиное Сердце» — № 15 по Андреевскому спуску, а ниже его под горой — № 13, «дом Турбиных», в котором жил и автор пьесы, М. А. Булгаков. Теперь он стал вроде одной из достопримечательностей Киева. Почитатели Булгакова, из разных городов, сразу находят его — большое чёрное

«13» на ярко-белом квадрате видно издалека. Многие заходят во дворик, фотографируют, наиболее отважные рискуют познакомиться и с Инной Васильевной, дочерью Василисы...

Весь последующий раздел интересен только тем, кто любит Булгакова «Белой гвардии», кто выстаивал длиннющие очереди в Камергерском, чтоб попасть на «Дни Турбиных», кто замирал, переживая вместе с героями пьесы все перипетии этой такой милой, такой дружной семьи.

О своих поисках, о доме, в котором жили придуманные и не придуманные Булгаковым герои романа и пьесы, я как-то написал в «Новом мире», и для тех, кто прочитал этот маленький очерк, и написаны нижеследующие строки.

Скажу прямо — писать о живых людях или их прототипах — дело неблагодарное, а, возможно, даже не всегда нужное.

Надежда Афанасьевна Булгакова, сестра писателя, в одном из писем писала:

«Несколько человек, знающих нашу семью, осуждают Вас за неточность информации. Говорят, что Вы, мол, от Инны Васильевны узнали, что есть в Москве родные писателя, надо было бы обратиться к ним. Но представьте, я так не думаю. Болезнь помешала мне вмешаться в это дело до напечатания очерка, значит, судьба: пусть будет так, как получилось».

Несмотря на столь мягкое и деликатное замечание Надежды Афанасьевны, позволю себе истины ради кое-что с её слов всё же уточнить и дополнить.

«Не знаю, — пишет она, — стоит ли утруждать Ваше внимание исправлением ошибок, но кое-что скажу.

Варя, **самая весёлая** (это верно), четвёртая в семье, **на гитаре не играла**, она кончила Киевскую консерваторию по классу рояля, была пианисткой. Вера, старшая из сестёр, вторая после Михаила, пела, училась пению; замужем за офицером никогда не была; её муж никогда не был выслан. Мой муж был филолог, русский. Ни у кого из сестёр Булгаковых мужей **немцев не было**.

Варя — прототип Елены Турбиной. Миша прекрасно, тонко уловил черты её характера, её облика, рисуя Елену Турбину. Но Вы же сами написали о героях Булгаковых: „...может, и выдуманных наполовину, на четверть выдуманных... И муж Елены — Тальберг — тоже выдуман на сколько-то“».

По этому поводу пишет и племянница Надежды Афанасьевны, дочь ныне покойной Варвары Афанасьевны (Елены Турбиной):

«Моя мать, действительно, вышла замуж за офицера (моего отца); фамилия у него немецкого происхождения — Карум, но он был русским. Мать его уроженка Бобруйской губернии — Миотийская Мария Фёдоровна. Самое интересное, что отец мой жив. В период культа личности он был репрессирован, сослан в Мариинск, затем переехал в Новосибирск. В настоящее время он, конечно, полностью реабилитирован, пенсионер, свой трудовой путь закончил в должности заведующего кафедрой иностранных языков Новосибирского государственного медицинского института. Сейчас ему семьдесят восемь лет, но он много работает над иностранной литературой, живо интересуется новинками в литературе, музыке, искусстве.

Моя мать в ссылке никогда не была, мы приехали в Новосибирск, когда отец был освобождён. В последние годы своей жизни она работала в Новосибирском педагогическом институте старшим преподавателем кафедры иностранных языков».

Оба письма, отрывки из которых я привёл, — Надежды Афанасьевны и И. Л. Карум, её племянницы, — дополнений и разъяснений, само собой разумеется, не требуют. Как никто другой понимаю, как досадно обеим было читать все эти «неточности», касающиеся близких и дорогих им людей (я тоже огорчился бы). Но я, оправдываясь, хочу сказать, что своё посещение дома № 13 рассматривал скорее как некую живую сценку, вплетшуся в историю «дома Турбиных», а не как исследовательскую работу по биографии М. А. Булгакова. Я не исследователь и не биограф — просто мне дорого всё, что связано с именем писателя, и каждое слово, каждый, пусть далёкий, детский отрывок чьих-то воспоминаний о нём, о вымышленных или невымышленных его героях мне интересен. Да думаю, не только мне.

Вот несколько из этих дошедших до меня отрывков.

Алексей Турбин...

Одна из читательниц пишет:

«Моя мать в 1918 году жила в Киеве (кстати, на Андреевском спуске в доме кн. Урусова, который Вы называете „Замком Ричарда“) и была близко знакома с артиллерийским офицером (в чине полковника) Алексеем Петровичем Турбиным.

Ещё в 1933 году, посмотрев пьесу Булгакова, она считала, что Алексей Турбин очень похож на того человека, которого она знала, и хотела узнать у Булгакова, действительно ли Булгаков „списал“ его с живого человека. Но, с одной стороны, она стеснялась написать, с другой — даже боялась... Вы пишете, что полюбили этих людей, полюбили „за честность, благородство, смелость, за трагичность положения“. По рассказам матери, Ал. Петр. Турбин был именно таким — благородным, очень интеллигентным, но — увы! — белым офицером. Теперь, после Вашей статьи (очерк? новелла?), я уверена, что Алексей Турбин и есть тот самый человек, конечно, не в абсолютно „чистом“ виде, как и всякий литературный прототип.

Последний раз моя мать видела его в Севастополе перед бегством белой армии за границу».

Это — о самом Турбине. А вот догадка одного из читателей по поводу «происхождения» этой фамилии. Булгаков — Турбин. По Ушакову, булгачить значит «беспокоить, будоражить», по Далю, турбовать — тоже «беспокоить, тревожить», — по-моему, любопытная, о чём-то говорящая «раскопка».

Шервинский...

Письмо от читательницы из Горьковской области:

«Было это так. Лет десять тому назад я ехала из Москвы домой. В купе со мной оказалась только одна пассажирка — немолодая, некрасивая женщина, разговор с которой не сулил ничего интересного. К счастью, я

ошиблась. Попутчица оказалась завзятой театралкой, и мы с увлечением проговорили всю летнюю ночь.

Конечно же, вспомнили „Дни Турбиных“. И хотя обе мы видели их в тридцатых годах, впечатление было настолько великое, что спектакль запомнился во всех деталях.

Вот тут-то моя собеседница мне и сказала: „А знаете, я ведь киевлянка и в 1918 году жила в Киеве. Я немного знаю человека, которого Булгаков вывел под фамилией Шервинского“.

Передаю то, что запомнила из её рассказа.

„...1918 год. Ранняя осень. Я в гостях в одной скромной семье, состоящей из матери-старушки и двух дочерей-девушек. Бедная квартира, тусклый свет, неинтересный, вялый разговор. И вдруг ворвался солнечный вихрь — в комнату влетел молодой офицер — родственник старушки. Высокий, стройный, с великолепной русой шевелюрой. От его белозубой улыбки, прекрасного голоса, смеха, шуток сразу всё ожило. Я сидела в уголке и следила и слушала, как он говорил, смеялся, ухаживал за девушками, целовал руки старушке, пел, играл на скрипке...

Когда я смотрела спектакль — выход Шервинского поразил меня — да ведь это же Евгений! Актёр дал очень верный образ, будто знал его.

Уходя из гостей, я спросила у старушки, кто этот офицер, старушка ответила, что это её родственник, что он служит адъютантом у одного высокопоставленного лица, чуть ли не у „самого“.

В последний раз я видела его в элегантной коляске, запряжённой парой вороных. Он сидел на переднем

сиденье — откидной скамеечке — и что-то оживлённо говорил каким-то важным особам, сидевшим в экипаже.

Потом в городе произошла смена власти, и он исчез.

После мне рассказывали, что он обосновался в Москве. Одаренный человек, он увлекался электротехникой, сделал ряд изобретений в области гальванопластики, много и плодотворно работал, а теперь доживает свой век, окруженный почетом и уважением.

Он был женат. Жену он обожал и рыцарски служил ей. На меня как на женщину произвел большое впечатление такой факт: 30-е годы, карточки, с промтоварами трудно, предметов роскоши совсем нет. А он, чтобы доставить удовольствие своей жене, обшаривает всю Москву и достает флакон духов „Коти“. Жена их любит...”

Вот и всё, что я запомнила из рассказа моей попутчицы. Помнится, мы тогда ещё потолковали, не на „Елене“ ли он женился, но у моей собеседницы никаких определённых данных не было».

Так ли это? Не знаю. И не проверяю. Зачем проверять? Пусть это останется «тайной» неизвестного адъютанта Шервинского и не более известного Евгения...

А вот строчки из письма, ничего нам не открывающею, но настолько трогательного, что не могу их не привести:

«...„Дом Турбиных“ возвратил меня к событиям сорокалетней давности, о которых хочу рассказать Вам.

Лет мне было в те поры пять-шесть, но кое-что запомнилось отчётливо, совершенно фотографически.

Так вот, у моей матери была приятельница, звали её Лёля. Внешность её совершенно изгладилась из памяти. Кроме синего костюма (как Василисин зять запомнил только форму булгаковских зубов). Меня в те времена могли интересовать зубы разве что серого волка. Помню, как-то раз мама, тётя Лёля и я шли по Тверской (в Москве). Остановились у круглой афишной тумбы — были когда-то такие в Москве, летом в них ночевали беспризорники. Мама и тётя Лёля разглядывали афиши и вели какие-то свои, взрослые разговоры, мне неинтересные. Вдруг мать сказала, обращаясь к тётя Лёле: „Миша Булгаков!“ Сказано это было таким радостным, таким особенным тоном, что я невольно спросила, кто это — Миша Булгаков? „Миша Булгаков — брат тётя Лёли“.

И обе они, мама и тётя Лёля, как-то очень тепло и радостно улыбаясь, стали говорить о Мише — Лёлином брате.

Я уже умела читать и прочла на афише какого-то спектакля (тогда мне было совсем безразлично, какого именно) „М. Булгаков“.

Безусловно, у М. А. Булгакова и его родственников было (и есть сейчас) великое множество знакомых, друзей, приятелей, могущих рассказать о семье Булгакова много интересного.

Читать, как я уже сказала, умела. Прочла разные сказки — Андерсена, братьев Гримм и т. д., что обычно читают детишки. Но всех этих авторов уже на свете-то не было. И вообще, никому ничего не было известно, скажем, о братьях Гримм, чьи они, собственно, братья? А

вот о Мише Булгакове всё было известно доподлинно — он был брат тёти Лёли. И жил в Москве. И его имя было на афише. Правда, пьесы, которые он писал, были для взрослых. А коль мама и тётя Лёля так этому обрадовались, значит, Миша Булгаков хороший писатель. Иначе чему бы радоваться?

Так вошло в моё сознание: Булгаков — писатель, радующий людей.

Что было с Лёлей Булгаковой дальше — не знаю. Мать моя тяжело заболела и вскоре умерла. Приятельницы её у нас уже не бывали».

Николай Турбин... Любимый мой Николка — Кудрявцев...

Почему-то мне казалось, что прототипом его должен быть самый младший брат Михаила Афанасьевича — Иван. Один — в Киеве на гитаре, другой — в Париже на балалайке... Потом подумал: а не Николай ли, второй брат Михаила?

Иоанн Сан-Францисский (в миру Шаховской) в предисловии к заграничному изданию «Белой гвардии», так и озаглавленном: «Судьба Николки Турбина», не сомневается, что Николка — это Николай Булгаков. Ссылается при этом на свидетельство одного священнослужителя, который сидел с Николаем Афанасьевичем в одном лагере во Франции во время немецкой оккупации.

Что же о них известно — о Николае и Иване?

Оба они после Гражданской войны оказались в Югославии, затем во Франции. Николай Афанасьевич,

получивший высшее образование в Загребе, работал в Париже ассистентом профессора д'Эффеля, всемирно известного учёного, открывшего в своё время бактериофаг. После смерти своего шефа возглавил институт его имени. За труды свои удостоен серебряной медали. В годы оккупации попал в немецкий концлагерь. Многие заключённые обязаны ему своей жизнью. Вдова М. Булгакова Елена Сергеевна показывала мне трогательный благодарственный адрес, по-детски украшенный виньетками, который преподнесли Николаю Булгакову бывшие заключённые после освобождения. Среди них и был, кстати сказать, тот самый священнослужитель, о котором упоминал Иоанн Сан-Францисский. Летом 1966 года (а не зимой) Николай Афанасьевич умер — простудился, схватил воспаление лёгких и не перенёс его. Похоронен он на русском кладбище в Париже.

Судьба Ивана Булгакова сложилась иначе. Чуткий, чистый, очень ранимый, он бесконечно тосковал по России. Люди, знавшие его, находили в нём что-то от Феди Протасова... Последнее время о нём ничего не было известно. Елена Сергеевна, ездившая в Париж, привезла только маленькую фотокарточку, где он снят в группе хора балалаечников одного из русских ресторанов в Париже. Он стоит вторым слева, моложавый, несмотря на свой возраст (1901 года рождения), невысокий, крепко сколоченный блондин в шёлковой косоворотке, шароварах, сапогах...

Разглядывая эту фотографию, я невольно подумал: а не встречался ли я с ним в Париже в 1962 году? В той же группе вторым справа снят молодой человек, лицо которого мне показалось знакомым. Не Марк ли это Лутчек из ресторана «У водки», с которым мне так и не

удалось вторично встретиться? Я спросил Елену Сергеевну, не знает ли она, кто это такой, и не цыган ли он. Да, цыган, но имени его она не знает...

Вернувшись в Киев, я ринулся на поиски. Написал в Париж своей знакомой, русской по происхождению, и попросил её, если не трудно, сходить в тот самый ресторан на бульваре Сен-Мишель и, если там ещё работает Марк, разузнать у него об Иване Афанасьевиче, которого, если и не работает с ним вместе, он, наверное, знает.

Вскоре получаю ответ, и — о, чудо! — оказывается, моя знакомая прекрасно знает Марка и всю его семью. Знала его ещё совсем мальчиком. Сейчас он женился на русской и вместе со своим ансамблем гастролирует в Ливане, в Бейруте, в казино «Бейрут». Туда и пишите!

Я написал. Через сколько-то времени — письмо от Марка. Не из Бейрута, а уже из Парижа. Очень милое письмо. Извиняется, что сразу не ответил («С русским у меня неладно, сейчас помогает жена»), и сообщает, что через друзей узнал нынешний адрес Ивана Афанасьевича, который и прилагает. Значит, жив! Забавная мелочь. Я сравнил фотографию балалаечников, где вторым справа стоит Марк, с присланной мне самим Марком («Представляю тебе мою жену Ольгу. Снято в день свадьбы») и... Что за чёрт! Совсем разные люди! Второй справа — вовсе не Марк! Перепутал!

Но не всё ли равно? Важно, что и Марк, а через него и Иван, обнаружились.

И вот в который раз убедился я, как важно писателю записывать адреса. И только для этого — уверяю вас! — только для этого придумана пресловутая «записная книжка писателя». Только для адресов. А

мысли придут потом. А если не придут, то, значит, и не заслуживали быть записанными.

* * *

И вот мы стоим перед этим самым домом № 13 по Андреевскому спуску. Ничем не примечательный двухэтажный дом. С балконом, забором, двориком, «тем самым», с щелью между двумя домами, в которую Николай Турбин прятал свои сокровища. Было и дерево, большое, ветвистое, зачем-то его спилили, кому-то оно мешало, затемняло. Мемориальной доски нет. Впрочем, на доме, где жили Л. Н. Толстой и К. Г. Паустовский, тоже нет.

Андреевский спуск — лучшая улица Киева. На мой взгляд. Крутая, извилистая, булыжная. Новых домов нет. Один только. А так — одно-двухэтажные. Этот район города, говорят, не будут трогать. Так он и останется со своими заросшими оврагами, садами, буераками, с теряющимися в них деревянными лестницами, с прилепившимися к откосам оврагов домиками, голубятнями, верандами, с вьющимися граммофончиками, именуемыми здесь «кручеными панычами», с развешанными простынями и одеялами, с собаками, с петухами. Над бывшими лавчонками, превратившимися теперь в нормальные «коммуналки», кое-где из-под облупившейся краски выглядывают ещё старые надписи. Это Гончарные, Кожемяцкие, Дегтярные, когда-то район ремесленников...

Это и есть Киев прошлого, увы, минуемый альбомами, открытками, маршрутами туристских бюро — напрасно, ох, как напрасно.

Если спуститься по Андреевскому спуску вниз и свернуть направо, попадёшь на единственную сохранившуюся на Подоле после пожара 1811 года Покровскую улицу с Покровской церковью и Николой-Добрым, с уютными ампирными особнячками, которых становится всё меньше и меньше. А свернёшь налево — попадёшь во Фроловский монастырь.

Это один из двух киевских женских монастырей. Очень чисто, прибрано, подметено, сияет новой краской. Монахини все в чёрном, неприветливые, на тебя не глядящие. В церкви расписано всё заново. Херувимы, серафимы, архангелы и очень много румяных, благостных святых. На подмостях двое молодых ребят, измазанных краской, — не из Художественного ли института?

Был когда-то в Киеве и мужской монастырь — Киево-Печерская лавра. Ещё совсем недавно тебя водили по пещерам словоохотливые монахи, вступавшие в дискуссии с молодыми атеистами. В пещерах было темно и жутковато, освещалось всё тонюсенькими восковыми свечками, которые ты приобретал у входа в пещеры. В пещерах покоились мощи святых отцов и великомучеников — Нестора Летописца, Ильи Муромца, святого Кукши. Под стеклом маленькие, ссохшиеся ручки.

Сейчас всё это залито ярким электрическим светом. Вместо монахов — бойкие, незадерживающиеся экскурсоводы, над местами захоронений — таблички: «Кости молодого человека, приписываемые церковниками якобы св. Вирсанавию». В специальном музее у входа в пещеры те же мумии и объяснения, почему они мумифицировались, — в этих местах такая,

мол, почва. И если и вас здесь захоронят, вы тоже сохранитесь на многие-многие годы.

Печерск — самая высокая часть города. Подол — самая низкая. В сильное половодье его даже заливают. В 1932 году вода дошла до самой Александровской улицы, и нас, студентов, освободили даже от занятий, чтобы что-то выкачивать. Разъезжая по затопленным улицам на хлюпающих плоскодонках, мы казались себе гондольерами на канале Гранде.

Подол — это свой особый мир. Как и всё сейчас, он, конечно, нивелировался. О, Одесса — уже не та Одесса, говорят старые одесситы. И Подол — уже не тот Подол. Не те базары, не та торговля, не тот Днепр... Но всё-таки здесь больше тельняшек, «крабов», «морских волков». Здесь своя речь, свои повадки, свои обычаи. И, конечно же, именно поэтому здесь жил А. Куприн. Много бы он здесь уже не узнал, но, наверное бы, пил пиво с Акимом Петровичем Меньшиковым, днепровским капитаном, умершим только в прошлом году на сто восьмом году жизни.

Да, Днепр уже не тот, нет плотов, снуют «ракеты», «кометы». А были плоты. Ещё совсем недавно были. С будками, баграми, развешанным бельём, с лающими собаками, дымящимися над огнём котелками. С них прыгали, под них ныряли. Сейчас их нет. Плотины, шлюзы...

Подол, в отличие от Старого города, совсем плоский. Но за Житним базаром опять горы. Олеговская, например, или Мирная окунёт вас опять в стихию дворигов и садов. Здесь же старое Щекавицкое кладбище, запущенное, заброшенное, заросшее,

покосившиеся кресты, тишина, покой и только где-то высоко в небе — жаворонок.

По этим кладбищам, по этим улочкам только и бродить. Весной сирень, море сирени, заборы от неё валяются. Черёмуха, жасмин... Не добрался ещё сюда город со своими башнями и панельными домами.

Так, садами, садами, огородами, по булыжной мостовой попадаем мы с вами на Лукьяновку.

Лукьяновка. Вера Чеберяк. Дело Бейлиса...

Бабий Яр. Чёрные дни Киева...

* * *

Небольшой холмик цветов. Венки. Большие, маленькие, средние, просто букеты цветов. На венках ленты с надписями: «Отцу, матери, деду — от сыновей, дочерей, внуков», «Детям, которым не суждено было стать взрослыми», «Жертвам фашистских палачей».

Под венками — его сейчас не видно — серый гранитный камень. На нём написано, что здесь будет сооружён памятник. Вокруг лужайка — трава, ёлочки, берёзки, очень чисто, прибрано. За камнем роца, от камня к дороге — дорожка из бетонных плит, несколько ступенек, два столба с прожекторами.

Мимо по асфальту проносятся машины, автобусы, троллейбусы. В ста метрах дальше пёстрый, прозрачный навес — остановка троллейбуса «Щербаковский универмаг». По другую сторону — новая телевизионная мачта. За асфальтом пустырь, кустарник, вдалеке новые корпуса Сырецкого массива. Если стать спиной к камню, то по правой стороне пустыря можно увидеть нечто

вроде уступа, поросшего кустарником постарше. Это верхняя кромка несуществующего сейчас Яра. Здесь стояли пулемёты. И по другую сторону тоже.

Сейчас Яра нет. От замыт. Его пересекает асфальтированная дорога. Тридцать лет назад этой дороги не было. А был глубокий, до пятидесяти метров, Яр, овраг. Постепенно мелея и расширяясь, он тянулся до Подола, до Куренёвки. Это была окраина Киева — Сырец. Жилья здесь не было. Ближе к городу за кирпичной оградой было еврейское кладбище. Сейчас его тоже нет.

Тридцать лет назад, в первую же неделю немецкой оккупации, на стенах киевских домов появились объявления о том, что «все жида города Киева должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбища) с документами, деньгами, ценными вещами, тёплой одеждой, бельём и прочим».

Ни заглавия, ни подписи на серых афишках не было.

Развешены они были по всему городу.

Моя мать тоже читала. У неё было много друзей евреев. Она ходила по этим друзьям и упрашивала, умоляла их никуда не ходить. Бежать, скрыться, хотя бы у неё.

Мне непонятна магия этого объявления. Считали почему-то, что евреев сгонят в гетто. Или увезут куда-то. Куда? Не важно, куда-то...

Никто из маминых знакомых не послушался её. Пошли. Мама их провожала. Лизу Александрову, маленькую, большеглазую еврейку, и её родителей-стариков. Где-то у еврейского кладбища маму и других провожающих, а их было много, прогнали.

Здоровенные солдаты с засучёнными рукавами и полицаи в чёрной форме с серыми обшлагами. Где-то дальше, впереди, слышна была стрельба, но мать тогда ничего не поняла...

Трагедия Бабьего Яра известна. Хочу только подчеркнуть — это было первое столь массовое и в столь сжатый срок сознательное уничтожение людьми себе подобных. Сто тысяч за три дня! Разве что Варфоломеевская ночь может сравниться — там было убито до тридцати тысяч гугенотов. Хиросима и Нагасаки уже потом.

Бабий Яр — это старики, женщины, дети. Это беспомощные. Люди покрепче, помоложе, и не только евреи, нашли здесь свой удел уже позже — немцам понравился этот Яр.

Потом немцы ушли. Пытались скрыть следы своих преступлений. Но разве скроешь... Заставляли военнопленных сжигать трупы. Складывать в штабеля и сжигать. Но всего не сожжёшь.

Потом овраг замыли.

В 1961 году произошла катастрофа. Прорвало дамбу, сдерживавшую намытую часть Бабьего Яра. Миллионы тонн так называемой пульпы устремились на Куренёвку. Десятиметровый вал жидкого песка и глины затопил трамвайный парк, снёс на своём пути прилепившиеся к откосам оврага домишки, усадьбы. Было много жертв.

Следов разрушения давно уже не видно. Дамбы восстановлены, укреплены, на месте прорыва — широкая автомобильная дорога; где был трамвайный парк, нынче многоэтажные здания.

Ничто уже не напоминает того, что здесь было. А у гранитного камня всегда цветы. И летом, и зимой. Мы тоже положим свой букетик. Каждый год 29 сентября сюда приходят люди с венками и цветами.

* * *

...Так трогательно-идиллически заканчивался мой рассказ о Бабьем Яре в рукописи, отнесённой в "Новый мир".

Да, до 1966-го всё, действительно, происходило так — приходили, плакали и разбрасывали вокруг себя цветы. Венков никаких — куда их положить, куда прислонить? Ни памятника, ни обелиска — кругом кустарник, бурьян.

С сентября 1966-го всё приняло иной вид. Появился камень. Серый, полированный гранит с надписью, отредактированной и утверждённой всеми положенными инстанциями, гласящий, что на месте расстрела «советских граждан в период временной немецко-фашистской оккупации 1941–1943 гг.» будет сооружён памятник. И теперь каждый год в день 29 сентября («День памяти жертв временной немецко-фашистской оккупации») возле камня воздвигается трибуна и с неё секретарь Шевченковского райкома партии произносит речь, в основном посвящённую достижениям вверенного ему района в области строительства и выполнения плана в разных областях. Потом выступают несколько передовиков производства, и среди них обязательно один еврейской национальности (просто еврей — теперь не положено говорить) рассказывает о зверствах сионистов в Израиле. Потом исполняется гимн и митинг объявляется закрытым.

Вот тут-то и появляются люди с цветами и венками. Но возложить их не так-то просто. Милиция и дублирующая её когорта в штатском тщательно проверяют надписи на венках, и, если что-либо вызывает подозрение («А на каком языке у вас написано? Переведите.»), к услугам несущих эти венки молодых людей стоящие неподалеку «воронки». Людей постарше и с маленькими букетиками двойное оцепление пропускает беспрепятственно. Ну, может, кое-кого и сфотографируют...

Вот так происходит сейчас — организовано и чётко, даже с заметкой на четвёртой странице «Вечернего Киева».

Что же послужило толчком к тому, что появился вдруг камень, а рядом с ним раз в год и трибуна, охраняемая не менее чем сотней людей, для этого созванных, во главе с майорами, полковниками, а возможно, даже и генералами?

А случилось так, что одному из них, точнее, начальнику киевской милиции, в 1966 году вклеили выговор за то, что он, потеряв положенную ему бдительность, допустил массовое сионистское собрание в этом замытом и недозабытом Бабьем Яру.

До злополучного 1966 года всё шло честь честью, без всяких эксцессов. В первые послевоенные годы задачи были и поважнее Бабьего Яра, только какие-то тёмные личности ползали по его дну в поисках то ли бриллиантов, то ли золотых коронок («с документами, деньгами, ценностями...»). Потом — просто свалка. Покосившийся столбик с лаконичной надписью «Мусор сваливать строго воспрещается, штраф 300 руб.» ничуть не мешал окрестным жителям избавляться от ненужных им старых кроватей, консервных банок и прочего хлама.

Потом Яр замыли. Казалось, можно было бы о нём и не вспоминать. Так нет, в один прекрасный день 1966 года собралась здесь многотысячная толпа (двадцать пятая, мол, годовщина!), и несколько человек, среди них один даже коммунист, обратились к этой толпе с речами, нигде не проверенными, нигде не утверждёнными. Коммунистом этим был я. Поэтому могу со всей точностью восстановить картину происшедшего.

Речь моя, действительно, никем не проверялась. Родилась она на месте, среди плачущих и рыдающих людей. И вообще это была не речь, просто захотелось сказать несколько слов о том, чего нельзя забывать, о случившемся здесь двадцать пять лет назад, о том, что на этом месте, конечно же, будет памятник, не может не быть.

Говорил в тот день и Иван Дзюба, человек, о котором в двух словах не скажешь, — писатель, умница, из тех, кто никого не боится, а поэтому и нелюбимый начальством всех сортов. Одна из наиболее ярких фигур Украины 60-х годов.

Его речь, на мой взгляд, это образец того истинного интернационализма, за который потом Дзюбе досталось (пять лет лишения свободы!), хотя в обвинениях против него он стал именоваться «украинским буржуазным националистом».

Начал он со слов:

«Есть предметы, есть трагедии, перед безмерностью которых любое слово бессильно и о которых больше скажет молчание — великое молчание тысяч людей. Может быть, и нам подобало бы тут обойтись без слов и молча думать об одном и том же. Однако молчание много говорит только там, где всё, что можно сказать, уже

сказано. Когда же сказано ещё далеко не всё, когда ещё ничего не сказано — тогда молчание становится сообщником неправды и несвободы. Поэтому мы говорим, и должны говорить, где можно и где нельзя, используя всякий из случаев, которые представляются нам так нечасто.

И я хочу сказать несколько слов — одну тысячную часть из того, о чём сегодня думаю и что мне хотелось бы тут сказать. Я хочу обратиться к вам как к людям — как к своим братьям по человечеству. Я хочу обратиться к вам, евреям, как украинец — как член украинской нации, которой я с гордостью принадлежу.

Бабий Яр — это трагедия всего человечества, но произошла она на украинской земле. И поэтому украинец не имеет права забывать о ней так же, как и еврей. Бабий Яр — это наша общая трагедия, трагедия прежде всего еврейского и украинского народов».

И закончил словами:

«Мы должны всей своей жизнью отрицать цивилизованное человеконенавистничество и общественное хамство. Ничего более важного, чем это, сейчас для нас нет, ибо иначе все общественные идеалы утратят свой смысл.

Это наш долг перед миллионами жертв деспотизма, это наш долг перед лучшими людьми украинского и еврейского народов, которые призывали к взаимопониманию и дружбе, это наш долг перед украинской землёй, на которой нам вместе жить, это наш долг перед человечеством».

Так закончил свою речь Дзюба. А вскоре появилась милиция и вежливо попросила всех разойтись. Не за эту

ли вежливость и досталось потом начальнику милиции? Между прочим, кроме него, не поздоровилось ещё и другому человеку, ни сном ни духом не ведавшему о происшедшем, — директору киностудии документальных фильмов. Несколько моих друзей из этой самой студии на «сионистском сборище» присутствовали и даже попытались кое-что зафиксировать на киноплёнку. У них тут же её отобрали. А директора сняли с работы.

Меня же, коммуниста, вызвали на партбюро... Бог ты мой, сколько раз вспоминали мне потом этот Бабий Яр. И у бесчисленных партследователей, с которыми свела меня судьба, и на парткомиссиях, и на бюро райкомов, горкомов, обкомов... «Расскажите, что у вас там произошло, в Бабьем Яру!» А ничего не произошло, просто я сделал то, что должны были сделать вы — райкомы, горкомы, ЦК — в день двадцатипятилетия гибели ста тысяч, как вы теперь говорите, «советских граждан», прийти и сказать то, что вместо вас сказал я — будет здесь памятник! — что сказал Дзюба — пора положить конец этой позорной вражде. Вы не пришли — не захотели, забыли — пришли и сказали мы...

Через две недели после «сборища» на месте расстрела появился камень, тот самый, что и по сию пору стоит и, думаю, простоит ещё многие, многие годы.

Приблизительно тогда же (будем объективны) кому-то наверху стало всё-таки неловко, и решено было объявить конкурс на «памятники жертвам фашизма», в том числе в Дарнице, где был лагерь для военнопленных, и в Бабьем Яру.

Я видел представленные на конкурс проекты.

В условиях к нему было сказано, что монументы должны художественным образом отражать героизм,

непреклонную волю, мужество, бесстрашие наших людей перед лицом смерти от рук немецких палачей, должны показать зверское лицо гитлеровских захватчиков, а также должны выражать всенародную скорбь о тысячах незаметных героев.

Принимай я участие в этом конкурсе и прочитай эти условия, я, откровенно говоря, стал бы в тупик. Я не говорю в данном случае о дарницком памятнике, я говорю именно о Бабьем Яре — это памятник трагедии. Памятник в Варшавском гетто — памятник восстанию, борьбе и гибели, в Дарнице — зверски расстрелянным солдатам, бойцам, людям, попавшим в плен, сражаясь, людям в основном молодым, сильным. Бабий же Яр — это *трагедия* беспомощных, старых.

Я не случайно упомянул слово «трагедия». И подчеркнул его. Вполне сознательно.

Многие из участников конкурса пошли по пути выражения протеста. «Нет! — говорят их памятники. — Это не должно повториться! Это не может повториться!» Перед нами группа расстреливаемых со сжатыми кулаками и вздетыми к небу руками, матери и прижавшиеся к ним дети, и опять руки, вытянутые вперёд, — не допустим! Перед нами кричащие всё то же «нет» головы. Довольно! Хватит крови!

Но, как ни странно, стоя перед этими памятниками, начинаешь чувствовать какое-то смятение, неловкость. Кажется, что тебе кричат: «Нет!», что тебя не подпускают. И ты пятишься назад... Тебе страшно.

Вот и хорошо, что страшно, возразят мне, здесь и дела были страшные. Согласен, страшные, но нельзя всё же забывать, что здесь, кроме того, и кладбище, а на

кладбище как-то не положено кричать, хочется сосредоточиться, уйти в себя, подумать, вспомнить.

И вообще я не хочу, чтобы мне подсказывали эмоции. Они должны возникнуть сами.

Я просмотрел около тридцати проектов. Передо мной прошли символы и аллегии, протестующие женщины, вполне реалистичные, полуголые мускулистые мужчины, и фигуры более условные, и вереницы идущих на казнь людей... Я увидел лестницы, стилобаты, мозаику, знамёна, колючую проволоку, отпечатки ног... Увидел много талантливого, сделанного сердцем и душой (это, пожалуй, один из интереснейших конкурсов, которые я видел), и мне стало вдруг ясно: места наибольших трагедий не требуют слов. Дословная символика бледнеет перед самими событиями, аллегория бессильна.

Мне, пришедшему сюда поклониться праху погибших, не надо рассказывать, как эти люди умирали. Мне всё известно. И кричать тоже не надо. Я сам знаю, где и когда надо крикнуть. Я просто хочу прийти и положить цветы на братскую могилу, и молча, в одиночестве постоять над ней.

Я видел много памятников жертвам фашизма. Плохих и хороших. Кричащих и безмолвных. Но ни один не произвёл на меня такого впечатления, как памятник в Треблинке. Там только камни. Сотни, тысячи камней. Разной величины и формы. Острые, тупые, оббитые, покосившиеся. Одни камни. Точно проросшие сквозь землю. Мороз проходит по коже...

Ближе всего к тому, о чём я говорю, что сам для себя пытаюсь решить, приближается проект памятника неизвестных авторов под девизом «Чёрный

треугольник»: две исполинские призмы, одна чуть-чуть наклонившаяся к другой. Больше ничего. Я не могу объяснить сейчас, в силу чего, — а может быть, это и есть самое главное, — но я вдруг представил себя у подножья этих возвышающихся над всей местностью призм-долменов, услышал, как они, лишённые дара речи, кричат мне о чём-то страшном и незабываемом.

А может, и не кричат, а говорят шёпотом. А может, это я сам кому-то говорю:

Остановись и склони голову.

Здесь расстреляны были люди.

Сто тысяч.

Руками фашистов.

Первый залп был дан 29 сентября 1941-го.

* * *

Нет, не надо памятника!

Лучший памятник — нынешний камень. В нём есть всё — и тридцатилетнее забвение, и скромность, и длинная, лишённая каких-либо эмоций, заштампованная газетная надпись, и обещание («будет памятник, куда вы торопитесь?..»), и никакого крика и экзальтации, а главное — есть куда положить цветы. Положить и молча постоять...

А в Дарнице — трое здоровенных парней, полуголые, сплошные мускулы, полны гнева и ненависти. Непонятно только, почему они, такие сильные и сытые, не порвали свои путы и не ринулись на немцев. Да от таких ребят весь конвой разбежался бы по кустам.

* * *

И ещё одна трагедия.

Может быть, даже более страшная, чем смерть. Надругательство над ней. Дикое, постыдное, ужасное, непонятное...

Я иду по тенистой аллее. Тихо, пустынно, шуршат под ногами листья. А кругом... Кругом тысячи, десятки тысяч поверженных, разбитых, исковерканных памятников...

Старое еврейское кладбище...

Сворачиваю в другую аллею, третью, четвёртую... Та же картина. Многотонные гранитные, мраморные памятники в пыли, в осколках. Маленькие овальные портреты разбиты ударом камня. И так на протяжении... Не знаю, что сказать. Все памятники, все до единого, уничтожены. А их тут не сочтёшь. Пятьдесят, сто тысяч... Город мёртвых. В мавзолеях, склепах содран мрамор, на стенах надписи — лучше не читать...

Известно, что немцы в порыве слепой злобы уничтожили центральную аллею. На остальные не хватило сил и желания. Остальное совершено потом.

Кем?

Никто не знает или молчат.

Пьяное хулиганье? Но оно, вооружившись, допустим, ломami и молотками, могло справиться с десятком-другим памятников. Они сделаны добротнo, на века, на свинцовом растворе.

Нет, это не хулиганье. Это работа планомерная, сознательная. С применением техники. Без бульдозера или трактора, а то и танка, не обойдёшься.

Иду дальше... Хоть бы один сохранился. Нет — все! И на дне оврага груды осколков. Не поленились подтащить и сбросить. За день, за два этого не сделаешь. Недели, месяцы...

И не в пустыне. В городе. Совсем рядом троллейбус, а в конце улицы Герцена (Герцена!), в полукилометре от кладбища, дача, в которой жил Хрущёв...

Всё это я обнаружил в конце пятидесятых годов. Случайно, гуляя... И онемел. Никто ничего мне об этом не говорил. А вот прошли годы. И у скольких людей там были похоронены отцы и деды. Значит, сюда приходили. И не только приходили. Некоторые из памятников, немного, может быть, сотня или две, были зацементированы в поверженном, лежащем положении, чтоб больше не сбивали...

Никто об этом не говорит. Молчат. Я спросил у жильцов домика при входе на кладбище. Возможно, бывшие сторожа. «Не знаем, не знаем... Ничего не знаем...» И глаза в сторону.

Я задаю себе вопрос. В сотый, тысячный раз. Кто они? Кто разрешил? Кто дал указание? Кто исполнил? И сколько их было? И когда они это совершили? И откуда эта лютая злоба, ненависть, хамство? Или наоборот — спокойный, хладнокровный расчёт: сегодня — отсюда досюда, завтра — отсюда до того вот памятника, к 20-му чтоб было закончено...

И всё это во второй половине XX века, в славном городе Киеве, на глазах у всех...

Я побывал там сейчас. Перед самым отъездом. Через пятнадцать лет... Заросло кустарником. Поверженные памятники куда-то вывезены. Но не все. То тут, то там белеют среди бурьяна и зарослей недобитые пьедесталы, ступени, обломки мрамора и лабрадора.

И бульдозеры. Скрежеща и урча, пробивают на месте главной аллеи куда-то дорогу... Людей нету. Пусто. Мертво... И страшно.

* * *

Пожалуй, лучше всего бродить одному, где бы это ни было. В Киеве, в Москве, Париже, Самарканде. Тогда-то и рождаются в голове какие-то мысли, мысли, которые никак не получают туда доступа в другое время, в другом месте. Что-то вдруг придумывается, рождается, разрешаются конфликты твоих героев, не решавшиеся, когда ты сидел с карандашом в руке. Это — когда ты бродишь один по знакомым тебе местам. А незнакомые, впервые увиденные улицы, кроме всего остального, возбуждают ещё какие-то параллели, ассоциации, сравнения.

Менее всего интересно гулять по Нью-Йорку. Там я выходил рано утром, когда все ещё спали, и бродил по улицам, вокруг гостиницы. Было скучно. Улицы прямые, пустынные, какие-то глухие стены. Хороши только верхние этажи небоскрёбов. Эмпайр-стейт-билдинг — он первый, освещённый восходящим солнцем. Попытка выйти к Гудзону, но всегда напарывался на какие-то бесконечные заборы с громадными буквами и тощих, пугливых кошек. В Сентрал-парке тоже скучно, а на Вашингтон-сквер, где собирается молодёжь, хотя и не

скучно, но это уже не прогулка, а нечто другое, и кончается она обязательно кафе или рестораном.

Один только раз мне удалось хорошо побродить. Я шёл ночью по пустому Бродвею. Рекламы горели, но людей не было. Даже ни одного пьяного я не встретил, что, правда, в Нью-Йорке явление редкое. Иногда проносились машины, безмолвные, тёмные.

Дойдя до нашего сколько-то там этажного «Говернор-Клинтон-отеля», я поднялся в лифте почему-то на самый верх и каким-то чудом оказался на крыше отеля. Какая-то дверь, лестница и вдруг — крыша. Никто меня не задерживал.

Нью-Йорк спал. Или делал вид, что спит. Светились окна только в небоскрёбе редакции «Нью-Йоркер», неподалеку от нас, светились ущелья улиц и красные фонари Эмпайр-стейт-билдинга. И факел на статуе Свободы — маленькая мигающая точка. Было зябко — конец ноября.

И вдруг я увидел нечто необыкновенное. Гнездо аиста. Самое настоящее гнездо аиста у высокого, затянутого решёткой парапета. Сначала я даже не поверил. Я был уверен, что аисты — это наша украинско-среднеазиатская прерогатива. Ну, может быть, ещё в Африке, Индии, Японии они водятся. Но там скорее цапли. А тут настоящее «лелекино» гнездо, как на соломенной «стрихе» полтавской хаты. Большое, метра полтора, из веток, всё честь-честью. И в нём яйцо. Одно-единственное яйцо — большое, белое, такое одинокое. Бывает же такое... Я положил его в карман.

Я вспомнил это гнездо потом, в Бухаре, сидя у прозрачного, как в Тадж-Махале, бассейна Лаби-Хауз, в котором отражались древняя мечеть и совсем такое же

гнездо на вершущке столетнего тополя. Аистиха сидела на яйцах, а может, уже и цыплята вылупились, и изредка поглядывала на нас, сидящих внизу за обязательным пловом с зелёным чаем. И я подумал: хорошо тебе, бухарская аистиха, взмахнула крыльями и полетела за кормом для своих детёнышей. А нью-йоркской? Куда та летала за обедом? В Централ-парк?

В Бухаре этих гнёзд несметное количество. На всех без исключения минаретах. И на куполах мечетей. И на тополях. Их не меньше, чем телевизорных антенн, ощетинивших собой весь этот бело-глиняный, сказочный, точно из сказок Шехерезады, город.

Я много бродил по Бухаре. Тесные, кривые улочки как будто похожи одна на другую, но в каждой из них свои особые старухи, старички, чумазая ребятня. И вдруг улица эта упирается во двор вросшей в землю тысячелетней мечети. И под сенью чинары сидят бородатые старики в чалмах и что-то едят или чем-то торгуют. А рядом чего-то ищет в расселинах меж древних плит меланхоличный ишачок. «Салям», — говорю я старикам, и те тоже говорят «салям». Я подсаживаюсь к ним, и они угощают меня дыней, полутораметровой бухарской дыней. И мы молча сидим в тени чинары под бирюзовым азиатским небом, и я разглядываю красивый орнамент арабской вязи на зелёных изразцах входа в мечеть и спрашиваю стариков, что там написано. Они не понимают меня — я их, но слово «аллах» я всё-таки улавливаю.

Мне жаль, что только старики ещё могут разобрать эти надписи. Они так красивы. Мне жаль, что нынешняя молодёжь редко читает Коран. Коран — это не только

скрижаль ислама, это великое искусство, это история народа.

Не мне судить, нужно ли было менять орфографию в республиках Средней Азии (в Грузии и Армении она сохранилась), но то, что арабский шрифт — шрифт, которым писали Улугбек и Навои, из которого сотканы неправдоподобно прекрасные узоры мавзолеев Шах-и-зинда в Самарканде, Гур-Эмира, Биби-Ханым, Регистана — что эта вязь сама по себе произведение искусства — это ясно, по-моему, каждому.

Неизвестно для чего я поведал всё это старикам. Они ни слова не поняли, но кивали головами — хоп, хоп, хоп...

Но вернёмся в Нью-Йорк, на мою крышу. Подняв воротник — ветер был пронизывающий, — я любовался уснувшим городом. Старался найти самый высокий до 1930 года небоскрёб Нью-Йорка — Вулворт — и так и не нашёл его, и, окончательно замёрзнув, оказался вдруг в Пенсильванском вокзале. Почему я там оказался — не совсем ясно, но, вероятнее всего, по той причине, по которой русский человек оказывается на вокзале ночью, хотя ему некуда ехать и некого встречать. К тому же вокзал этот, Пена-Стейшн, как его называют нью-йоркцы, находится совсем рядом с нашей гостиницей.

Громадный, с уходящими ввысь сводами, уснащённый весь, как это было модно в конце прошлого века, колоннами, он был совершенно пуст. Ни души. Ни носильщика, ни полицейского, не говоря уже о пассажирах. Я послонялся по безлюдным, гулким залам, наткнулся на телеграф, послал кому-то телеграмму — просто так, чтоб получили телеграмму из Нью-Йорка, и к концу своей прогулки обнаружил то, что, очевидно, и

искал. Шоколадного цвета молодой человек налил мне чего-то очень крепкого и дал мне ломтик белоснежного хлеба с куском мяса непонятного мне происхождения.

Устроившись на высоком табурете, я погрузился в размышления. Жуя и пия неизвестные мне кушанья, я удивлялся тому, как Хемингуэй запоминал на долгие годы всё то, что он пил и ел в парижских ресторанах «Куполь» или «Липп», «Ли́ла», «Де маго», «Ротонда», «Тулузский негр», «Мишо»... Там-то они взяли бутылку «флери» или «сансерра» и закусывали «кассонэ» — рагу из дичи с бобами и горошком, а там пили «марсала» или «бона» и ели плоские дорогие устрицы «маренн» вместо обычных, дешёвых «портюгез», или вермут «шамбери касси» с толстыми сосисками «сервелас», политыми горчичным соусом. И всё-то он запоминал. Очевидно, он всё же был чревоугодником, наш кумир Хемингуэй. А чревоугодие, увы, грех номер один. В Киеве у входа в Ближние Лаврские пещеры на стене громадное изображение нелёгкого пути в рай человеческой души. Она, душа, проходит через цепкие лапы великого множества грехов, изображённых в виде омерзительных чертей, и вот на первом месте самый тяжкий грех — чревоугодие, оставляющий далеко позади ложь, пьянство, корыстолюбие, жадность, тщеславие и даже прелюбодеяние. Какие ещё были грехи у Хемингуэя, мне неизвестно, человек он был замечательный, но то, что он любил не только выпить, но и плотно, со знанием дела поесть, — это для меня теперь ясно.

Пока я посасывал свой напиток, размышляя о хемингуэевских меню, я не обратил внимания на то, что рядом со мной оказался немолодой уже человек в сером поношенном пальто и с очень грустным лицом. Он взял

пиво у сонного негра и вдруг заговорил со мной по-украински. Я остолбенел!

— Просто я побачив торчащу в вас з кармана газету «Українські щоденні вісті», от і все.

Он был слегка на взводе и заговорил о спорте, точно продолжая со мной какой-то спор, который мы не успели с ним когда-то кончить. Я в этой области не очень силён, поэтому ограничивался междометиями, а он доказывал мне превосходство каких-то Биллей и Динов над Джеймсами и Тэдди. Роясь в кармане пальто в поисках спичек, я наткнулся на аистиное яйцо и вместе с содержимым кармана положил его на стойку.

— О, лелека! — обрадовался вдруг мой сосед. — Аїстине яйце... Відкіля воно у вас?

Я сказал, что нашёл его на крыше небоскрёба.

— Диви, куди його занесло. Лелека та й на хмарочосі...

Мне приятно было услышать это чисто украинское название аиста — лелека, по этому случаю мы взяли ещё что-то и выпили за здоровье лелеки и её будущего птенца, который обязательно, по мнению моего соседа, должен вылупиться.

— Ви завиніть його в щось тепле, і ось побачите, в Москві у вас запищить щось в чемодані. Йй бо...

И он стал говорить об аистах. Оказывается, хотя аисты и редкость в западном полушарии, но он хорошо помнит, что когда был маленьким, у них на ферме где-то в Массачусетсе аисты свили гнездо на крыше их дома и стали совсем ручными, он их прямо из рук кормил. Потом

они куда-то улетели и больше не появлялись. Потомства после себя, к сожалению, не оставили.

Потом мы вернулись опять к спорту. Я попытался с этой темы перейти на какую-нибудь другую, на его прошлое, профессию, политику, но моей инициативы он не поддержал и продолжал обсуждать спортивные дела и возможности своих Биллей и Тэдди. Когда стало светать и вокзал начал заполняться первыми пассажирами, мы расстались.

Яйцо я привёз домой. Когда раскрыл чемодан, в нём, увы, ничего не запищало.

Эта неожиданная встреча за стойкой бара с земляком (мне всё-таки удалось выудить у него, что родители его родом с Черниговщины, сам же он родился уже в Америке) и разбившее спортивные рассуждения моего собеседника аистиное яйцо как-то очень меня тогда растрогали, и теперь, глядя на наших украинских аистов, важно стоящих в своих гнёздах на соломенных или теперь чаще железных крышах где-нибудь на Черкащине и Полтавщине, я всегда с теплотой вспоминаю «своё» нью-йоркское гнездо.

* * *

Пена-Стейшн невольно натолкнул меня сейчас на одну из излюбленных мною тем — вокзальную. Я с детства неравнодушен ко всему железнодорожному — паровозам, стрелкам, ночным зелёным глазам семафоров, фонарям в руках проводников и, конечно же, к вокзалам с их особым запахом, гулом и предотъездной, куда-то зовущей суетой. Идеалом был Брянский (ныне Киевский) вокзал в Москве — крытые стеклом платформы

придавали ему особый, заграничный вид, ни дать ни взять — парижский вокзал Сен-Лазар, который я знал, правда, только по картине Клода Моне.

Долгое время наш киевский вокзал был кровоточащей для нас раной, несмываемым позором. Такой город, а вокзал — барак. Длинный, одноэтажный, деревянный барак. А перед ним площадь — грязная, булыжная, с извозчиками и мальчишками: «Кому воды холодной!» Сейчас стоит новый вокзал, о котором и будет рассказ. Но прежде чем начать его, я убедительно прошу всех впервые приезжающих в Киев (не прилетающих, а именно приезжающих) не заходить внутрь вокзала, а, пройдя по перрону, выйти прямо к метро или по подземному ходу к троллейбусу. Так будет лучше.

Вокзал — это ворота города. В Киеве их надо миновать. А возвращаясь к себе домой, постараться через вестибюль пройти, как это ни трудно, с закрытыми глазами. Так тоже будет лучше.

Итак, в 1929 году начали строить новый вокзал. Это было событием. Объявили конкурс. Участниками его были известные московские и ленинградские архитекторы, но первую премию получил киевлянин — Александр Матвеевич Вербицкий, добропорядочный последователь дореволюционного модерна, маститый киевский архитектор, с которым впоследствии столкнула и меня судьба.

Условия конкурса были довольно необычны. Фасад здания должен был быть выдержан в духе выходившего тогда на арену конструктивизма, но с учётом элементов украинского барокко. Сочетание, мягко выражаясь, довольно нелепое.

Вербицкий из этого тупика как-то выбрался. Отдал дань барокко в центральной части вокзала, обравив громадное параболическое окно вестибюля так называемым кокошником. Украинского в нём было не ахти как много, но что-то от митрополичьих покоев Софийского собора всё-таки чувствовалось. Другой киевский архитектор, Дьяченко, в этой части пошёл ещё дальше, совсем приблизился к XVIII веку, поре расцвета украинского, так называемого мазепинского барокко. Братья же Веснины, напротив, сделали упор на современность, конструктивизм — бетон, стекло. Вербицкий нашёл середину — и бетон, и стекло, и вот, пожалуйста, кокошник.

Мне проект вокзала очень нравился. Скажу по секрету, нравились мне тогда все проекты без исключения, но, поскольку строить предполагали по проекту Вербицкого, я влюбился именно в него.

И вот, о счастье: окончив профшколу, я стажёром пошёл на строительство этого самого вокзала. Два года корпел в техотделе над синьками арматуры, а потом мастерил «восьмёрки» и «кубики» из литого бетона, которые, «схватываясь» на двадцать восьмые сутки, разрывались и раздавливались в бетонной лаборатории Политехнического института. Всё это мне казалось знаменательным и важным — я строил вокзал, красу и гордость нового Киева.

Вокзал был весь в лесах — и снаружи, и внутри, — и я бегал по ним, как матрос по реям, и любовался с сорокапятиметровой высоты вестибюля (того самого кокошника) расстилавшимся внизу городом — куполами Владимирского собора, далёкой Софией и маленьким памятником Ленину у самого вокзала, на виадуке над

товарными путями — скромный бюст, обсаженный вокруг трогательными незабудками.

Потом леса сняли, и вокзал предстал в своей бетонной наготе — в гигантских параболических, освобождённых от опалубки арках было что-то торжественное, от древних соборов, величественное. И в то же время всё было просто и целесообразно. Вестибюль, широкая лестница, направо и налево залы ожидания, высокие, светлые, без всяких украшений — XX век...

Я был счастлив и горд. Снял своего любимца со всех возможных точек и фотографии отправил в журнал «Глобус». Их напечатали. Гордость и счастье дошли до предела.

Так простоял вокзал до войны, до прихода немцев. Уходя, они попытались его взорвать, но «мой» бетон был крепок и толу не поддался — только стёкла повывлетали и кое-где закоптилась белоснежная штукатурка.

Но главная трагедия ожидала вокзал впереди. Его восстановили. Но как? Кому-то показалось, что торжество победы неотъемлемо связано с пышностью форм. Побольше колонн, карнизов, капителей, завитков, лепных украшений. Это называлось «обогащением». И обогатили...

Нет, приезжий, очень прошу тебя — не заходи внутрь вокзала. Всё, что есть безвкусного, лишённого какой-либо архитектурной логики, собрано там воедино. Арки уничтожены, заменены спаренными колоннами, параболические окна по мере возможности заделаны и «украшены» по бокам нелепыми пилястрами, потолок усеян какими-то звёздочками, в залах ожидания на стенах производственно-идиллические пейзажи, вместо

светящихся плафонов — тяжёлые метростроевские люстры. От замысла архитектора не осталось ничего. Смотрел ли автор этой расправы — имени его не будем называть — в глаза Вербицкому, когда расправлялся с его творением? Ведь он был, кажется, его учеником.

Я, кстати, тоже был. Делал под его руководством проект опять-таки вокзала (он был почему-то полукруглый, более чем неудобный для эксплуатации), а затем какого-то ресторана на берегу Днепра. Дружбы у нас не получилось. Александр Матвеевич внимательно, молча, сквозь пенсне рассматривал мои архитектурные упражнения, качал головой и выше «тройки» оценки мне не ставил.

Потом уже, после войны, пытаюсь попасть в аспирантуру своего же Строительного института, я опять попал к нему, и он тихо и спокойно, такой же, как и до войны, седой, длиннолицый, в пенсне, срезал меня на «клязуре» — блиц-проекте, который нужно сделать, не выходя из аудитории, за какие-нибудь три-четыре часа. «Воевали вы, может быть, и неплохо, не мне судить, но до аспирантуры надо всё-таки малость восстановить забытое. Поработайте годик-другой в проектном бюро, а потом милости просим».

С горя я напился и устроился в газету.

* * *

Когда во Франции меня спрашивают, какие газеты я читаю, ожидая, что я скажу «Le Monde» или, на худой конец, «Quotidien de Paris», огорошиваю кратким: «Ici-Paris»... Ну и «France-Dimanche». Парижане

шокированы. Самые пошлые, бульварные листки, читиво для консьержек, и вдруг...

Да, вдруг...

Парижанам невдомёк, что такое «Правда». А нам после постной сухомятки так хочется убийств, ограблений, прелюбодеяний, любовных походов кинозвёзд и экзотических принцесс.

В Женеве меня попросили выступить на семинаре русского факультета. Тема — «Журналистика в СССР». Как человек объективный, я рассказал об «Отделе писем» советских газет, отделе, в основном, консультативном и, действительно, много помогающем «трудящимся» в борьбе с житейски-бытовыми сложностями и безобразиями. Я имел касательство к одному из таких отделов и знаю, как много они могут сделать. Но если говорить о прямом назначении газеты — об информации... Ох и доставалось мне в своё время от итальянских газетчиков-коммунистов за наши газеты. «Правда» для них должна служить примером, но как этому примеру следовать?

В Женеве я предложил студентам такую игру. Пусть кто-нибудь сбегает за угол за «Правдой» (в Женеве она продаётся), а я тем временем расскажу примерное её содержание.

— Итак, — начал я, выпроводив студента, — на первой полосе вверху справа будет несколько улыбающихся физиономий в касках. Что точно и на сколько процентов они перевыполнили план, сказать точно не могу, но что рекорд поставили — ручаюсь! Внизу справа — сообщение о дружеской встрече (с фотографией или без, в зависимости от ранга и значения гостя) на Внуковском аэродроме. Если высокий гость в

этот день не ожидается — приветствие Живкову, или Кадару, или ещё кому-нибудь с очередным юбилеем и обязательными пожеланиями «крепкого здоровья, новых больших успехов в Вашей деятельности на благо трудящихся... республики, во имя торжества мира и социализма». Слева передовица — «К ещё большему...», «К дальнейшему увеличению...», «В закрома Родины...», «Глубже вникать...». Кроме корректоров, дежурного по номеру и ещё десятка-двух лиц, никем не читается. Внутренность газеты — 2-я, 3-я, 4-я страницы тоже, в основном, пропускаются. Задержимся на пятой — международная информация и шестой — спорт, искусство, погода, телевидение.

Пятая — слева сверху «Вести из стран социализма» — улыбающиеся лица, на этот раз венгра или поляка (текст не читается), справа «Колонка комментатора» (не читается никогда), посредине доводящая до колик от смеха карикатура Абрамова или Фомичева — залатанный, печальный английский лев, или маленькие, брызгающие слюной человечки (Би-би-си, Радио «Свобода»), или ещё что-нибудь в этом роде о НАТО, инфляции или безработице. Справа «С телетайпной ленты» — землетрясения, катастрофы, наводнения и опять же рост безработицы (если не читается, то просматривается). Как правило, читаются три маленькие колонки внизу — про раскопки, пигмеев, истребление тигров или слонов, кражу картин в музеях, полёт на воздушном шаре или «Через Атлантику на плоту». На этой же странице обычно и «достойные отповеди» — ответы «небезызвестному» или «печальной памяти» «с позволения сказать» журналисту, «махровому», если он уже очень допёк, или «которого никак не обвинишь в симпатиях к Советскому Союзу», если что-нибудь

похвалил. Основные козыри в этой, условно назовем её, полемике — кавычки, обрубленные цитаты и насмерть разящее «ошибаетесь, господа! не выйдет!» (слова «господин», «госпожа» — Голда Меир! — почему-то считаются особенно разоблачительными). Кончается статья, как правило, обязательным: «комментарии, как говорится, излишни». Оппонент сражён, валяется в пыли...

О шестой странице говорить нечего, кроме того, что она единственно читаемая — футбольно-хоккейные баталии, шахматы, что-нибудь о природе, балете и обязательная идиллическая фотография (фотоконкурс «Правды») в стиле дореволюционной «Нивы» — закат, вечереет, весенние мотивы. Дальше — радио, телевидение, театры (кино нет, это в «Вечёрке»), погода.

Принесли «Правду».

Признаюсь, испытал некоторое разочарование. Ребята в касках не улыбаются, а просто стоят на извивающихся трубах гигантского высоковольтного агрегата... И никто на Внуковский аэродром с дружеским визитом не прибыл. Наоборот, «Нерушимая братская дружба» крепнет и развивается на трибуне в Берлине — улыбаются на этот раз Брежнев и Громыко, Гречко мрачен. Зато поздравление товарищу Петру Ярошевичу есть: «В нашей стране высоко ценят ваш большой личный вклад в дело укрепления...» С передовицей тоже не угадал. Оказалось «Отчётно-выборные партийные собрания», но «Хлеб — Родине» всё же есть, рядом заметка.

На пятой странице вместо поляков или венгров улыбаются болгарки — уборка фруктов в аграрно-промышленном комплексе Камча Варненского

округа. У М. Абрамова на карикатуре — угадал — человечки, но не Би-би-си, а неофашисты в виде пауков с бомбами, гранатами, пистолетами и кинжалами. Тут уж не до смеха — просто страшно. «Новости науки и техники» — о потухших звёздах. Достойной отповеди, какой-нибудь «У лжи короткие ноги», увы, нет.

А вот шестая страница в чём-то побила даже рекорд. В заметке «Жил Мишка на заставе» прапорщик В. Смирнов рассказывает поистине интереснейшую историю. Историю о медвежонке, который отбил от мамы и поселился у пограничников. Вот о его жизни, о том, как подружился он с поваром младшим сержантом Борисом Кирьяшиным, как тот разнообразил ему меню — со сгущёнки перешёл на свежую рыбу, гречневую кашу и остатки компота, как мишук гонял по двору насмерть перепуганного поросёнка и дружил с заставским котом Васькой, и о том, как пришлось с ним расстаться, и поведал читателям «Правды» милый прапорщик Смирнов. От последних строчек наворачиваются слёзы на глаза: «Его отвели в лес, сняли ошейник. Мишка смотрел на удаляющихся людей и шумно вздыхал, ещё не понимая, почему его оставили одного...»

Надо добавить, что в «Правде», не в пример «Le Monde», не говоря уже о «New York Times», всего шесть страниц, и в стране издаются миллионными тиражами «Пионеры», «Звёздочки», «Вожатые», юные читатели которых очень любят читать про приبلудных мишек, лисичек и лосят, про то, как они дружат с котом Васькой и мл. сержантом Борисом Кирьяшиным.

На этой же странице, вместо балета, статья, посвящённая юбилею видного поэта. Массив его поэзии, как сказано в статье, видится крупно... «Гуманистический

смысл социалистической революции как необходимая предпосылка и основа для распрямления человеческой личности, для расцвета людей и народов, искусство как память и совесть человечества, незаменимое и важное для тех, кто социально обновляет мир. Орудие борьбы за интернационализм, за торжество гуманности — подлинной, активной, возвышающей человека — обо всём этом размышляет, в эти проблемы углубляется, к ним приобщает, ими заражает нас муза поэта».

Прорвавшись сквозь это чудовищное нагромождение чепухи, не знаешь, смеяться или плакать. Как могла родиться такая фраза, такой пассаж? Что руководило автором этих строк? Восторг и экстатическое преклонение перед поэтом или утончённое издевательство? Смею утверждать — ни то, ни другое, а самое обыкновенное безразличие плюс набитая рука. Представляю себе разговор редактора с автором статьи. «Надо, старик, тиснуть юбилейную статейку об Н.Н. Наверху сказали, — палец в потолок, — преподнести, как надо. А ты умеешь, не жалеешь слов и превосходных степеней. Подпусти фимиамчику, всякого там гуманизма, творческого накала, широты диапазона, ну, сам знаешь...» Не сомневаюсь, окажись поэт не юбиляром, а, наоборот, «буржуазным националистом» (а юбиляр в своё время чуть-чуть им не оказался) или просто «подпевалой чужих идей», тот же автор, с той же лихостью, тот же пассаж, начинающийся со слов «гуманистический смысл» и кончающийся «за торжество гуманности», завершил бы словами: «Всё это чуждо, враждебно поэту, его муза не заражает, не вдохновляет, массив его поэзии ничтожен, пространство её мелко и узко. Советскому читателю она не нужна, он давно перерос и обогнал её».

Я хорошо знаю этого поэта и, если не дружил, то был, во всяком случае, в приятельских отношениях, на Новый год получал поздравительные открытки. Ни первый набор слов, ни второй, придуманный мною, но в своё время весьма вероятный и возможный, к истинному творчеству поэта не имеют никакого отношения. Судьба его, поэтическая и гражданская, нелегка (я хотел написать сначала «сложна», потом «проста», но остановился даже не на «тяжела», хотя, вероятно, надо было сказать именно так) — это судьба советского интеллигента, избравшего служение не народу, а властям предрержащим. Одно время он и сам был этой властью. Занимая высокий пост, всегда мог оказаться в краях не столь отдалённых. Искреннее расположение (действительно искреннее) к нему одного авторитетного лица избавило его от печальной участи — а он был уже на краю. О музе его говорить не будем — она часто меняла туалеты, а случалось, оставалась и без них. Гражданская его муза — на миг предположим, что есть и такая, — мало отличается от поэтической. Я помню, как в тяжёлые дни «космополитизма» он сначала защищал своего друга (вернее, не нападал на него), а потом, после соответствующего внушения, отрёкся от него, что не помешало им остаться друзьями — одна из особенностей дружб в тоталитарном государстве.

А в общем, мне этих людей жалко. Господи, до чего им хочется сохранить приличный вид, как важно им сидеть на председательском месте (и хочется и колется, боязно с ним расстаться) и в то же время дружить с Пабло Нерудой или Ренато Гуттузо. Впрочем, и тем тоже хочется дружить, хотя нашему надо отчитываться во всех своих заграничных поездках, а тем нет — захотел в

Израиль и поехал в Израиль или, на худой конец, в Париж послом.

Знал я и другого поэта, очень крупного, но, не в пример предыдущему, честного и порядочного. Более того, он действительно служил — нет, не хочется мне говорить «народу» — это понятие слишком растяжимое, неуловимое, используемое всеми режимами, в особенности диктаторскими, — не хочется говорить и «служил», просто был человек, веривший в правду и пытавшийся в меру своих сил помочь ей. И вот для него — члена ЦК и депутата Верховного Совета — очень важны были эти иллюзорные знаки избранности, и расставаться с ними (а это случалось) было для него более чем болезненно.

Писатель и государство, писатель и народ, писатель и цирковое искусство (в частности, эквилибристика, баланс, жонглирование) — всё это темы, которых не миновать, но сейчас, коснувшись газеты, поговорим о ней обстоятельнее.

Та, в которой я проработал два с половиной года, с 1944-го по 1947-й, — «Радянське мистецтво» (по-русски «Советское искусство») — выходила раз в неделю, «высокой» политики, кроме общих, положенных в передовице фраз, не касалась, а потому особенно типичной я б её не назвал. К тому же редактор наш был хотя и важен, но ленив и всё перепоручал своему заместителю, человеку живому, весёлому, умному, умевшему найти общий язык со своими подчинёнными. Да и время — конец войны, начало мира — было полегче.

И всё же не обходилось и без курьёзов. Как-то я понёс председателю комитета по делам искусств

(главный редактор был болен) статейку о том, над чем работают сейчас художники Украины. Статейка как статейка — тот о войне, тот о восстановлении, тот портреты передовиков, индустриальные пейзажи. Председатель пробежал глазами статью, одобрительно кивая головой, но в одном месте что-то вычеркнул и надписал сверху. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что в картине одного достаточно известного художника «Н. С. Хрущёв в гостях у шахтёров Донбасса» фамилия Хрущёва была заменена Кагановичем. Я вопросительно глянул на своего начальника. «Газеты надо читать, молодой человек. Со вчерашнего дня первым секретарём у нас Лазарь Моисеевич». — «Да, — несколько растерялся я, — но художник ведь...» — «Ничего, переделает...» И самое забавное, действительно переделал.

Не менее забавен и очень типичен другой случай. На этот раз не из моей, а из «творческой» биографии моего друга, работавшего в центральной республиканской газете. На летучке или планёрке обсуждалась последняя пьеса Александра Корнейчука, мэтра и законодателя всей советской драматургии. Два сотрудника из наиболее интеллигентных и культурных (вдруг почему-то их прорвало) очень тонко, с юмором расправились с пьесой, а заодно и со спектаклем. Мой друг, тогда ещё неопит и в театральных делах не очень-то разбиравшийся, встал горой за пьесу — она ему действительно понравилась. Культурно-интеллигентные сотрудники высмеяли и моего друга. Наутро он обнаружил в газете статью этих самых двух насмешников — пьесу они оценили как крупнейший вклад в советскую драматургию, а спектакль — как победу театра. Мой друг не верил своим глазам. «Диалектика, — как ни в чём не

бывало усмехнулись насмешники. — А ты учишься, в газете и не то бывает...»

Но лучше всего, по-моему, охарактеризовал советскую прессу другой мой друг, полный юмора и сарказма. Как-то, взглянув то ли на «Правду», то ли на «Известия», он сказал: «Не понимаю, к чему этот устарелый лозунг там, наверху: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Я бы поставил другой, куда более определяющий сущность газеты: „Не твоё собачье дело!“»

Не твоё собачье дело! Что дают, то и жри. Люди поумнее тебя делают газету. И все давно к этому привыкли. И к нечитаемым передовицам, и к пропускаемым статьям, и к отсутствию серьёзных, действительно что-то комментирующих комментаторов или просто к отсутствию их (читай коммюнике, сам разбирайся!), к умению замалчивать то, о чём говорит вся мировая пресса (Уотергейтское дело, например), или преподносить факты в совершенно искажённом виде (ближневосточные войны), а в общем-то к удивительной, обретшей все формы профессионализма дезинформации. Я не говорю уже о критике каких-либо действий правительства — это начисто исключено. Немыслим и шарж, даже дружеский, на кого-либо из членов правительства (учитесь, учитесь, французские газеты, что вы со своим Жискаром делаете...). За всю свою сознательную жизнь я могу припомнить один только случай, когда в лакейски-шутливой форме изображён был в газете Хрущёв. Он отправился на «Балтике», роскошном турбоэлектроходе, в Нью-Йорк на сессию ООН и изображён был в виде капитана у штурвала. Вокруг сияли всякие «миры» и «дружбы», а в волнах барахтались излюбленные пигмеи Уолл-стрита и

Пентагона... Больше не припомню. Кажется, только в двадцатых годах появлялся на страницах «Крокодила» Ленин, но и это более чем отдалённо можно было назвать карикатурой. Да что карикатуру, просто фотографию в неустановленном, неутверждённом ракурсе дать нельзя — только с этой точки, слева Брежнев (до этого Хрущёв), справа Садат (до этого Насер), посередине стол с нарзаном и наточенными карандашами. А Мавзолей только фронтально и чтоб все поместились — в горошинках этих и не поймёшь, кто — кто. Того же Брежнева или Косыгина, снятых западными корреспондентами, пошли ты их по почте, не пропустят — чего это у него рот раскрыт, несолидно.

Привыкли!

И я привык... Читаю газеты с десятилетнего возраста. Помню ещё греко-турецкую войну, Вашингтонскую конференцию по морскому разоружению, нескончаемый поток борис-ефимовских Чемберленов (помню одну из, очевидно, последних карикатур на въевшегося в наши печёнки «незадачливого» премьера — Борис Ефимов стоит на коленях, держит в руках очередную челюсть и монокль сэра Остина, и подпись: «Прости, читатель, опять Чемберлена нарисовал!»), помню «Пролетарскую Правду» на синей бумаге (я бегал её читать, вывешенную на каменной стене возле университета), помню и рождение первой киевской «Вечёрки» — но это уже позже.

На моих глазах советская пресса из агитационной (полулживой ещё) превратилась в тенденциозную (насквозь лживую), из читаемой (ленинградская «Красная газета») в просматриваемую. При мне ещё были такие фельетонисты с собственным (относительно,

конечно) лицом, как Сосновский, Зорин, Заславский, Мих. Кольцов. На моих глазах всё деградировало и превратилось в то, что мы имели в сталинские годы и имеем сейчас — уныло-призывно-лозунговое, тянущее на зевоту.

И вот, несмотря на всё это — скуку, серость, штамп, повторяемые газетами всех союзных и автономных республик, одним словом, «не твоё собачье дело», — газеты раскупают, подписываются на них (коммунисты в порядке партийной дисциплины, после на партбюро неподписавшихся стыдят и укоряют) и, как ни странно, читают, сердятся, когда газета опаздывает. Конечно, какая-нибудь «Литературка» или «Советский спорт» (самая читаемая газета, как и журнал «Здоровье» или «Работница» — выкройки) несколько отличаются от «Правды» — бывают даже интересные статьи и разборы, — но «Правда» считается образцом, святым писанием, и критиковать её или даже не соглашаться с чём-то в ней не разрешается, упаси Бог. Именно поэтому (забавно, но что поделаешь) подшивки старой «Правды» в спецхранах библиотек выдают только по специальному разрешению — ведь «отдельные допущенные ошибки» допускались не партией и не её центральным органом, а ты там вдруг прочтёшь то, что тебе сегодня не положено.

Не положено! Не положено читать, не положено видеть, не положено слышать, короче — не положено знать!

* * *

Незадолго до моего отъезда за границу я был приглашён к ответственному секретарю Союза писателей Украины. Десять лет тому назад он был вторым

секретарём Ленинского райкома, и мы встречались с ним довольно часто по поводу моих «партийных дел». Тогда молодой, довольно бойкий человек, он пытался в чём-то меня уговаривать и даже как будто симпатизировал мне, что не помешало ему проголосовать за моё исключение. Сейчас это был разжиревший, очень поважневший чиновник (основанием для его приёма в Союз писателей оказался какой-то его очерк о поездке в Непал), пригласивший меня, не столько интересуясь моими делами (впрочем, конечно, и интересуясь), а в основном чтоб подготовить почву для моего исключения (без «беседы» некрасиво). Беседа была бессмысленная, а с моей стороны даже агрессивная. Я спросил его, к слову, читал ли он Солженицына. Он замялся — кое-что читал. Что значит кое-что? «Ивана Денисовича»? Он вроде как утвердительно кивнул головой. Ну, а «Раковый корпус», «В круге первом»? В ответ что-то неопределённое. Когда же я спросил об «Архипелаге ГУЛАГ», он, не дослушав, выпалил: «Конечно, нет, что вы. Я антисоветчины не читаю!» Сколько ни пытался я убедить его, что нельзя, просто неприлично ему, руководителю Союза, не ознакомиться (при полной возможности и безнаказанности) с книгой, о которой столько сейчас говорят и пишут, он только мотал головой: «Нет, нет, антисоветчину я не читаю...» До сих пор не могу понять, где он врал, где говорил правду.

Не положено! Не положено читать, видеть, слышать! Не положено знать!

Моего следователя, виноват, следователя по особо важным делам полковника Старостина больше всего интересовало, почему я читаю (храню!) антисоветские издания. Высокий, седой, приторно вежливый, с псевдоинтеллигентной, улыбающейся (кроме тех

случаев, когда он не улыбался, а не улыбался он в моменты, когда ему казалось, что он припёр меня к стенке) физиономией, весь в планках и юбилейных значках, встречал меня всегда подчёркнуто любезно, прикладывая руку к сердцу: «Как здоровье уважаемой Галины Викторовны и неведомой мне, но, говорят, прелестной Джульки?» (Джулька — это собака.) Потом делал гостеприимное движение в сторону моего стула: «Что ж? Продолжим нашу работу?» И мы продолжали нашу работу, длившуюся шесть дней, с утра до позднего вечера, с перерывом на обед. Всё это происходило в его кабинете Комитета госбезопасности на знаменитой Короленко, 33.

Возле него, на столе слева, высилась стопка изъятых у меня во время обыска «материалов» — он приносил их, уносил, приносил новые.

— Рукопись неизвестного автора, отпечатанная на пишущей машинке, через два интервала, на белой, нелинованной бумаге. Так? Так. Страниц — одну минуточку — раз, два, три, четыре — четыре неполные страницы, — всё это диктуется стенографистке, потом ласково-улыбчатый взгляд в мою сторону: — С какой целью эта рукопись хранилась у вас?

Я отвечал, стараясь быть разнообразным в своих ответах, что-то забыв, что-то припоминая, на что-то отвечая быстро и чётко. Мне казалось тогда, что я отвечаю умно, правильно, не вызывая сомнения в правоте моих ответов, тем не менее основное чувство, которое я тогда испытывал, это был стыд. Стыдно, что вдаёшься в подробности, в чём-то оправдываешься, что вообще отвечаешь, а главное, пытаешься показать, что всё это тебе нипочём. В перерывах, во время перекуров,

мы говорили о посторонних вещах, например, о том, что он отдыхал когда-то с Твардовским и играл с ним в шахматы, и я тоже что-то говорил о Твардовском, и вообще можно было подумать, что мы с моим полковником тоже разыграем сейчас партию-другую.

От чувства стыда я не могу отделаться до сих пор. Немолодой человек, писатель, должен доказывать, что он имеет право читать книги. И ещё объяснять, почему та или другая книга его интересует...

— Ну зачем вам вся эта антисоветская макулатура? — возмущался он, указывая на солидные стопки «Paris Match», «L'Express», «L'Observateur». — Что здесь может быть интересного?

И я, как дурак, пытался объяснять, что это журналы, которые во Франции читают все, от рабочего до министра, и что не вижу никакого криминала, ну и т. д.

Кстати, среди изъятых (потом, правда, возвращённых) материалов были «Беседы преподобного Серафима Саровского» издания 1878 года, альбомчик фотографий помпейских фресок (в протоколе значилось — «порнографический альбом») и расписка моей домработницы, что она получила такую-то сумму в счёт чего-то.

В протоколе обыска, длившегося сорок два часа, насчитывалось шестьдесят страниц со ста пунктами изъятых материалов, в том числе хирургический скальпель моей матери — врача — холодное оружие.

Каждый раз, возвращаясь с допроса, я спрашивал себя — зачем всё это затеяно, с какой целью? Неужели они действительно думают, что у меня можно найти что-то такое, что может принести вред государству?

Зачем забрали магнитофон, пишущую машинку, фотоаппарат?

Ответ я получил через неделю, в субботу.

За большим столом большого кабинета сидел красивый, с чёрными небольшими усами, хитроглазый улыбающийся человек в штатском, лет пятидесяти или около этого. Генерал. Второй по значению чин КГБ Украины.

При моём появлении встал. Предложил папиросы. Несколько минут разговор шёл о качестве табака, о кашле, о том, что пора бросать. Улыбка не сходила с его уст. От курева перешли к литературе. Мои заслуги в этой области оцениваются очень высоко. «В окопах Сталинграда» — лучшая книга о войне. И, наконец, начало серьёзного разговора. Как же так это получилось — всё та же улыбка, — что из окопов Сталинграда я перебрался вдруг в окопы холодной войны? Вопрос достаточно ясный. Из дальнейшего выясняется, что сейчас, в период обострившейся идеологической борьбы (не могу припомнить, было ли когда-нибудь время, когда она притуплялась?), всем нам, а таким людям, как я, в особенности, нужно чётко и недвусмысленно определить, по какую сторону баррикад они находятся. Вот, пожалуйста, — крупнейшие академики, писатели, деятели культуры не скрывают своего возмущения по поводу кое-каких действий кое-каких лиц (имена Сахарова и Солженицына за всё время разговора ни разу не упоминались). Так вот — всё в ваших руках. Любая газета, сами понимаете, с удовольствием предоставит вам свои страницы. После паузы разговор переносится на то, что я, вероятно, устал (последняя неделя была всё-таки, вероятно, утомительной?), что не мешало бы

мне поехать куда-нибудь отдохнуть (вы, кажется, поклонник Коктебеля?), а заодно и поработать... А потом наш товарищ к вам подъедет... И опять пауза... Подлиннее предыдущей. «А то, знаете ли, — улыбка на минуту исчезла, потом опять появляется, — найденного у вас во время обыска вполне достаточно, чтоб ваш образ жизни несколько изменился. — Хитрые глаза на секунду становятся серьёзными. — В соседней комнате сидят двое молодых людей, которые сразу могут это исполнить, скажи я им только слово...»

Но слово так и не было сказано, очевидно, решено было, что ещё рано. И всё же это были не самые приятные минуты в моей жизни.

— Подумайте, подумайте, — сказал он мне на прощанье. — Очень нам бы помогли, — и крепкое, мужское рукопожатие.

Вот такой вот разговор. Я изложил суть, выжимку — посредине были и фронтовые воспоминания, и примеры из жизни, и лёгкое моё хвастовство — мол, стреляный-перестрелянный, немцы от меня были в шестидесяти метрах в Сталинграде, но суть была ясна: всё в моих руках.

На следующий день он позвонил по телефону (я сразу не узнал и в трубке услышал укоризненное: «Так быстро забыть, а я-то думал...») и спросил, в каких издательствах или редакциях лежат мои рукописи. И дальше, со смешком: «Надеюсь, ничего антисоветского в них нет? Ну, что ж, может, и поможем как-нибудь...»

Через день мы с женой были уже в Кривом Роге, у детей — отдохнуть действительно не мешало.

Февраль был тёплый, мягкий, почти без снега. Я слонялся по улицам малознакомого мне города и всё думал о том, как постепенно отчуждаюсь от своего родного и, как мне казалось, любимого Киева.

Когда-то, проходя по той или иной улице, слоняясь по дорожкам Маринского или Царского сада, я вспоминал — вот здесь я впервые прошёлся под ручку с девушкой, а здесь, на мосту над Петровской аллеей, впервые поцеловался, а здесь купил первую поллитровку, первую пачку папирос... А теперь? Прорезная, ныне Свердлова, на всю жизнь будет памятна мне визитами к милейшему моему полковнику Старостину, а симпатичная лестница в конце Ирининской — возвращениями от него, а здесь, в подземном переходе у Бессарабки, меня схватили под локотки два милиционера, и через полчаса я оказался в вытрезвителе, хотя трезв был как стёклышко. А в другом переходе, у Почтамта, я как-то завёл игру с «мальчиками», следовавшими за мной по пятам. Откровенно говоря, я, то ли по рассеянности, то ли по легкомыслию, никогда их не замечаю. Но Витя, сын моей жены, верный мой друг, засекает их сразу: «Поглядите на того. Факт. Наш!!!» И, действительно, оказывается «нашим». Так вот, однажды дикий ливень загнал меня с Витькой и тремя «нашими» в подземный переход. И захотелось мне, из озорства, что ли, познакомиться с ними поближе. Подошёл к одному из них — он рассматривал у продавщицы открыток виды Киева — и так, более или менее в пространство, стал сетовать на качество открыток, мол, не умеют у нас ещё делать. «Наш» даже головы не повернул. Подошёл к другому, в плаще, жующему пирожок. Прошёлся по качеству

пирожков. Та же реакция, как изваяние. Подошёл и к третьему. В руках у него был зонтик, и здесь я совсем обнаглел, обратился прямо к нему. «Что же это, — говорю, — другим вашим ребятам зонтиков не выдают? Или это ваш собственный?» Хозяин зонтика даже бровью не повёл... Дождь чуть-чуть утих, и мы с Витей, прыгая через лужи, помчались к гастроному. Влетая в магазин, я обернулся. Раскрыв зонтик, наш милый друг скакал через лужи к тому же гастроному.

Раньше я этим не интересовался, а теперь вот задумался — кто они такие, эти «мальчишки», откуда их вербуют, чему учат, кем они мечтают стать, если вообще о чём-нибудь мечтают? Вид у них сверхординарный — очевидно, так задумано. И одеты нарочито серо, незаметно, что, кстати, на фоне нынешней достаточно пёстро одетой молодёжи сразу выделяет их. Как правило, в пиджаках, какая бы ни была жара — очевидно, необходимы внутренние карманы для миниатюрных радиопередатчиков. Работают грубо и неумело. Впрочем, я до сих пор не понимаю, какова их цель — следить за каждым нашим шагом или давить на нашу психику — учти, мы здесь, рядом, не сводим с тебя глаз. К слову сказать, с глазами у них дело плохо. То зыркнет, то отведёт в сторону, то делает вид, что ты ему совсем неинтересен, то фиксирует тебя, как фотокамера, спрятавшись за деревом. С боковым зрением у всех у них дело обстоит неважно.

Интересует меня и другая категория людей, эти уже постарше, лет тридцати-тридцати пяти, — тех, что проводят обыск. У меня их было семеро, не считая двух так называемых понятых. Вежливость и обходительность их просто поразительны. Чем-то они напоминают молодых людей из бюро добрых услуг. Так же возятся с

картинами, статуэтками, смахивают пыль со шкафов. «Галина Викторовна, дайте тряпочку, я заодно уже вытру...» или «Я иду в гастроном, может, вам яичек или колбасы?» Но трогательнее всего было с Булгаковым. Я вспомнил, что именно в этот день, в четверг, мне назначено было зайти в «Лавку писателей» за однотомником Булгакова. Я попросил у старшего разрешения позвонить по телефону (подходить к телефону не разрешалось, и сами они на звонки тоже не подходили). «Что вы, Виктор Платонович, — удивился даже старший, — мы это мигом! Витя, одна нога здесь, другая там. Дайте ему записку, он сейчас принесёт». Через десять минут однотомник был в моих руках.

Ну как это всё назовёшь? Новая инструкция, новый стиль? Или другая, более культурная категория обыскивающих? Надо было только видеть, как они запечатывали семь громадных мешков с изъятыми «материалами» — подкладывали газеты, упаси Бог, чтоб не накапать сургучом на пол...

Уходя (это было в третьем часу ночи, на вторые сутки), они прощались с нами, как старые друзья после новогодней встречи (это кто-то из них так сострил... ещё острит), а один из Вить (все они были Витями, кроме одного, Владимира Ильича) с извиняющейся интонацией сказал: «Не сердитесь на нас, такая работа...» Я не выдержал и съязвил: «Можно было выбрать и другую».

Обо всём этом я думал, шлёпая по талому криворожскому снегу, о том, как всё отдаляется и отдаляется от меня, как всё более чужим и враждебным становится для меня город, в котором я прожил почти всю свою жизнь, который любил и которым гордился. На место старых, милых, уютных картинок «детства,

отрочества и юности» выплыли новые, куда менее милые и уютные.

...Николаевский парк, парк моего детства... По тем же дорожкам, по которым я бегал то ли индейцем, то ли кем-то из «сыщиков и разбойников», я уже «маститым» прохаживался, вроде как и друзья, и вёл «беседу» с тем самым секретарём Ленинского райкома, который стал вдруг писателем, беседовал о том, каким должен быть настоящий коммунист, — это была его работа, за неё он получал не такой уж малый оклад. (Кстати, один из моих приятелей, ныне сидящий, как-то не вытерпев непрекращающейся слезки, обернулся и спросил у своего «мальчика»: «Слушай, сколько ты за это получаешь?» Тот, не моргнув глазом, ответил: «Сто шестьдесят рублей».)

Пушкинская улица... В этом длинном трёхэтажном, с двумя парадными доме была гимназия Сороковой, и я в ней учился. Через пятьдесят лет в одной из её аудиторий, ныне кабинете редактора журнала «Радуга», десятка полтора моих «единомышленников по партии» во главе с туповатым генералом, Героем Советского Союза, «прорабатывали» меня за очередные ошибки.

А чуть дальше, минуя бульвар, — Театр русской драмы. Здесь я три года учился в студии и изображал на сцене «3-го мужика» или «4-го горожанина» в пьесе Тренёва «Пугачёвщина». На этом вот крылечке у входа в артистические уборные мы летом, в бородах своих и зипунах, курили и без конца точили языки... Но на это воспоминание напластовалось уже другое — парадное соседнего шестиэтажного дома, в которое, когда я заходил (а там жил мой друг, с которым мы встретимся и будем обсуждать недавние киевские события под

сводами Нотр-Дама), всегда обнаруживал лениво слоняющегося у телефонной будки того самого, получающего 160 руб. в месяц...

Трёхсвятительская (ныне на этом отрезке Десятинная) улица. В самом её начале, налево во дворе, жил Серёжа Доманский. У него по вечерам мы собирались и за круглым чёрным столом со свечой (для таинственности) читали друг другу свои литературные опусы, которым в подмётки не годились все эти печатающиеся современные авторы. Иногда, когда надоедало, занимались росписью стен и пола сюрреалистическими, или, как тогда говорили, супрематическими портретами и пейзажами. Теперь, проходя мимо этого двора, я поворачиваю голову не только налево, но и направо — там заслоняет небеса громадное, всё в циклопических колоннах здание обкома партии, где меня дважды исключали и на второй раз исключили-таки из партии. Там милая и даже симпатизировавшая мне Елена Яковлевна, двенадцать лет тому назад просто инструктор, а десять лет спустя уже председатель парткомиссии, учила меня уму-разуму и удивлялась тому, что я давно не перечитывал Ленина («Как? В тяжёлые минуты своей жизни я всегда обращаюсь за советом к Владимиру Ильичу...»).

Днепр... Пожалуй, только Днепр не осквернён позднейшими наслоениями. Впрочем, и тут, валяясь на животе на песочке и разглядывая с левого берега силуэт Киева, видишь, как небрежно к нему относятся. Среди весело разбросанных в густой зелени златоверхих колоколен и куполов Лавры и Выдубецкого монастыря затесались холодные, сухие параллелепипеды высотных

зданий, и сразу померк, лишился седой своей былинности один из красивейших ландшафтов в мире.

Но это только цветочки, ягодки ещё впереди. Не без дрожи вспоминаю я рассказ одного моего знакомого о том, как встречен был аплодисментами всего нашего украинского руководства проект прославления «города-героя», предложенный ныне покойным скульптором Вучетичем. Стометровая золочёная фигура Родины-Матери со щитом и мечом в руках (на два метра выше Лаврской колокольни, во как!) и десятка два тридцатиметровых героев и героинь бесславной обороны должны взмыть к небу на холме у моста Патона и размахом и масштабом побить собственный рекорд на Мамаевом кургане в Сталинграде...

Этот второй удар (сталинградская Родина-Мать стоит как раз на месте «моих» окопов на передовой 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии, полковым инженером которого я имел честь состоять), этот второй удар я не перенесу. Одна надежда на то, что автор проекта переселился в лучший из миров, а без его феноменальной пробивной силы никому не удастся выторговать те десятки и сотни миллионов рублей, которые стоит это чудовищное, золочёное нагромождение мускулов и безвкусицы. Вряд ли состояние нашего бюджета позволит тратить такие суммы на осквернение нашей столицы.

* * *

Эти строки писались 2 февраля 1975 года — в 32-ю годовщину разгрома немцев в Сталинграде. За два дня до

этого, 31 января, капитулировала южная группировка во главе с Паулюсом, в этот же день — северная.

Дни стояли солнечные, яркие, морозные. Вереницы пленных, в длинных шинелях, закутанные в одеяла, с громадными мешками за плечами (Господи, чего только в них не было, даже альбомы с коллекциями марок), стекались к Волге. Появились первые беженцы — на детских саночках, с жалким скарбом и детишками возвращались к несуществующим своим жилищам. Мальчишки уже ползали по пушкам и подбитым танкам.

Бои, если уже не бушевавшие, а догоравшие в развалинах, откатились куда-то далеко на запад. Только весёлые автоматные трели выпивших победителей нарушали неожиданную, неправдоподобную тишину города.

Война в Сталинграде кончилась!

Пьяный Чумак на последней странице «В окопах Сталинграда» спрашивает пьяного Керженцева:

— Почему так вышло? А? Помнишь, как долбали нас в сентябре? И всё-таки не вышло. Почему? Почему не спихнули нас в Волгу?

Я задаю себе этот же вопрос сейчас, тридцать два года спустя. Почему не вышло?

Существует прелестный, возможно и придуманный, но тем не менее прелестный рассказ одного известного актёра о его беседе с маршалом Тимошенко. Ехали они куда-то вместе в поезде. Естественно — выпили. И тут рассказчик спрашивает у маршала:

— Скажите, товарищ маршал, как же это вышло в 41-м году, когда немцы уже вплотную подошли к Москве? Ещё шаг и... и вот, не взяли.

Маршал посмотрел на актёра:

— А чёрт его знает!

(В рассказе маршал высказался более определённо.)

Заговорили потом о Ленинграде, Сталинграде, Курской дуге, и на всё был один ответ:

— А чёрт его знает!

Наутро маршал пришёл в себя, ополоснулся, опохмелился и доверительно наклонился к рассказчику:

— Слушай, я вчера, кажется, наговорил чего-то лишнего... Забудь!

Было это или не было, трудно сказать, но для меня, как и для маршала, Москва, Ленинград и Сталинград, в котором я провоевал пять с половиной месяцев, всё же остаются загадками.

Москвичи, пережившие день 16 октября 1941 года, говорят, что город можно было взять голыми руками. Трагические слова Левитана по радио, что «положение создалось угрожающее», и остановившееся внезапно метро, до последнего момента работавшее, как часовой механизм, — деморализовали окончательно. Начался исход, сжигали бумаги, партбилеты, выбрасывали сочинения Ленина и Сталина — город был готов... Немцы остановились у Химок и дальше не пошли.

Мой друг, оборонявший Ленинград, говорил мне: «Были дни, когда немцы могли, перешагнув через наши спящие тела, без единого выстрела войти в город».

В Сталинграде немцы не смогли спихнуть в Волгу дивизию Родимцева, глубина обороны которой была двести метров...

В сентябре, октябре превосходство немцев было подавляющим. Авиация их господствовала в небе. Пополнение мы получали из одних сопливых детей, стариков да не говорящих по-русски узбеков. Инженерное оборудование — курам на смех: несколько десятков противотанковых и противопехотных мин, спираль Бруно да МЗП — малозаметное препятствие. В батальонах сорок активных штыков казались уже роскошью.

В тридцатую годовщину разгрома немцев я выступал по Сталинградскому телевидению. Озарённый лучами прожекторов, я сидел в кресле в полукилометре от своей бывшей передовой, а ныне — размахивающей мечом восьмидесятиметровой Матери-Родины.

— Расскажите, как вы воевали в те дни, — сказали мне.

Я начал было об этих самых минах и Бруно, о том, что лопат не хватало, воровали друг у друга, но меня перебили:

— Об этом не надо. Лучше о героизме...

Милейшим людям со Сталинградского телевидения невдомёк было — и это через тридцать-то лет! — что в этом и был героизм — ничего нет, а стояли. И выстояли...

Впрочем, и Гитлер со всем своим генералитетом чего-то не додумал. Ведь город, как таковой, фактически был взят. Вокзал, весь центр, на юг почти до Сарепты, на север до завода «Метиз». Осталось несколько вцепившихся в руины заводов и на Мамаевом кургане

дивизий — плюнь на них и закрепи оборону — Сталинград, мол, взят, займись другими фронтами...

Но я не стратег. Я, как маршал — чёрт его знает...

* * *

И всё же город, по которому интереснее, веселее, легче и в то же время утомительнее всего бродить, — это Париж. Это хорошо знали Хемингуэй и Маяковский (впрочем, и многие другие). Первый не зря отождествлял его с «праздником, который всегда с тобой», а второй хотел «жить и умереть в Париже», хотя и предпочитал Москву. А может, и знал её повадки.

Перечитайте хемингуэевскую «Фиесту» или хотя бы тот же «Праздник, который всегда с тобой», и вы увидите, с каким наслаждением он просто перечисляет улицы, по которым ходит. «Я прошёл мимо лица Генриха Четвёртого, мимо старой церкви Сент-Этьен-дю-Мон, пересёк открытую всем ветрам площадь Пантеона, ища укрытия, свернул направо, вышел на подветренную сторону бульвара Сен-Мишель и, пройдя мимо Ключи и бульвара Сен-Мишель, добрался до известного мне славного кафе на площади Сен-Мишель» («Праздник...»). Или: «...вышел и, повернув направо, пересёк улицу Ренн, чтоб избежать искушения выпить кофе у „Де маго“, дошёл по улице Бонапарта до улицы Гименэ, потом до улицы Ассас и зашагал дальше по Нотр-Дам-де-Шан к кафе „Клозери де Лиля“» (там же). Или: «Мы свернули с площади Контрэскарп и пошли, узкими переулками, между высокими старинными домами. Мы вышли на улицу дю-По-де-Фер и шли по ней до улицы Сен-Жак и потом пошли к югу, мимо Валь де Грасс и вдоль железной ограды кладбища. Вернулись на

бульвар дю-Пор-Рояль... Мы пошли по бульвару дю-Пор-Рояль, пока он не перешёл в бульвар Монпарнас, и дальше, мимо „Клозери де Ли́ла“, ресторана „Лавинь“, „Дамуа“ и всех маленьких кафе, пересекли улицу против Ротонды, и мимо его огней и столиков — в кафе „Селект“» («Фиеста»). Ну и так далее.

И мне, когда я читаю, тоже приятно, и кажется, что я тоже иду по улице Бонапарт, минуя Сен-Жермен-де-Прэ и, свернув налево по улице Жанэт, захожу к Мишо. Хэм уже там поджидает Фицджеральда Скотта. Я подсаживаюсь к нему.

— Что будем пить?

— Я взял фин-а-л'о, — говорит он. — Здесь всегда приличный коньяк. Заказать вам?

— Спасибо.

Он подзывает Жана, с которым в приятельских отношениях, и, кроме выпивки, просит принести ещё две порции турндо.

— Это говяжье филе, — поясняет он, — завернутое наподобие рулета. Тут его превосходно делают.

Потом мы едим турндо, действительно отличное, и говорим о Джойсе, который тоже тут часто бывает, и слабостях Фицджеральда Скотта, который вот-вот должен прийти.

Вот так-то. В кафе Мишо, на углу Святых Отцов и Жакоб. Маленькое уютное кафе, где в 1925 году бывали Джойс, и Хэм, и Фицджеральд Скотт, и многие, многие другие.

И в «Липп» я тоже бывал, это на бульваре Сен-Жермен, напротив «Кафе де Флор». Туда тоже

заживал в своё время Хэм и пил там кагор, разбавленный водой. А я зашёл с двумя журналистами из «Радио Люксембург», а потом перешёл через улицу в «Кафе де Флор» и встретил там Вильяма Клейна, знаменитого фотографа, впоследствии и кинорежиссёра, и мы пили с ним холодное пиво «биер альзасьен» и закусывали креветками. Потом он повёл меня в свою мастерскую и показывал свои новые работы — он увлёкся сейчас живописью, состоявшей из одних переплетающихся между собой букв.

— L'art de l'horreur, — пояснил он, — искусство ужасов. Из букв составляются слова, а я их уже не воспринимаю. Особенно когда вижу. Я уже давно не читаю газет и не слушаю радио. Как могут работать корректоры и дикторы? Как их не рвёт?..

Мы возвращаемся в «Липп» и застаём там, кроме двух журналистов из «Радио Люксембург», ещё корреспондента газеты «Последние новости».

Корреспондент показывает последний номер газеты и говорит мне: «Тут и про вас кое-что есть». Это, оказывается, репортаж о моём выступлении в Музее Гимэ, в клубе «Жар-птица», где я говорил о выставке в Манеже (это было в 1962 году), о том, какие там идут дискуссии и споры и как молодёжь сцепляется с догматиками.

— А мы во Франции, — сказал, улыбаясь, Вильям Клейн, — любим всё из ряда вон выходящее и больше всего боимся набившего оскомину. Пикассо спасает только его возраст, а то его давно считали бы банальным, повторяющим собственные зады.

Так зашёл разговор о традиции и новаторстве, как окрестили бы его в какой-нибудь из наших газет,

разговор, продолжавшийся в «Де маго» и так и не закончившийся где-то уже в районе Пантеона.

В Киеве, когда мы собираемся идти куда-нибудь гулять, мы старательно обходим Крещатик — там слишком много знакомых. В Париже, если ты даже не Хемингуэй и не пишешь статей в «Франс-суар», но если ты прожил там хотя бы две недели, рассчитывать на одиночество в квадрате Сена — рю де Ренн — Люксембург — рю Сен Жак — вряд ли возможно. Там всегда кого-нибудь встретишь и осядешь в каком-нибудь кафе после обязательного предложения: «А не выпить ли нам по стаканчику?..»

Относительное одиночество и спокойствие можно обрести на острове Сен-Луи, прилепившемся к нижней оконечности Ситэ. Там всего две набережные, одна продольная улица, восемь поперечных и симпатичная старая церковь Сен-Луи-ан-Лиль. Дома там все старые, там всё тесно и уютно, а кафе, хоть и меньше, такие же, как и в остальном Париже, только народу пожиже. Оттуда недалеко до площади Бастилии и маленькой очаровательной площади Вогезов — плас де Вож. Квадратная, застроенная трёхэтажными старинными домами, с крутыми черепичными крышами, она чем-то напоминает львовскую площадь Рынок, но вместо ратуши-горсовета там посредине уютный сквер, где можно посидеть и, никого не боясь, почитать даже книжку.

Генрих IV сказал: «Париж стоит обедни», а кто-то перефразировал: «Если б не было Парижа, его надо было бы придумать», орловский помещик Тургенев до последних дней жизни не мог с ним расстаться, а Паустовский, когда мы были с ним в Париже, сказал: «Вы

знаете, у меня здесь даже астма проходит», а парижский воздух, увы, далеко не коктебельский.

Спор о традиции и новаторстве, начавшийся в кафе «Липп» и так и не закончившийся у Пантеона, мог произойти где угодно, но в Париже он принял свою окраску. Всё свелось в конце концов к нему самому.

— Париж — лучший город в мире, потому что он терпит всё, кроме безвкусицы, — сказал кто-то из нас.

— И Марк Шагал может расписать плафон «Гранд-Опера», не боясь, что его четвертуют...

— А муравьед Сальвадора Дали привлекает внимание парижан больше, чем его хозяин...

— И вообще, Париж, что Ноев ковчег, в нём мирно уживаются в газетном киоске «Огонёк» и «Пари-матч», а за одним столиком наша компания, которая мирно сосёт коктейли, — сказал я, — удивительнейшее сочетание всего — людей, идей, стилей, — и в этом его лицо.

— И именно поэтому, очевидно, мы и взяли коктейль как символ некоего смешения вкусов и взглядов, — сказал один из люксембуржцев.

— Но в нём нет водки, — сказал я, — это ущемляет моё национальное достоинство.

— Сейчас исправим ошибку. Гарсон, добавьте в этот стакан немного «Столичной». Или, может, «кальвадоса»? Это французский самогон.

Вместо «Столичной», извинившись, принесли «Московской», и мы, стоя, опустошили свои стаканы за самый небанальный в мире город, в котором можно гулять по улицам с муравьедом на цепочке и даже рисовать карикатуры на самого «месье ле женераль».

Но, условившись завтра в три встретиться в «Куполь» — там я ещё не был, мы разошлись по домам. Мой путь был по Сюффло, до бульвара Сен-Мишель, дальше по Сен-Жермен до улицы Святых Отцов и далее, минуя Мишо, по мосту Карусель, через две арки Лувра к своему «Гранд-Отель-дю-Лувр». На мосту я ещё немного постоял, глядя в чёрную воду Сены и думая о том, как бы завтра уединиться и не ходить в «Куполь». Выход был один: запереться в номере и всем говорить, что я работаю. Из этого ничего не вышло — в три часа мне позвонили и сказали, что меня ждут лучшие в мире улитки, бутылка бургундского 1873 года разлива и знакомство с Кордобесом, самым знаменитым в мире матадором. Это меня доконало.

* * *

Вот такой милый, припудренный, полупридуманный Париж изобразил я три года тому назад для журнала «Новый мир». Что может быть невиннее? Кафе, улочки, переулочки, давно умерший Хемингуэй, милые тосты... Не тут-то было. Эта крохотная главка, эти сверхдружелюбные тосты повергли всех в ужас. «Да что вы, Виктор Платонович, побойтесь Бога! Что это за Ноев ковчег, мирно уживающиеся в газетном киоске „Огонёк“ и „Пари-матч“, а за каким-то там столом вы трогательно распиваете коктейли с буржуазными журналистами... Простите, но на нашем советском языке это называется „мирное сосуществование идеологий“. Нет, нет, это не пройдёт, никто не пропустит!» И мой дружеский тост, а с ним и парижский Ноев ковчег превратился в вялое, невыразительное «удивительнейшее сочетание людей, идей и стилей»... Вот так-то.

В той же главке, чуть повыше, корреспондент показывает мне последний номер газеты (было «Русской мысли» — вычеркнул) и говорит: «Тут и про вас кое-что есть». И дальше о моём выступлении в клубе «Жар-птица». Весь последующий абзац был начисто изъят. А посвящён он был той самой заметке в «Русской мысли», заканчивавшейся печально-ироническими словами: «Бедный Некрасов, упиваясь дискуссиями и спорами, он не подозревал, что, пока он обо всём этом рассказывал, Хрущёв уже громил левых художников в том же Манеже». Бог ты мой, как я сопротивлялся, предлагал сжать, сократить, заменить «громил» на «критиковал», на меня смотрели как на идиота: «Да ну, Виктор Платонович, вы ж не ребёнок, сами должны понять... Цензура всё равно вычеркнет, зачем задерживать номер!»

А милый старый Марк Шагал? Тоже оказался под угрозой — «расписывает плафон „Гранд-Опера“, не боясь, что его четвертуют...» Но тут я упёрся и ни в какую. Остался.

Как ни странно, но всё связанное со «Столичной» и «Московской» прошло без потерь, хотя в своё время именно это выжигалось калёным железом.

Помню, какая баталия развернулась вокруг «злоупотребления спиртным», когда сдавался в печать «Родной город». Совпало это с очередной антиалкогольной кампанией, и Твардовский, отнюдь не гнушавшийся напитков, потребовал, чтоб я «прошёлся» по всей книге «в смысле выпивок». Я упёрся. Меня уламывали. Наконец собрались все вместе, вся редколлегия во главе с Александром Трифоновичем, и тут-то и началось. Я дрался, как лев, как тигр, но я был

один, а их пятеро... С грустью и тоской читаю я теперь первую страницу повести, где продавец воды, весело подмигнув герою повести Николаю, говорит:

«— С фронта небось, товарищ капитан?

Николай кивнул головой.

— Может, тогда кружечку пивца прикажете?

— Нет, не надо.

— А то хорошее, „Жигулёвское“».

Не было никакого пива! Не было! Было «сто грамм»...

«— Может, тогда сто грамм прикажете?

— Нет, не надо.

— Как же так, фронтовик и не надо?»

Сколько я ни убеждал, что, к стыду своему, фронтовика, Николай ведь отказался от водки, не выпил, а ведь мог, тогда другой разговор (я невольно, под давлением, начал соглашаться, что пить, именно пить на первой странице не надо), — меня припёрли к стенке, убедили, доказали пять пьющих мужиков, что нельзя. И я, заливаясь слезами, сдался... И так по всей книге — вместо поллитровки четвертинка, вместо четвертинки стопка, вместо стопки — пиво... Кончилось всё в уютном подвальчике — Твардовский, хлопнув рукой по рукописи, сказал: «Ну, а теперь, сил больше нет, спустимся в подвальчик, к милой нашей Нине, и компенсируем, так сказать, всё, что мы только что выкинули...»

О водка! О проклятое зелье!

Не стёршееся в памяти воспоминание о тех днях, когда Твардовский боролся с «моей» водкой в книгах и

отнюдь не с «нашей» в жизни, возбудило во мне — ренегате и изменнике — желание спеть тебе, проклятое зелье, оду!

Я не могу не спеть её, т.к. слишком долго и упорно дружил с тобой, повергая в тоску и ужас друзей и знакомых, не могу, т.к. только этим искуплю свою вину перед тобой, если и не забытой, то давно уже отвергнутой. Почему? — другой вопрос. Об изменах трудно писать. Не будем...

С тоской и лёгким презрением смотрю на людей западной культуры, посасывающих соки, аперитивы и коктейли, пьющих за обедом вино, не знающих счастья «продолжения» (сбегать ещё?), муки утреннего похмелья. Они могут часами сидеть за кружкой пива, уткнувшись в газету, или с рюмочкой (фужером?) в руке вести неторопливую беседу. Третьи, считающие себя знатоками «L'ame slave»^[5], весело подмигивая, после сытного обеда, сыра и фруктов заявляют вдруг: «А теперь можно и la vodka!» — и пьют её крошечными глотками, опять же подмигивая: «Formidable!»^[6]

Нет, не для того, не для таких ты создана! Я пил тебя из всех возможных сосудов — из рюмок, стопок, стаканов (гранёных и негранёных), из медных и алюминиевых кружек, бритвенных стаканчиков и завинчивающихся от термоса, из тонких, китайского фарфора, чашечек и толстых, фаянсовых, с крышкой пивных кружек, просто из горлышка («с горла будешь?»), а однажды просто сосал губку; пил утром, вечером, днём

---

⁵ славянская душа (фр.).

⁶ великолепная (фр.).

и ночью; дома, в гостях, на званых ужинах и банкетах, на свадьбах и похоронах; тайно, в ванне, вытаскивая трясущимися руками из «загашника» специально недопитую четвертинку; в подъездах, парадных, пустых дворах, озираясь по сторонам и запивая пивом; в поле, в лесу, в горах, у моря (там-то, на пляже, в Ялте, и произведён был эксперимент с губкой); на пароходе, в поезде, автомобиле, самолёте; в землянке у раскалённой печурки или прямо на передовой, в окопе, на корточках, чтоб не сшиб снайпер; в шумной весёлой компании, впятером, втроём, вдвоём, один...

И со всей ответственностью могу заявить — лучше всего пить вдвоём! В затхлой атмосфере прокуренной холостяцкой комнаты, закусывая колбасой и огурцом, разложенными на газете.

Говорю со всей ответственностью и знанием дела человека, пившего во дворцах и лучших ресторанах из хрустальных бокалов и тыкавшего вилкой в трепетно-розовую осетрину, распластавшуюся на кузнецовском фарфоре или каком-нибудь другом гарднере...

Нет! Дым столбом, вернее пластами, окурки в блюдечке, колбасу или сыр перочинным ножиком, хлеб отламывается руками и макается в бычки в томате, на дворе ночь, оба сидят в майках, и вот тут-то открываются такие глубины и просторы, решаются такой сложности мировые проблемы, распутываются и запутываются такие морские и гордиевы узлы человеческих взаимоотношений, открываются такие чистые, нетронутые уголки и закоулки души, а перспективы так радужны и манящи...

И вот тут-то кончается водка. И нужно — и немедленно — достать, так как самое важное ещё не сказано. Самое сложное не распутано, самое сокровенное не приоткрыто, самое трогательное не выдавило ещё слезу...

День это или ночь, открыты ли магазины или закрыты, есть деньги или нет — значения не имеет. Открывается и находится и то, и другое — вытряхиваются все карманы всех пиджаков, прощупываются все швы и подолы, и — о! трёшка! — мятая, забытая, спяну сунутая трёшка, а в пальто под подкладкой сладко звенит ещё что-то металлическое, и если не магазин, то ресторан, кафе, вокзал, с заднего хода, через какую-нибудь Светочку или Жанну, или, на худой конец, полупьяного швейцара (о! это ожидание, пока он куда-то уходит, Бог знает сколько времени пропадает, потом появляется с заветной нашей, завёрнутой в газету!) — и назад, в дым, табак, плавающие окурки... Если это вокзал или дальний ресторан, какая-нибудь киевская «Лыбедь» или московская «Советская», долго ещё бредёшь по бульварам, шелестя листьями, футболя пустые бутылки и превращая урны в пылающие жертвенники... В этих прогулках своя прелесть, свои откровения.

Да, вдвоём, вдвоём! Третий или засыпает, или изрыгает на пол непереваренные колбасу и бычки, и надо за ним убирать, или — самое худшее — вступает в беседу со своими «Постойте, постойте, дайте ж и мне сказать... Был у меня однажды такой случай...» Нет! Не надо третьего! Вдвоём!

А утреннее просыпание. Нет, не на третий или пятый день, когда уже всё было — и люди, и музыка, и

рестораны, и ненужные девицы, — а именно после той ночи, вдвём, после двух поллитровок и пива, когда ничего внутри не трясётся и ты точно знаешь, что Борька или Игорь Александрович вчера получили деньги и что если к ним придёшь... И вот тут-то третий уже не мешает. Он даже нравится тебе. Нравится тем, что неожиданно обрадовался вам, и понимает всё, что предшествовало вашему визиту, и действительно получил вчера деньги и извиняется только, что не успел ещё сполоснуть морду, поэтому, ребята, придётся вам самим... И мы с радостью и весельем, сжимая в кулаке пятёрки, мчимся по лестнице вниз, в гастроном, и все продавщицы нам кажутся милыми и хорошенькими, и мы, разбегаясь по отделам, остря и пролезая вне очереди, наполняем авоську бутылками, банками и папиросами... Впереди огни!

А было время, забавное, далёкое время, когда водку продавали с семи часов (теперь с одиннадцати, а до одиннадцати только через знакомую продавщицу) и существовало бесчисленное количество вариантов утреннего её распития. С одним из них в те незабываемые, радужные времена ознакомил меня Александр Трифонович Твардовский, тот самый, что боролся...

«За мной!» — сказал он в одно прекрасное утро, раскрыв свои бело-голубые глаза и сразу же вскочив на ноги. — «За мной!» Проехав пол-Москвы на всех видах транспорта (кроме метро — его он не переносил, боялся, что-то его давило), мы оказались где-то возле Киевского вокзала у магазина, вокруг которого, поглядывая на часы — было без пяти семь, — разгуливали десятка полтора таких же, как мы, жаждущих. Ровно в семь магазин открылся. Тихо, с шуточками, не толкаясь, каждый взял

своё, и — «За — мной!» — мы оказались в очень симпатичном поленовском московском дворике за длинными, вкопанными в землю столами, и, точно с неба, с облаков, спустилась к нам симпатичнейшая бабушка и раздала всем по куску хлеба с солью и по помидору. О, милая бабушка, как ласкова и прекрасна ты была, как кстати ты появилась, раздала свой паёк и так же быстренько скрылась, собрав все бутылки... И как мило мы все посидели, перекидываясь двумя-тремя словами, а через полчаса явился вежливый участковый, и мы, не вступая ни в какие пререкания (да они и не предвиделись), так же вежливо, как он пришёл, ушли... Ну, не сказка ли, не райские ли времена, кисельные берега, молочные реки? Почти коммунизм...

Да, да, всё знаем! Губит организм, разрушает психику, разрушает семью, и вообще страна спилась — всё это нам известно, — но, как говорится, что поделаешь, так уж на Руси заведено, и так как выхода нет, давайте сойдёмся на знаменитом учении Станиславского: «Ищи в дурном хорошее, в хорошем дурное» — лучше, применимо к невоздержанию, не скажешь.

Бог его знает, как это получилось, но получилось. Заговорив о Париже, скатился вдруг к водке. «L'ame slave», другого объяснения нет. Но ничего, настанет время (я ещё слишком молодой француз), и я сложу оду лучшему в мире вину. Мадригал стаканчику бургундского завершит где-нибудь мои воспоминания о родном Киеве. Так искуплю я свою вину перед Парижем.

Но вернёмся к нему.

Париж...

«Ну, как вам Париж?» Бессмысленнейший из всех вопросов, уступающий, может быть, только: «Ну, как жизнь?»»

И всё же — как мне Париж?

Одна советская деятельница на поприще литературы, вернувшись из Парижа, на следующий день говорила: «Вы знаете, всю ночь не спала, ревела. Так разочаровал меня Париж». Думаю, что эта стерва (не хочется называть фамилии) говорила это не по дурости (нет всё-таки таких дураков), а просто чтоб не потерять возможность поехать туда ещё раз.

Что касается меня, то у меня с Парижем свои собственные отношения. Для меня он город, может быть, даже более родной, чем Киев. В нём я впервые стал произносить слова. Французские притом. В нём я лепил свои первые бабки из песка. В нём впервые полюбил солдат (они, тогда ещё в красных кепи и шароварах, занимались шагистикой совсем рядом с «нашим» парком Монсури и, конечно же, забавлялись нами во время своих перекуров). В нём я впервые столкнулся с войной — как-то ночью мне показали летающий над городом, озарённый прожекторами «Цеппелин».

На углу коротышки rue Roli, где мы жили, был малюсенький магазинчик. Там продавали леденцы. Мне давали су (тогда они ещё были), и я покупал леденцы. И незаметно прилавок становился всё ниже и ниже...

В парке Монсури, в самом центре его — озеро. В нём плавали утки. Я бесконечно радовался им и называл их «les ga-ga». Когда меня повели в зоологический сад, я

не обратил внимания ни на слона, ни на жирафа, я искал «les gaga». Нашёл и был счастлив.

Больше всего я любил бананы. Ел их как-то по-особенному, не обрывая сразу шкурки, а постепенно их отворачивая. Когда мы вернулись в Россию, первые мои слова были: «*Quel sale pays, il n'y a pas de bananes!*» — «Какая противная страна, в ней нет бананов!»

По-видимому, на всю жизнь у меня сохранился некий «фруктовый» критерий при оценке той или другой страны. Газета «*Figaro*», например, утверждает, что я заявил их корреспонденту: «Свобода? Нет, не это поразило меня в Париже. Обилие фруктов!» Между прочим, этот же корреспондент поведал читателям, что я в своё время был «*protege de Staline*»^[7], членом ЦК КПСС и миллионером в рублях... Но обилие фруктов действительно поразило. После московских очередей за апельсинами — как не поразишься.

Итак, наши с Парижем отношения. Зародившиеся ещё тогда, до Первой мировой войны, я пытаюсь их восстановить сейчас, через пятьдесят лет, полстолетия. И каких полстолетия!

Тогда — пятилетний круглолицый аккуратный мальчик с локонами, в офицерском костюмчике (сохранилась фотография — на скамейке, в парке Монсури), жующий бананы (бананы жуй!), любитель уток... Теперь — седовласый, длиннолицый, жующий, ранее сосущий «*Gauloise*», любитель поваляться на диване, полистать «*Ici-Paris*»... Как восстановить былые

отношения? Бананы есть, но нет «пуалю»^[8] в красных кепи, нет зуавов (один из них лежал в мамином Hopital Stanislas, и мы с ним очень дружили), нет мамы, водившей меня в зоопарк посмотреть на слона, но Париж есть. И я в нём. Не турист, не гость, не член делегации. Парижанин. В кармане Carte de sejour^[9] и даже чековая книжка в «Banque de Paris et Pays-Bas»^[10]...

Я — парижанин. Станный парижанин — с чужим паспортом — серпастым, молоткастым, с чужим языком, с чужими привычками (вскочил в заднюю дверь автобуса, и сразу на меня зашипели), с чужими взглядами на жизнь — это преодолеть будет пожалуй что труднее всего. И всё же я — парижанин. Не надо мчаться в Лувр, на Эйфелеву башню, на Place Pigalle. Стадию «витринного обалдения» и массовой закупки открыток давно уже пережил. Могу уже ругать порядки. Не как корреспондент «Литгазеты», а как парижанин. Правда, с московско-киевским оттенком. Фруктов много, а телефонных автоматов мало. В Киеве, в центре, они рядами, через каждые двадцать шагов, а тут от Сен-Мишеля до Одеона — ни одного. Зато на вокзале от них можно спятить (от железнодорожных). Для того, чтоб мне с женой из Фонтенбло, допустим, на денёк съездить в Париж (значит, туда и обратно), я должен в эту чёртову щель опустить... сорок четыре однофранковые монеты. А если у тебя ещё и полтинники (другой автомат, меняющий тебе десятифранковую бумажку, выбрасывает восемь франков и четыре

---

⁸ солдат (*фр.*).

⁹ вид на жительство (*фр.*).

¹⁰ Парижско-нидерландский банк (*фр.*).

полтинника), то, значит, эту операцию надо проделать пятьдесят четыре раза... Тем временем поезд уходит.

Метро? Вот тут-то я не москвич. Меня ничуть не раздражает ковёр невыметаемых жёлтых метровских билетов на полу и отсутствие «красоты», а к бесконечным переходам быстро привыкаешь (только не на Этуаль. Там кажется, что ты уже никогда на свет Божий не выйдешь, а парижане утверждают, что и сумочки там из рук вырывают). Но зато нет того уголка в Париже, куда нельзя добраться на метро... А старые вагончики с переплетающимися монограммами и допотопными поршнями, открывающими и закрывающими дверь... А входы в метро девятисотых годов — извивы растений на решётках и надписи, как в старом «Illustration», сохранившемся у нас ещё с «того» Парижа и сожжённом немцами... А фонари... Не везде, но на Concorde, Champs Elysees, Vendome... В прошлые свои приезды я застал ещё ажанов в пелеринках и тупорылые автобусы с открытой задней площадкой. Теперь их нет — ни тех, ни других. И я грущу.

Но об этом ли грустить?..

...Как сладостно ощущать атмосферу, насыщенную историей; погрузиться в туман, обволакивающий остроконечные крыши высоких домов, с их фронтонами и башнями, любоваться «patine», покрывающей порталы, вывески, фонтаны; увидеть прекрасные особняки, высокие, заросшие плющом ограды, позеленевшие статуи, затейливый боскет, таинственные изображения на гербе, священную Мадонну в нише!

С трепетом я приближаюсь к старинным кварталам. Вот Rue St. Merri, Musee Carnavalet, Place des Vosges.

Теперь нельзя уже отыскать многих построек.

Десять лет, прошедших с тех пор, как я бродил, изучая парижскую старину, изгладили многое в моей памяти — или я забыл расположение улиц, местонахождение отдельных зданий?

Справляюсь в книжке Marquise de Roche-gude, сверяюсь со своими записями, ищу, полный закрадывающихся подозрений, ищу, убеждённый в своей забывчивости, и — и с ужасом вижу, что не только отдельные порталы, кариатиды, башни, не только прекрасные дворцы и пышные особняки, но целые нагромождения домов, огромные куски кварталов с их вросшими друг в друга крышами, пугающими трубами, ажурными решётками, увитыми плющом балконами — исчезли, и навсегда! Исчезли многие своеобразные и милые украшения домов, не досчитаться большого количества вывесок, резных дверей, их обрамлений...

Это не мои строчки. Эту грусть по ушедшему Парижу излил в своей книжке «Старый Париж» ещё в 1917 году Георгий Лукомский, прекрасный, тонкий художник плеяды «Мира Искусства», излил более полу столетия назад. Книга издана в революционном Петрограде в количестве восьмиста экземпляров, и один из них, неизвестно как, оказался у меня и, минуя все таможенные преграды, попал в Париж, новый, новейший, самоновейший Париж.

Другой из той же плеяды, Александр Бенуа, писал: «Казалось бы, после всех войн, осад, баррикад, революций от самого Парижа не должно было остаться камня на камне; однако, не говоря уже об отдельных великолепных зданиях, хранить которые и гордиться которыми умеют (не то, что мы) французы в Париже,

некоторые кварталы стоят столетия без изменения, а для квартала Saint Severin всё ещё продолжается XV век, и его красивые окна робко поглядывают на тёмную мостовую, точно всё ещё ожидая, что на ней появится палач короля или ковыляющая стая страшных бродяг...»

Книжка Лукомского иллюстрирована им самим. Маленькие вклеенные рисунки. Старые дома, особняки, крыши, трубы, уголки дворов. Уютно и трогательно.

Place des Vosges... В прошлом Place Royale, непередаваемый уголок начала XVII века, чудом сохранивший весь свой ансамбль, место дуэлей и тайных свиданий, плащей и полумасок, где под аркадами встречались герои комедий Корнеля, а в крутоверных особняках в данное время жили и Ришелье, и тот же Корнель, и Марион Делорм, мадам де Севинье, Мольер, Виктор Гюго и знаменитая Рашель. Лукомский влюблён в эту маленькую, замкнутую со всех сторон очаровательную площадь с идиотским названием^[11], знает, кто где, в каком особняке, отеле жил, кто с кем сражался на дуэли, подымал свой бокал «Vive le Roi!» или «Vive le Cardinal!»^[12], в каком из полутёмных, с пылающим камином погребков. И, сидя сейчас среди неистово кричащих и толкающих друг друга в фонтан мальчишек, я мысленно рисую себе не только мушкетёров и мольеровских жеманниц, но и сидящего где-то неподалеку, на скамейке, старого русского

---

¹¹ Place Royale в 1792 г. переименовали в Place des Federes, в 1793 г. в Place d'Indivisibilite (площадь Неделимости), а в 1800 г. указ консулов объявил, что департамент, дающий наибольшую контрибуцию, запечатлит своё название в одной из площадей Парижа. Так появилась площадь Вогезов. — *Прим. авт.*

¹² Да здравствует король! Да здравствует кардинал! (*фр.*)

художника, влюблённого в Париж и неизвестно где умершего...

Я чуть-чуть уже знаю Париж, с десяток площадей, с полсотни улиц, но я не тороплюсь, у меня есть время, я не турист, не член делегации (о! какое это счастье!), я — парижанин.

И вот для меня, полугодовалого парижанина, Париж — это не только Place Royale или St. Germain des Pres (метро, из которого я обычно вылезая на свет Божий), не Лувр, который я более или менее внимательно прошагал, изнывая от усталости, двенадцать лет тому назад, не Пантеон, в котором ещё не был, и не Монмартр (там я просто-напросто заснул, присев на скамейку в Sacre-Coeur, — ноги уже не несли), для меня Париж сейчас, именно сейчас, некое, весьма сложное, переплетение различных воспоминаний и ассоциаций, клубок из прошлого и настоящего, некое священное место, где неожиданно вдруг встретилось то, что, казалось, никогда и ни при каких обстоятельствах не могло бы встретиться. А вот встретилось. И не только встретилось, а дало уже какие-то крохотные, но уже зелёные, трогательные ростки. Такие же, ещё нежные и робкие, как в саду дома, где я сейчас живу, — сейчас январь, по-русски Крещение, а трава зелёная и среди неё маленькие ромашечки, а на калитке всю зиму (зима!) цветут жёлтые цветочки, которые здесь называются «jasmin d'hiver» — зимний жасмин. И вот этот загадочный для меня жасмин пустил, кроме золотых своих звёздочек, зелёные микроскопические листочки — апрельские листочки...

Переплетение, пересечение, совсем недавно ещё немыслимое.

Нотр-Дам... Своды уходят к небесам, и где-то там, на недостижимой высоте, кирпично переплетаются... Фиолетовые с чуть-чуть розовым витражи... Застывшие каменные скульптуры... Подсвеченные гладиолусы у подножья Мадонны. Тишина. Три-четыре склонённые фигуры — молятся. И мы — два бывших киевлянина — на скамейке с пюпитром. Он приехал из Иерусалима. Я — из Киева. А он до этого тоже из Киева... Из того самого, где мы, выходя с ним из моего парадного, оглядывались по сторонам — кто сегодня будет за нами ходить. Садясь в машину, знали — вот та «Волга» с антенной и четырьмя пассажирами будет следовать за нами по пятам. У меня дома, на кухне, за чаем, когда надо было сказать о чём-то очень важном, писали друг другу записки, а потом сжигали их. Пробиваясь сквозь глушку, крутили вместе приёмники. По вечерам, ночью провожали друг друга — «ну, вот, до того ещё угла...» — и всё говорили, говорили, говорили...

В Париже, только здесь, в Нотр-Даме, мы нашли место, чтобы поговорить тихо, вполголоса — на улице, на набережных глаза разбегались — я показывал ему Париж.

...Ресторан «Куполь» на бульваре Монпарнас. Нас не двое, а трое. Я и мой московский друг, известный поэт и песенник. Его песни поют по всему Советскому Союзу. Третий — журналист, берущий у нас интервью. Но он тихий, застенчивый, задаёт вопрос и надолго умолкает. И вдруг выяснилось, что мы с Сашей впервые вдвоём, хотя знакомы уже сорок лет... Впервые без общества, без жён, не боясь, что нас перебьют (журналист не в счёт), и никто не попросит его спеть, вот так вот сидим, он

вытаскивает улитки, я ковыряюсь в салате, и говорим о том, о чём не удалось поговорить за все эти сорок лет.

В последний раз, в Москве, я прибежал к нему из отделения милиции, где меня продержали около двух часов — машина моего друга, в которой я ехал, мол, похожа на машину, переехавшую какую-то девочку. Пока я сидел, он уже трезвонил по всей Москве, и иностранные корреспонденты начали стекаться к 88-му отделению милиции... По случаю моего «освобождения» («произошло недоразумение, мы приносим свои извинения») кое-что было выпито, и разговор шёл о том, как всё это осточертело и даже больше, чем осточертело... А сейчас, в «Куполь», мы говорим о том, что вот мы сейчас в «Куполь», а те, кто был у него в тот вечер, всё ещё там, и им ох как всё это осточертело, дальше уж некуда... А мы здесь... А завтра он уедет к себе в Норвегию, он живёт сейчас в Норвегии, окна выходят прямо на фиорды... А Володьку исключили из Союза писателей. А другого, вероятно, скоро исключат. А обоим надо кормить детей... Одному из них я вчера звонил — длинные гудки, никто не отвечает. «Они» подключают другой зуммер — «видите, никого нет дома».

Журналист задаёт вопрос, что-то о перспективах, планах на будущее. Есть, есть планы — такие-то и такие, но сейчас не хочется об этом говорить — ведь мы впервые за сорок лбт сидим вдвоём.

...Гран-Палэ... Недалеко от Елисейских полей и моста Александра III. Вычурное здание то ли конца прошлого, то ли начала этого века. Помню его ещё по открыткам Всемирной выставки 1900 года. Крылатые гении, виктории, кони. Головокружительно,

сногшибательно прекрасно. И вот в одной из аудиторий этого на весь мир известного — по альбомам, увражам, проспектам, открыткам, путеводителям — здания невысокий, бородатый, немного застенчивый человек негромким голосом рассказывает о русской иконе. На небольшом экране застывшие лики святых, Богоматерь, младенец Христос, и человек рассказывает сидящим здесь молодым французам то, что, может быть, им интересно, но в тысячу раз интереснее мне... А человек этот, передвигающий сейчас диапозитивы, знает об этих иконах больше, чем кто-либо другой, а до этого, у себя дома, просидел в лагере шесть лет... Шесть лет... А сейчас monsieur le professeur, Сорбонна, Гран-Палэ...

Вот такой он у меня сейчас, Париж. Станный...

* * *

«Ну, а как вам французы?»

Второй стереотипный вопрос.

Французы?

Тринадцать лет тому назад один довольно бойкий журналист, не правый и не левый, а так себе, серединка на половинку, уверял меня:

— Парижанин любит обсуждать и осуждать, но не любит вникать. Газеты он читает ежедневно, но относится к ним скептически. Каждый гнёт по-своему, говорит он, и каждый в чём-то убедителен, но я не хочу, чтоб меня убеждали. Вас интересует, как относится француз — государственный служащий или мелкий буржуа — к действительности? А по-разному. В основном, в зависимости от цен на продукты, от того, вздорожал или не вздорожал сегодня уголь или бифштекс. Об этом

говорят в кафе за столиками, иногда даже очень темпераментно, а думают о другом — скорее бы воскресенье, скорее бы сесть в своё «де шво»^[13] и мотнуть куда-нибудь, этак километров за сто от Парижа, поваляться на травке, поудить рыбу, стрельнуть в фазана...

А другой француз сказал:

— Франция сейчас слишком увлечена настоящим, забыла о прошлом и не думает о будущем.

— Что значит увлечена настоящим? — спросил я.

— А то, что сытость успокаивает. А мы, в общем, сыты. Вы скажете мне, что не все одинаково. Согласен. Если б всё было благополучно, рабочие не бастовали бы, не требовали повышения зарплаты. И всё же, дорогой мой, Франция не думает о завтрашнем дне, не хочет — боится...

Всё это слышано мною давно, в декабре 1962 года, и описано в очерке «Месяц во Франции», до французов, по неизвестной мне причине, не дошедшем. Там я писал и о своей первой, после детства, встрече с Парижем, и о Корбюзье, и о весёлой выпивке со студентами в какой-то мансарде на берегу Сены, и закончил свой очерк словами о французском народе, весёлом, задорном, чуть-чуть сентиментальном, иногда грустном, но всегда живом.

Увы, веселья и задорности я что-то не очень замечаю сейчас у французов. Стали они сумрачнее и озабоченнее. Надвигающаяся инфляция наложила свою печать на всех. Но впечатление это — тут же

---

¹³ Микролитражный автомобиль «Ситроен», deux chevaux — две лошадиные силы (фр.).

оговариваюсь — слишком внешнее, уличное, по-настоящему-то я французов не знаю.

Случилось так, что, попав по Францию, я сразу окунулся в русскую среду. Трёхэтажный дом в парижском предместье Фонтенэ-о-Роз, гостеприимно распахнувший перед нами двери, перенёс нас сразу в атмосферу московской квартиры с её нескончаемыми спорами, безалаберщиной, суетой, надрывающимся телефоном, едой что попало и когда попало, кучей книг и старинными иконами.

Книги... Пожалуй, это главное, что сразило нас во Франции. Всё то, что у себя на родине читалось тайно, наспех, за одну ночь, передаваемое из рук в руки на смятых машинописных листочках, лежало здесь на полках магазинов в необозримом количестве. Мы, приехавшие из голодного края, набросились на все эти «Архипелаги ГУЛАГи» и до сих пор глотаем, не успеваем переварить всё это богатство. А тут ещё и газеты с потоком подробнейшей информации. Хорошо ещё, что я плохо знаю французский язык, — газеты и журналы не оставляли бы ни на что другое времени.

Может показаться странным и даже смешным, но незнание языка в какой-то степени спасает от чрезмерного избытка впечатлений. Переселившись из одного мира в другой — с Крещатика, скажем, в созвездие Кассиопеи или со дна морского на его поверхность без предохранительных средств, можешь оказаться разорванным на куски. Первый месяц в Париже я всё время чувствовал себя выброшенной на берег рыбой — жабры мои не могли пропустить сквозь себя сразу столько кислорода. Ощущение такое же, как когда

я первый раз выбрался из стен госпиталя, — голова пошла кругом от голубого неба и пьянящего воздуха.

Сейчас мои жабры в нормальном состоянии. Пульс — 76. Париж далеко. Вокруг лес. Нерусский, цивилизованный, с циклопическими валунами, по которым карабкаются «уикендовские» парижане. Знаменитый лес Фонтенбло. И маленькие городишки. И в каждом своя церквушка XI или XII века, и памятник «A nos morts»^[14], и свой chateau^[15], а уютные виллы с обязательными табличками «La tourelle»^[16] или «Petit nid»^[17] и, конечно же, «antiquites»^[18] — без этого никакая дыра во Франции не может — старые подсвечники, абажуры, дуэльные пистолеты.

По склонности своей бродить, шатаюсь по ухоженным лесным аллеям с указателями и скамеечками на перекрёстках, забредаю в эти самые соседние городишки и, наслаждаясь одиночеством, пытаюсь разобраться в навалившемся на меня.

А навалилось — за год не разберёшься. А разобраться хочется. И о чём спорят с пеной у рта маоисты с троцкистами (мало им нашего примера!), или если не спорят, то говорят между собой кавалергарды на панихиде по Николаю II? И почему не прогорает маленький магазинчик у остановки автобуса № 194 в

---

¹⁴ Нашим павшим (фр.).

¹⁵ замок (фр.).

¹⁶ башенка (фр.).

¹⁷ гнёздышко (фр.).

¹⁸ предметы старины (фр.).

Фонтенэ-о-Роз — он торгует пепельницами и подставками для ламп мексиканского, пакистанского и иранского оникса (я за два месяца не видел ни одного покупателя)? И кто и когда покупает развешенные в громадном количестве цепи в «sex-shop» на Пигаль и как ими пользоваться? И что лучше, левее, прогрессивнее — «L'Express» или «L'Observateur»? И почему Жискар д'Эстен не стесняется сниматься в трусиках, да ещё в компании с Фордом и Киссинджером, и почему не позволяет этого себе с Брежневым или Косыгиным (а в Пицунде бассейны не хуже мартиникских!)? Наконец, как не уронить здесь, на Западе, достоинства русского интеллигента, если за самолёт Киев — Цюрих тебе пришлось платить собственными деньгами, а не лететь бесплатно? И ещё десять тысяч таких или ещё более сложных вопросов.

Вот так и брожу по дорожкам, а мимо, не торопясь, проезжает кавалькада красивых всадников (делать им, что ли, нечего, разъездились...), и из леса выхожу на поляну, на выющую мимо кладбища дорогу, попадаю в соседний городок, захожу в «Tabac» — «Gauloise, s.v.p.». Вот и всё моё общение с французами. «Bonjour, Mme, bonjour, Mr!» в местной булочной, приветливые улыбки на почте, до местного кюре и аптекаря ещё не добрался.

Единственное, что удалось мне всё же уловить, — это, в общем-то, замкнутость французов. Бистро бистром, а так больше по домам.

В малюсеньком городишке Grez-sur-Loing, куда я как-то забрёл (старинная колокольня и Vieille tour du XII siecle^[19] — везде указатели), я в три часа дня не

---

¹⁹ Старинная башня XII века (фр.).

обнаружил ни одного (не преувеличиваю!) человека. Город был мёртв, даже немного страшно стало. В моём Marlotte приблизительно то же самое, только машин побольше.

Обнаружил я, вернее, учуял повышенный интерес к деньгам у французов. Растущие цены и дороговизна жизни не последние темы в разговорах. «Oh! C'est trop cher!»^[20] куда чаще встречается, чем русское «Нравится — покупай». Французская мама не поступит, как моя, когда я, четырёхлетний карапуз, проходя мимо магазина игрушек, требовал сначала un bateau^[21] (тогда я ещё говорил по-французски), потом avec un marin... deux... trois... quatre и, наконец, заливаясь слезами, «plein de marins»^[22]. Нарушая все педагогические каноны, мать заваливала детскую моряками и корабликами. Для меня на всю жизнь этот «bateau plein de marins» — синоним не только моей жадности, но, может быть, и неразумной, но такой родной, русской щедрости.

Что и говорить — швыряние деньгами не французская черта. Расчётливость и умение разбираться в разного рода финансовых комбинациях куда ближе этой нации д'Артаньянов (а не был ли он, часом, армянином с «ц» на конце?). И не без некоторого налёта грусти скажу, что черта эта стала, увы, не чужда и тем русским, которые давно живут во Франции. Вот маленький забавный рассказик.

---

²⁰ О! Это слишком дорого! (*фр.*).

²¹ Кораблик... с моряком... с двумя... тремя... четырьмя... «много моряков» (*фр.*).

²² Кораблик, полный моряков (*фр.*).

Разговор за чайным столом милой русской семьи, живущей в Париже с двадцатых годов. Рассказываю о своём друге, полуфранцузе, полуукраинце, запутавшемся в каких-то банковских операциях.

— Забавно, — говорю я, — вот он сидит передо мной, уткнувшись в «Le Monde», и что-то пытается сообразить по поводу своих акций далёких южноафриканских золотых копей и никак не может решиться, продавать ему или не продавать золотые слитки. А давно ли это было — наша киевская кухня — любимое место вечерних разговоров — и до глубокой ночи, до часу, до двух всё об одном и том же — о лагерях, психушках, обысках, вперемежку с ОВИРами, таможнями, очередными историями о том, что того выпустили, а того нет... А сейчас вот сижу и слушаю про акции, копи, слитки... Смешно...

Моя хозяйка вдруг встрепенулась...

— Кстати, Саша, ты «Le Monde» смотрел сегодня? Говорят, золото опять упало...

Вот так-то...

Нет, я несправедлив. И жаловаться мне грех. До сих пор ничего, кроме внимания, радушия и желания помочь кто как может, я здесь, во Франции, а до этого и в Швейцарии, не встречал. Только благодаря этому я спокойно могу закончить начатое в Киеве — добрые парижане создали мне такие условия для работы, о которых я и мечтать не мог — тишину, уют, покой — остаётся только не подкачать, ведь здесь, в Marlotte, жили и творили «не аби хто» — Мюрже, Альфред де Мюссе, Золя, Оскар Уайльд, из художников — Сезанн,

Ренуар, Сислей, даже великий Коро. Рядом с нашим домом жил Сарасатэ, а чуть подальше — Жак Тибо...

И всё же француз для меня ещё загадка. С русским, говорят, надо пуд соли съесть, прежде чем разобраться в нём. А с французом? Иногда мне кажется, что он мудр, скептичен, порою циничен, иногда — что наивен до предела. «Нет! Нет! Если у нас и победят коммунисты, всё будет совсем не так, как у вас. Вот увидите. — И тут же, понизив голос: — Но они никогда не победят...»

Я вспоминаю рассказ Эренбурга о его беседе с Хосе Диасом, председателем или секретарём испанской компартии.

Эренбург его спросил:

— Когда вы победите, вам, наверное, придётся запретить бой быков. Это ж негуманно, кровавое зрелище, разжигает нездоровые инстинкты.

Хосе Диас грустно улыбнулся.

— Да, придётся, очевидно, запретить. Но на последнюю корриду я всё же пойду. И всю ночь потом буду плакать.

* * *

Прогулка была парная — я и мать.

Больше всего в жизни она любила гулять. В ту зиму было холодно, поэтому мы сначала долго одевались. Процедура была сложная — одна кофта, на неё другая, затем тёплый шарф, вызывавший всегда сопротивление — «шерстит», затем демисезонное пальто — мы приехали осенью, и в Москве нас застигла зима, — на ноги валенки, на руки тёплые заячьи рукавицы. На носу

пенсне — самое сложное, так как оно сразу же на морозе запотевало.

В последние годы мама в пенсне уже не нуждалась — так называемая компенсация зрения, — но она к нему привыкла и не хотела расставаться даже во время воздушных тревог, когда ей, врачу вокзального медпункта, надо было надевать противогазовую маску. Вместо пенсне приходилось пользоваться лорнетом — сочетание для тех лет довольно забавное.

Итак, мы одеты. Выходим. Куда же направить свои стопы? Всё зависит от ветра. Сегодня он дует в эту сторону, поэтому мы идём в ту — к мосту.

Когда-то это был Большой Новинский переулочек — узенькая улица, идущая от Новинского бульвара к Москве-реке. Сейчас это широкий проспект Калинина. Последнее здание переулочка разрушалось на моих глазах — двухэтажный домик, в котором находилось какое-то проектное бюро. Домик погибал на глазах, под ударами тяжёлого чугунного шара, обливаясь кровью. Кровь — это красный кирпич, из которого он построен. Домик стонал, обливаясь кровью, и, мучительно сопротивляясь, умирал. Сейчас на его месте скверик, а чуть правее — подземный переход. В скверике растут деревца и почему-то нет цветов.

Теперь снесли ещё несколько домов в сторону реки. Когда мы гуляли, они были ещё целы. Говорят, должны были построить новое высотное здание для сотрудников СЭВ, но грунт оказался неподходящим.

Крепко поддерживая друг друга, чтоб не скользить, мы минуем эти домики и подходим к забору с афишами.

Здесь мы задерживаемся. Знакомимся с репертуаром театров.

— Пойдём в Художественный, я давно там не была.

— Не на что, мамочка, идти.

— Как не на что? Вот «Дни Турбиных», ты разве их не любишь?

— Люблю, потому и не хожу.

— Ты консерватор и старик! Ты не любишь молодёжь.

— Нет, я люблю молодёжь, но Яншин уже не молод.

Мать вздыхает.

— Странное дело, ты всегда любил театр, а теперь калачом не заманишь.

— Я — дитя века, к тому же ленив, и предпочитаю диван и, в крайнем случае, телевизор.

— Терпеть не могу твой телевизор. Не вздумай только его покупать. Хочу ходить в театр.

Я оттягиваю маму от афиши — рядом афиша «Современника», а там много знакомых.

Мы идём дальше. Направо строится небоскрёб СЭВ.

— Не понимаю, зачем столько этажей, — говорит мать. — Ты можешь сосчитать сколько?

Пытаюсь сосчитать, но сбиваюсь.

— По-моему, двадцать пять, — говорю.

— Если нам там дадут квартиру, возьмём двадцать пятый, хорошо?

— Квартиры нам там не дадут, — успокаиваю я, — и вообще я предпочитаю особняки.

Мать со мной соглашается, и мы останавливаемся на особняке, в котором жил когда-то Шаляпин, за американским посольством. Этот особняк нам обоим нравится.

— Я помню этот особняк, когда ещё была маленькой. Перед ним был палисадничек. Жили мы тогда на Садово-Кудринской, у Капканщиковых.

Тот особняк я тоже знаю — налево от него когда-то жил Чехов, направо — Берия.

Полюбовавшись домом СЭВ и так и не сосчитав, сколько в нём этажей, мы возвращаемся назад. По ту сторону Садовой — Новый Арбат. Он нам противопоказан. На том месте, где сейчас ресторан, был дом, где жила наша приятельница. Его теперь нет, и мы не желаем туда ходить. Вообще, нам обидно за весь тот район. Мы с мамой любили старую Москву и оплакиваем Собачью площадку. Там был когда-то любимый нами «дом сороковых годов», а сейчас на его месте какое-то министерство, задавившее собой всё окрест, и поленовский «Московский дворик» в том числе. Наличие рядом пивного бара «Жигули» не спасает положения.

Итак, мы не переходим Садовую и идём либо налево, к площади Восстания, либо направо — к Смоленскому рынку.

Смоленский рынок... От рынка, каким я его помню, с рундуками и «бывшими» дамами, торгующими бюстгальтерами на меху, сохранилось только название и два дома — Арбат, 54, с гастрономом внизу, известным на всю Москву, так как он, подобно Елисееву, торгует до

11 вечера, и другой, напротив него, с обувным магазином на углу.

Композиционный центр «рынка» и всего этого района — дом Министерства иностранных дел. Он строился на моих глазах (я жил тогда на Сивцевом Вражке) в конце сороковых годов. Пока он ещё был металлическим каркасом, в нём было что-то привлекательное. Потом он оброс камнем, обогатился (распространённый в те годы архитектурный термин) башенками и обелисками, и мои симпатии к нему поуменьшились. Теперь я к нему привык.

Вряд ли кто сейчас помнит, что на архитектурном проекте здания не было остроконечного, в виде шпиля, завершения. Таким, без шпиля, изображён он был и на серии почтовых марок, посвящённых московским высотным зданиям. Потом, проезжая как-то мимо, Сталин сказал, что здание выглядит обрубленным, и срочно был достроен шпиль, а к нему соответствующее архитектурное дополнение в виде подставки. Что внутри этой подставки — неведомо. В своё время москвичи, пытавшиеся логически обосновать надстройку, утверждали, что туда вмонтирована, мол, радарная установка. И всё становилось на своё место, само высотное здание в том числе.

Много говорили в те дни об уместности этих зданий. Сторонники их утверждали, что городу нужны вертикали, архитектурные акценты, что ими были когда-то московские «сорок сороков», сейчас же нужно что-то другое. Противники их, соглашаясь с акцентом, считали, что акценты эти могли быть и пониже. Так или иначе, здания были построены и, что там ни говори, создали нынешний силуэт Москвы. А я добавлю — стали

памятниками архитектуры первой половины XX века и имеют законное право на доски «Охраняется государством».

Сегодня высотные здания приобрели другой облик. Здание СЭВ, в котором я никак не мог сосчитать этажи, не похоже на соседствующий с ним высотный дом на площади Восстания (кстати, и тот и другой построены архитектором Посохинным — любопытная трансформация), и на нём в своё время появится доска с надписью «Памятник архитектуры второй половины XX века». А вот для одного из памятников первой половины XX века, двадцатых ещё годов, «своё время» давно настало, а доски на нём нет. И, глядя на него, не скажешь, что он охраняется государством. Речь идёт о так называемом «доме Наркомфина», или «доме на Новинском», выдающегося советского архитектора М. Я. Гинзбурга. Скажем прямо, это облупившееся, всеми забытое (и домоуправлением, и Моссоветом, кстати) здание — один из наиболее ярких примеров архитектуры тех лет, искавшей свои, новые, присущие тому времени формы.

Дом этот не только запущен, его просто трудно обнаружить. За сорок с лишним лет, прошедших со дня его постройки (а он расположен в глубине участка), деревья перед ним так разрослись, что дома просто не видно. Так, белеет что-то за стволами, а что — Бог его знает. Многие жители этого района даже и не подозревают, что рядом с ними «памятник», в котором впервые были применены архитектурные принципы Корбюзье — плоская крыша, ленточные окна, отсутствие первого этажа, заменённого столбами.

Таких домов, подобных дому Гинзбурга (точнее, М. Гинзбурга и Э. Мелиниса), в Москве ещё много^[23].

Имена в скобках (см. сноску) — это имена тех, кто стоял у истоков советской архитектуры. И нету там имени только одного человека, «творчество которого не только вошло в золотой фонд советской архитектуры, в её историю, но и сейчас участвует как боевое оружие в сражении против серости архитектурной мысли, являясь критерием качества архитектуры, неисчерпаемым источником для творчества. Имя его должно быть поставлено в ряду основоположников современной архитектуры...»

Приведённые выше строки взяты из статьи кандидата архитектуры П. Александрова, напечатанной в журнале «Архитектура СССР», № 1 за 1968 год, под названием «Архитектор-новатор».

С фотографии на нас смотрит немолодой, лысоватый человек с сигаретой в мундштуке в зубах, с прищуренным одним глазом, в тёмной расстёгнутой рубашке, тренировочных штанах, в накинутом на одно плечо пиджаке. Пристально смотрит на вас, приподняв одну бровь.

---

²³ Дом Госторга на ул. Кирова (арх. Б. Великовский, 1926); Госбанк на Неглинной (И. Жолтовский, 1926—1928; очень любопытное исключение в архитектуре тех лет); клуб Коммунальников на Лесной ул. (арх. И. Голосов, 1927); клуб завода «Каучук» и клуб на Стромынке (арх. К. Мельников, 1927); Планетарий (арх. М. Барщ и М. Синявский, 1928); комбинат «Правда» (арх. И. Голосов, 1929); новый корпус Моссовета (арх. И. Фомин, 1929, тоже исключение из общих правил); Центральный телеграф (арх. И. Рерберг... до какой-то степени тоже исключение); здание «Известий» (арх. Г. Бархин, 1932); дом Центросоюза, ныне Статуправления (арх. Ле Корбюзье, 1928—1932); дом на углу Орликова пер. (А. Щусев, 1932); Дворец культуры Пролетарского р-на, ныне завод им. Лихачёва (бр. Веснины, 1932). — *Прим.авт.*

В 1927 году человек этот блестяще окончил архитектурный факультет ВХУТЕМАСа, где учился у братьев Весниных, награждён был заграничной командировкой и оставлен в аспирантуре. Дипломный проект его на первой выставке советской архитектуры в 1927 году занял центральное место и широко был опубликован во всей зарубежной прессе.

Думаю, ни Нимейер, построивший город Бразилиа, ни авторы трилона и сферы на нью-йоркской выставке в 1939 году не будут отрицать влияния этого человека на их творчество. Конкурсный проект дома Центросоюза того же архитектора получил очень высокую оценку участвовавшего в этом конкурсе Ле Корбюзье и, возможно, в какой-то степени повлиял на окончательный вариант самого Ле Корбюзье (он отказался от ленточных окон).

В те годы я был студентом. Имя этого архитектора, как и Гинзбурга, Весниных, Мельникова, не сходило с наших уст. Проекты его были во всех журналах. Мы пытались ему подражать, как только могли, копировали его графику — громадные чёрные листы с тонкими белыми линиями и цветовыми пятнами.

Кто же этот человек, имени которого нет в списках, нет ни в одной энциклопедии и о котором девять лет спустя после его смерти говорится как об основоположнике советской архитектуры?

Имя этого человека Леонидов. Иван Петрович Леонидов. Умер он в 1959 году, так и не построив в своей жизни ни одного здания...

Новатор в самом высоком и чистом смысле этого слова, он не мог перенести 1930 года, когда во всех газетах замелькало слово «леонидовщина». Как творца

его убил конкурс на Дворец Советов, решения которого отбросили нашу архитектуру на десятки лет назад.

Лебединая его песня — конкурсный проект дома Наркомтяжпрома, самобытный, яркий, ни на что не похожий (и, конечно, технически неосуществимый в 1933 году), — остался только на бумаге.

И в истории, добавим мы.

Да, в те годы трудно было осуществить предлагаемое Леонидовым. Его дипломный проект — Музей Ленина на Воробьёвых горах, и последний — Наркомтяжпром на Красной площади, блестящие по мысли и исполнению, были тогда нам не под силу. Они пугали своей смелостью и оригинальностью и, скажем даже, утопичностью. Но это было дерзание, это было будущее. Леонидов смотрел вперёд, перешагивая десятилетия. И, глядя сейчас на новые кварталы Москвы, видишь, что всё это у Леонидова было пятьдесят лет тому назад. Всё это он предвидел.

Подводя итоги первой архитектурной выставки в Москве в 1927 году, М. Я. Гинзбург писал в журнале «Советская архитектура» о проекте двадцатипятилетнего дипломанта: «Блестяще выполненная в ряде тонких графических рисунков и в манере работа эта более всего ценна для нас как категорический прорыв той самой системы приёмов, схем и элементов, которые неизбежно становятся для нас общими и обычными, в лучшем случае являясь результатом единства методов, а в худшем — нависая угрозой стилевых трафаретов».

Не хочется приводить параллелей с судьбой познавшего после своей смерти всемирную славу Гогена или Модильяни, продававшего при жизни стоящие сейчас сотни тысяч франков портреты за 40—50 франков, но

думается, что широкое знакомство с творчеством Леонидова, его изучение — единственное, чем можно искупить вину современников перед ним и всей историей нашей архитектуры.

Имя Леонидова всегда как-то сочеталось с именем другого, тоже прогремевшего архитектора — Константина Мельникова.

Судьбы их сходны. Но не во всём. К. Мельников в 20-е годы не только проектировал, но и строил. И построенное им всегда было центром всеобщего внимания. До конкурса на Дворец Советов он успел ещё кое-что построить. Клуб «Каучук» на Плющихе, другой — Коммунальников на Стромынке, советский павильон на Парижской выставке декоративного искусства в 1925 году и даже свой собственный дом, существующий до сих пор в Кривоарбатском переулке, недалеко от Плотникова переулка. Загадочный этот дом, стоящий в глубине участка, и поныне привлекает всеобщее внимание.

Описать его не просто — не то башня, не то труба, даже не одна, а две, тесно прижавшиеся друг к другу. В передней башне большое окно, а в задней окон нет, есть ромбовидные отверстия снизу доверху. Кроме того, есть ещё терраса — на первой башне-трубе, всегда пустая. Над входом дома надпись из камня или штукатурки: «Константин Мельников, архитектор».

Построен этот дом давно — в 1927 году. Значит, в годы нэпа или сразу после него. Это весьма знаменательно. Получить в центре Москвы участок в вечное владение и построить на нём дом — не всякому дано. А вот дали. Значит, знаменитый был архитектор Константин Мельников.

Да, знаменитый. Мы его учили. В тридцатых годах учили. Он был мэтром, живым классиком. Таковым и остался. Как и братья Веснины, Леонидов, Гинзбург.

Потом их стали ругать. Объявили формалистами. В газетах появились статьи: «Какофония в архитектуре», «Про некоторые архитектурные упражнения», «Против формалистических выкрутасов в архитектуре», «Лестница, которая ведёт в никуда (Архитектура вверх тормашками)». Последняя посвящена была К. Мельникову. Напечатана в «Комсомольской правде» 18 ноября 1936 года.

В статье этой упоминается и дом в Кривоарбатском. «Этот каменный цилиндр, — читаем в статье, — может быть местом принудительного заточения, силосной башней, всем, чем хотите, только не домом, в котором добровольно могут поселиться люди. По имеющимся у нас сведениям, этот дом архитектор построил для самого себя (?!)»

Кончается статья призывом к строителям прекратить свой птичий полёт: «Спуститесь на землю, отсюда виднее ваша работа, тут дано вам место. Тут создавайте прекрасную архитектуру социалистической страны без гнилого, неискреннего, фальшивого либеральничания, которое не менее опасно, чем прожектёрство формалистических штукарей».

Ну, и так далее. С тех пор исчезло его имя со страниц журналов. Строить он перестал. Дальнейшая его судьба была неизвестна.

И вот, оказывается, архитектор этот дожил до наших дней. И в этой самой «силосной башне».

Как же с ним познакомиться — с этим архитектурным зубром, мамонтом, основоположником и родоначальником?

Мне это удалось. Не скажу, что удачно, но удалось.

Из окна квартиры моих друзей — они живут в Плотниковом переулке, над диетическим магазином, — я увидел как-то эту самую «силосную башню». Как? Неужели сохранилась? Сохранилась. А хозяин? И хозяин сохранился. Появляется даже в гастрономе с авоськой. Но хозяева квартиры знают его сына, художника, вместе когда-то учились в институте, он даже вроде как ухаживал за хозяйкой квартиры. Можно ему позвонить — телефон есть.

Позвонили. Сказали, что такой-то и такой-то мечтал бы познакомиться с заочным своим учителем юности, почёл бы за честь, ну и т.д. Ответили согласием, позвоните тогда-то и тогда-то.

Позвонили тогда-то и тогда-то. Ждут. Завтра в двенадцать часов. Здесь, как утверждают мои друзья, я допустил промашку. Не надел галстука, а пошёл в синей с белой полоской так называемой «олимпийке». Но об этом позже.

Итак, ровно в двенадцать часов я позвонил у деревянной калитки «силосной башни». Дико залаяла собака. Потом в башне открылась дверь и вышел подтянутый старик в коричневой домашней куртке с кокетливо выглядывающим из бокового кармана белоснежным платочком. Открыл, гремя замками, калитку. Уже калитка была не такая, как «у людей». С внутренней стороны у неё было нечто вроде полукруглого забора, так что войти можно было, только

когда калитка открыта настежь. С грехом пополам я втиснулся в неё.

Входя в дом, я старательно вытер ноги о лохматый коврик и, как можно любезнее улыбаясь, сказал, что я счастлив, что вступаю в дом, в какой-то степени памятник архитектуры, который я в своё время, в студенческие годы, изучал.

Хозяин на это не обратил или, как потом я понял, сделал вид, что не обратил внимания, а внимательно смотрел, как я вытираю ноги.

Потом я разделся в очень странной полукруглой прихожей (из неё в открытую дверь я увидел такую же странную полукруглую комнату) и по крутой винтовой лестнице без перил (хозяин, которому никак не меньше семидесяти, а то и больше, весьма бойко по ней передвигался) поднялся на второй этаж, в очень большую, очень высокую, тоже круглую комнату, даже не комнату, а скорее ателье, поразившую меня своей пустотой. Кушетка, покрытая одеялом (очевидно, ателье служило и спальней), большой, заваленный книгами и бумагами письменный стол и несколько прекрасных старинных кресел. На стенах портреты. Много. И очень неплохих. В течение последующего получаса я успел их рассмотреть внимательнее. Написаны легко, свободно, никому не подражая. Больше всего портретов какой-то дамы, очевидно жены, разных возрастов и в разных позах.

Прежде чем меня пригласили к столу, мне в руки дали старую газету. Как выяснилось, чтоб я ещё раз вытер ноги. Поняв, что чистая, сухая обувь — некий пунктик хозяина (на дворе действительно была грязь, а калоши теперь не в моде), я, идя навстречу хозяину и в

то же время полушутливо, сказал, что могу для простоты разуться. Предложение моё было принято, и я остался в носках.

Потом меня пригласили к столу. Хозяин тоже сел за стол и, положив хорошо выбритый подбородок на скрещённые руки, стал смотреть в пространство. Лицо его было красивое, худое, маленькие седые усики. И очень грустные, задумчивые глаза. За его спиной на стене висел его автопортрет юных лет — этакий д'Артаньян с чёрными усиками и жгучим взглядом. Сейчас жгучего взгляда не осталось — только печаль.

Пауза затянулась, и я, чтоб разбить её, стал развивать тему, начатую ещё в прихожей, — как я, в прошлом архитектор, счастлив попасть в этот дом и беседовать (тут я несколько перегнул, беседы-то пока не было) со столь знаменитым мастером, которого мы, студенты, ещё в тридцатые годы и т.д.

Мельников молча слушал, не перебивая меня, и продолжал глядеть в пространство. Потом, не поворачивая головы и не глядя на меня, спросил:

— Так вы, значит, архитектор? А мне сказали, что писатель...

Я пустился в объяснения. Так, мол, и так, был в своё время и архитектором, и актёром, а потом, в силу сложившихся обстоятельств, стал писать.

— Значит, никак себя найти не можете? Бросаетесь из стороны в сторону?

Я сказал, что сейчас, как мне кажется, я на чём-то всё-таки остановился.

— Что же вы написали?

Я сказал.

— Это что же, протокол о Сталинградской битве?

Я растерялся — почему протокол?

— А что же вы ещё могли написать, кроме протоколов, хроники?

Я ещё больше растерялся и не нашёлся, что ответить. Опять молчание.

— Это кто — вы в молодости? — спросил я наконец, указывая на портрет, чтоб прекратить тягостное молчание.

Лаконичное «да», и после паузы:

— Вы, конечно же, не знаете, что я художник. А я художник... — И вдруг, без всякого перехода: — Мне сказали, что вы писали что-то о Корбюзье.

Да, писал, мне посчастливилось встретиться с ним в Париже, и я об этом написал.

— Гоняетесь за знаменитостями, значит?

Я ответил шутливым тоном, что поэтому вот и к нему пришёл.

Он быстро взглянул на меня (впервые за весь разговор) и опять, упёршись в пространство, грустно сказал:

— Я с ним тоже встречался.

Очевидно, во время его приезда в Москву, когда строилось по его проекту здание Центросоюза?

— Нет, не в Москве, а в Париже. Вам, очевидно, неведомо, что по моему проекту в Париже был построен

советский павильон на выставке декоративного искусства в 1925 году?

Я обиделся. Почему неведомо? И тут же пальцами изобразил схему этого павильона.

На него это не очень подействовало.

— Хорошо, — сказал он, — вот вы всё говорите: Корбюзье, Корбюзье (очевидно, он очень ревновал к Корбюзье, так как я о нём упомянул только один раз), а кого же вы из русских архитекторов знаете?

Я сказал, сделав упор на него и опять-таки расточив комплименты. Тут он вдруг перешёл в атаку.

— Так, теперь вы хвалите Мельникова... А скажите прямо, зачем вы к этому самому Мельникову пришли? Какова ваша цель?

Как зачем? Просто познакомиться с родоначальником, основоположником и т.д., и т.д., повторяя всё то, что я уже говорил.

— Простите, так вы писатель? — перебил он меня.

— Да...

— Ваша фамилия Тихонов?

Так. Я слегка обомлел. Нет, не Тихонов.

— Не Тихонов, значит. Хорошо. Так что же вы писать обо мне думаете?

Я развёл руками. Нет, специальной мысли об этом у меня не было, но, если это ему улыбается, могу и написать. Молодому поколению архитекторов, конечно же, будет очень интересно узнать, над чем сейчас работает маститый архитектор, каковы его взгляды на нынешнюю архитектуру, на пути её развития.

Монолог мой был прерван.

— А вам не кажется, что прежде, чем писать, не мешало бы поинтересоваться, насколько всё это интересно самому маститому архитектору?

Тут я окончательно стал в тупик. Не нашёлся, что ответить. Что-то промямлил: «Конечно, если... я не знал... я думал... просто мне хотелось...»

— Так вот, молодой человек, — холодно и очень медленно, с расстановкой сказано было мне, — если вам что-нибудь хочется и для этого надо беспокоить другого человека, желательно предварительно осведомиться, насколько это интересно другому человеку... Вы читали рассказ или, уже не помню, может быть, это и в какой-то повести Тургенева, о молодом человеке, который приходит к некоему знаменитому профессору?

Я признался, что, к своему стыду, не помню.

Он мне напомнил и рассказал неведомую мне историю о каком-то молодом человеке, который в нетрезвом виде (все мои друзья, которым я рассказывал о моём визите, до сих пор уверены, что до звонка в заветную калитку я принял «свои сто грамм» в какой-нибудь забегаловке, чего, как ни странно, на самом деле не было) явился к какому-то светилу и стал его убеждать помочь что-то написать в его диссертации.

— Так вот, если не читали, — закончил он свой рассказ, — прочтите, обязательно прочтите.

Я понял, что мой визит несколько затянулся. Мне ясно дали понять это. Встав со стула, я извинился и сказал, что, по-видимому, не вовремя пришёл и поэтому позволю себе раскланяться.

— Пожалуйста.

Я обулся, сбежал по лестнице и, ещё раз извинившись за неуместное вторжение, ушёл.

— Вы сможете сами открыть калитку?

— Сумею...

На этом наше знакомство закончилось.

Я нисколько не обижен на Мельникова. Я понимаю его. Сорок лет отделяет его от дней, когда имя его гремело повсюду. Сорок лет...

Мне жаль только, что он не понял меня. Я шёл к нему с открытым сердцем, без всякой задней мысли, так же как и сейчас, невольно задумываясь, как много надо иметь внутренней силы, чтоб не сломиться под ударами незаслуженной критики и гордо перенести нелёгкие годы забвения.

Я ушёл от него с чувством горечи.

Выйдя из переуллка, я свернул налево по Плотникову. На углу Сивцева Вражка я постоял недолго. Здесь когда-то я жил, в этом маленьком домике на втором этаже. Вот моё окно.

Теперь мне кажется, что это было очень давно. В крохотной комнате, вся обстановка которой состояла из железной койки, колченогого стола и занимавшего полкомнаты рояля, я заканчивал своё первое литературное произведение, здесь же начал второе. По вечерам, при свете стосвечовой лампы, покрытой бумажным колпаком, отчего в комнате всегда пахло жжёным, я читал вслух написанное. Верной слушательницей моей была Р., визиты которой почему-то повергали в смущение моих старушек-хозяек. Задыхаясь

от волнения, они сдавленным шёпотом спрашивали сквозь замочную скважину: «Кто?» — и потом долго лязгали замком и цепочкой. Не сомневаюсь, что они были уверены, будто Р. приезжает сюда инкогнито, меняя по дороге фиакры с завешенными окнами, и только на лестнице снимает полумаску. Веселясь по этому поводу, мы с Р. прозвали мою резиденцию Пэ, от Рю-де-ля-Пэ — самой фешенебельной и галантной из парижских улиц... Сейчас мне кажется, что это действительно так, и Р. на самом деле, кутаясь в чёрную шаль и шурша шёлковыми юбками, пыталась незаметно проскользнуть мимо консьержки в подъезде. И было это очень давно, лет сто назад. Тогда же, когда Пушкин захаживал в небольшой особняк с колоннами на углу Гагаринского и Хрущёвского переулков. Там собирались декабристы, и в стене одной из комнат был потайной ход, и на кафельных печах с медными вьюшками в овальных медальонах маркизы целовались с пастушками.

У этого дома я тоже постоял. Но никто не вышел. Я спросил у кучера, сидевшего на облучке, кого он дожидается.

— А тебе не всё равно? — сказал он мрачно. — Мой барин здесь подолгу сидит, не дождёшься.

— А кто твой барин?

— Камер-юнкер. А ты?

— Гвардии капитан, теперь запаса.

Мы закурили по «Беломору». Глядя на выросшую за особняком девятиэтажную башню, мы заговорили о том, как быстро всё на глазах меняется. Давно ли ещё звонили колокола у Николы-на-Песках, и хлеб в булочной

на углу Смоленского продавался настоящий ржаной, а водка стоила...

— Да, — вздохнул кучер, — не звонят больше колокола у Николы, жителям, мол, мешает, и булочной тоже нет, а на месте этой башни, где сейчас кафе «Адриатика» — неплохое кафе, только дерут три шкуры, — был особняк купца Снегина. И ещё пять таких особняков у него было, и три доходных дома, и трактиров по всей Москве штук пятнадцать, если не больше.

Мы повздыхали, повздыхали, и я побрёл дальше. Мне почему-то подумалось, что человек, от которого я только что ушёл, так же вот бродит по этим когда-то тихим арбатским переулкам и смотрит, как на месте уютных особняков с мезонинчиками вырастают похожие как две капли воды одна на другую, лишённые балконов и собственного лица, эти белые девятиэтажные башни, как рассыпается под скрежет бульдозеров старая Москва...

— Не грустно на это смотреть? — спросил я.

— Мало сказать грустно...

Мы испытующе посмотрели друг другу в глаза, я и он, оба с поседевшими д'артаньяновскими усиками, и, не сговариваясь, направились к «Адриатике», той самой, где был когда-то особняк купца Снегина.

— Да, — сказал мой спутник, когда мы устроились за столиком у окна. — Появление этих башен вполне закономерно. Без них сейчас не обойтись, что поделаешь. Но какое они имели право вторгаться сюда, в самое сердце Москвы? Кто им это разрешил? В конце концов, это просто бесцеремонно. А бесцеремонность в

архитектуре так же непростительна, как и безвкусица. Да, да, по вашему взгляду я вижу, что вы со мной согласны и с жаром заговорите сейчас о новой гостинице «Националь» на улице Горького. А я вам скажу, что вы опоздали на добрых два столетия, и всё это началось, когда ещё Матвей Казаков позволил себе построить в Кремле Сенат, а полстолетия спустя архитектором Тоном был сооружён Большой Кремлевский дворец. Разве они имеют право стоять рядом с Успенским собором, Потешным дворцом? И вот, глядя на Казаковых и Тонов, московская башня решила, что ей всё разрешено, и двинула из своих Мневников и Филей в святая святых Москвы. Как тут не загрустить, как не заплакать? Мне говорят — новая Москва! И я за новую, но я за Москву. Лужники построили на месте сараев и бараков, университет — хорош он или плох — на месте одноэтажных хибар, а эти башни заполнили сейчас всю Москву, посягнули на её сердце, на то, что каждому москвичу дорого, — на московскую улицу. У неё своё лицо, у этой улицы, своя душа. И улица эта не Горького — упаси Бог! — а Пречистенка, Ордынка, Поварская, старый Арбат, который уже тоже начинают ломать. Этим улицам не миновать общей судьбы, но они ещё чудом сохранили свой дух, своё неповторимое московское обаяние уютных двориков, замысловатых проходных дворов, детских площадок, глухих брандмауэров, вросших в землю флигельков с геранью на окнах. Пусть она, эта улица, не так строга, как ленинградская, не так живописна, как киевская, но она своя, московская, её ни с чем не спутаешь. Надо её любить, беречь.

Нашёл что беречь, скажут мне и вспомнят Париж, барона Османа, которого тоже ругали, когда он пробивал

свои широкие бульвары через самое сердце ещё Виктором Гюго воспетого Парижа.

Знаю, знаю, знаю... Парижские бульвары прекрасны, но строились-то они по указке трусливого Луи Бонапарта, боявшегося «черни» и её баррикад на узких улицах. А чего нам бояться? Страховому обществу «Россия» до революции мог нравиться этот участок, и оно, ни с кем и ни с чем не считаясь, покупало его и строило свои громады. Но сейчас... Ведь всё по плану делается — городской архитектор, архитектурное управление, горисполком, деревья без чьего-то там разрешения срубить нельзя... А башни всё лезут и лезут...

Я робко вставил:

— И это говорите вы, который...

— Да, я, который... Вы не учитываете одной вещи — вернее, двух. Во-первых, что всё, о чём вы хотели сказать, происходило в двадцатые годы, когда у Мейерхольда артисты ходили в зелёных париках и всё, что не было выкрашено в красный цвет, кроме этих париков, считалось контрреволюционным. И второе — неизвестный вам клуб «Каучук» был не саранчой, лишённой какой-либо индивидуальности, а первой робкой ласточкой, призывом, запевом, если хотите — «Марсельезой»... А башня, в которой мы с вами сидим, может быть, и полезна в борьбе с жилищным кризисом, но как произведению искусства — ей ноль цена. Типовой проект расселил людей, но убил искусство. Стёр лицо. У Сызрани и Москвы оно теперь одно, не отличишь.

— Что же делать?

— Думать! Прежде всего — думать. Думать и искать. А не только печатать синьки. И не класть ноги на стол, на

котором хрусталь и фарфор, как это позволил себе сделать всё тот же Казаков, с лёгкой руки которого всё началось. Пусть даже сам царь или царица тебе приказывают: «Строй!», разведи руками и скажи: «Не имею права, тут до меня ещё строили, и поискуснее... Разрешите где-нибудь в сторонке, подальше...» — Мой собеседник вдруг рассмеялся. — Но самое смешное, а может, и горькое — это то, что никто до сих пор не задумался: а кто же, в конце концов, автор этой башни? А ведь он есть! И, вероятно, даже не он, а они, целые бюро. Но кто они — никто не знает. Так же как никто не знает, кто же построил Реймский собор или Нотр-Дам. Смешно, не правда ли? Впрочем, стоит ли обо всём этом говорить, когда существует столько неразрешённых проблем и, как пишут в газетах, мы скоро задохнёмся от выхлопных газов и будем жить друг у друга на головах. А в общем-то вы должны меня понять — всё это только брюзжание человека преклонного возраста, которому, в силу именно этого и не вполне удачно сложившейся биографии, ничего другого и не остаётся. Простите меня великодушно.

На этом монолог моего собеседника, в уста которого я просто-напросто вложил свои собственные мысли, чтобы было интереснее, и закончился.

Я встал, расплатился и вышел на улицу. Собеседник мой, как и положено в таких случаях, медленно растаял в воздухе.

Есть один вид искусства, который все считают себя вправе критиковать. Все, без исключения. От академика до домашней хозяйки в очереди. Это архитектура. Когда критикуют какую-нибудь книгу или картину, всегда говорят: «Я, конечно, не писатель, не художник, но...»

Когда же ругают новый дом, этой оговорки не делают... «Понастроили коробок и думают...» — говорили в 20—30-е годы. Попозже, в период излишеств, — «Понатыкали колонн и считают...» Теперь мы говорим: «Куда ни глянь, везде башни...»

Ох уж эти башни... Вот и я включился в критику их, хотя и имею кое-какое оправдание — был когда-то архитектором. Но, может быть, именно поэтому — не встать ли мне на защиту архитекторов и градостроителей?

Немного подумаем.

Что делать, например, такому городу, как Москва, в которой семь миллионов жителей, не считая сотен тысяч командировочных и вообще приезжих, да к тому же не сидящих на одном месте? Как их всех расселить, как помочь им в городской толкотне и суетне? И как всего этого достичь, не меняя лица города?

Хорошо Ленинграду — он молод, каких-нибудь 250 лет; его проектировали, улицы широкие, прямые. А Москва? Ей стукнуло уже 825, и никто её не проектировал, а росла она кольцами — Кремль, потом Китай-город, Земляной Вал — и сейчас проглатывает одну деревню за другой.

Мы очень любим говорить — ох, если бы... Если бы мы сейчас реконструировали улицу Горького, если бы сегодня восстанавливали Крещатик. Не знаю, были бы они лучше — можно судить по новому «Националю», — но они, эти улицы, есть, и с места они никогда не сойдут, со всеми своими цоколями из лабрадора величиной с целый этаж, с арками, эркерами, лоджиями, скульптурами, башенками. Думаю, что улица Горького в какой-то, может быть и отдалённой, степени, но могла

бы понравиться Гоголю. В своей сноске к статье об архитектуре он мечтал об улице... «которая бы вмещала в себе архитектурную летопись... Кто ленив перевёртывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтоб узнать всё».

Встаньте около Исторического музея и посмотрите на улицу Горького. Маленькая, коротенькая, но всё-таки история архитектуры. На углу Охотного ряда старый «Националь» — не лучший образец модерна начала века; налево от него так называемый «дом на Моховой» И. Жолтовского (1934) — первенец реакции на «коробочную» архитектуру двадцатых годов; сразу за старым стеклянный параллелепипед нового «Националя» — московский вариант нью-йоркского Манхэттена; за ним опять старая Тверская, дом с серебряным куполом, где Театр Ермоловой; затем Центральный телеграф И. Рерберга (1925—1927) — некое исключение в архитектуре тех лет, «новое», но ещё не порвавшее со «старым»; за Газетным переулком две пышные сросшиеся громады периода 1937—1940-го, когда купеческую Тверскую превращали в социалистическую улицу торжеств и встреч; и наконец, надстроенный в 1945 году Л.Чечулиным Моссовет, пример одного из странных увлечений тех лет, когда считалось, что архитектор развивает и дополняет замысел зодчего XVIII века. Это левая сторона. Правая — вальяжные дома А. Мордвинова, «отца» всей реконструкции.

Такова главная улица Москвы, её Невский, Елисейские поля, Унтер ден Линден... Красиво? Боюсь, что это определение вряд ли можно сюда применить. Скорее сумбурно. Но и старая Тверская красотой не блистала, к тому же была просто узка, особенно в том месте, где начинался подъём. Дальше, за Советской

площадью, всё более или менее спокойно. Нужно ли жалеть снесённые дома старой Тверской? Не думаю. Наиболее интересные из них были передвинуты в глубь участков, а если говорить об общем облике улиц прошлых лет, то он полностью сохранился на другой «главной» улице, на Кузнецком мосту.

Сейчас в Москве родилась ещё одна «главная» улица — проспект Калинина. Не скажу, чтоб появление его было встречено восторженными криками — один мой знакомый с горечью сказал, что Новый Арбат не стоит заупокойной по Собачьей площадке, — но так или иначе, а рациональное и, скажем прямо, довольно крупное зерно в его пробивке сквозь запутанную сетку милых нашему сердцу арбатских переулков есть. Разгрузка центра Москвы широкими радиальными магистралями остро необходима. Да и вид у проспекта шикарный, «современный», под стать джинсам и мини запрудившей его молодёжи. Даже собственная для контраста и переключки эпох церквушка у него есть. Одним словом, проспект громко, во всеуслышание объявил о своём существовании и стал неотъемлемой частью Москвы. Что касается меня, особой симпатии я к нему не питаю, как ко всему бесцеремонному, но, что поделаешь, уже привык и принимаю как данность. А по вечерам даже люблюсь им, сидя на балконе моих друзей, — как одно за другим зажигаются окна его башен, а небо ещё не погасло, и медленно разгораются светильники газосветных фонарей, и несутся машины с красными огоньками — туда, с сияющими фарами — сюда, подмигивая правым глазом на поворотах. Красиво.

Ясно одно — город, насчитывающий на своём веку не одно столетие, не может сохранить своё лицо нетронутым. Москва испытала это на себе, как ни один

другой город. Все восемь столетий её существования лицо её «трогали» все, кому только не лень. И князья, и Пётр, пытавшийся, правда, без особого успеха, внести в её сумятицу некую регулярность, и все последующие цари и царицы, и купцы, и фабриканты, и градоначальники. Вносили свою лепту и пожары. Один из них, 1812 года, как известно, способствовал именно украшению. Меньше чем за десять лет Москва отстроилась заново. И тут отдадим должное выдающемуся архитектору О. Бове, под руководством которого созданная специально Комиссия строений провела гигантскую работу по восстановлению города. На смену большим дворянским усадьбам дворцового типа пришли маленькие, уютные особнячки средних и мелких дворян и купцов, сделанные по так называемым «апробированным», а на нашем языке — типовым, проектам. И нужно сказать, типовые эти проекты, сделанные с большим вкусом и разнообразием, придали всем этим особнячкам, выходящим, как правило, на красную линию (допожарные усадьбы строились, в основном, в глубине участка, с большим парадным двором впереди), удивительную человечность и теплоту, которые так отличают московскую архитектуру начала прошлого века. Посмотрите на особняк А. Поливанова по ул. Веснина, № 9, и вы сразу поймёте, о чём идёт речь. Это один из самых типичных московских домов того времени — одноэтажный, с шестиколонным дорическим портиком, с мезонином, удивительных пропорций, он поражает своим каким-то свойственным только этому роду домов обаянием. Под стать ему особняк на углу Кропоткинского переуллка — он в глубине участка за каменной стеной и решеткой, и на спускающихся в сад ступеньках его невольно ищешь глазами старушек в

чепцах, варящих варенье. Да, «незлым тихим словом» вспомнишь Бове...

Вторая половина XIX века крепко поработала над лицом Москвы. Город разросся и вверх, и вширь. Как грибы после дождя (прошу простить, но лучше не скажешь), стали расти доходные дома, конторы и банки. Думаю, что для старого москвича тех лет все они — многоэтажные, холодные, с глухими брандмауэрами — были немилы, как ныне нам злосчастные белые башни. Для него какая-нибудь Остоженка или Покровка, на которые мы смотрим сейчас с таким умилением, наверное, казались варварским глумлением над стариной.

Пришла Революция... Лицо Москвы покрылось плакатами. Громадными, кричащими, рычащими, зовущими, требующими, гвоздящими. Интересно, какой был первый построенный после семнадцатого года дом? Моссельпром у Арбатской площади? Или не существующий уже сейчас Экспортхлеб в Охотном ряду? В основном же строительство было на бумаге. Дворцы Культуры, дворцы Труда, клубы. Очень любили тогда слово «дворец». И всё это куда-то устремлялось, динамичное, фабрично-заводское, похожее на подъёмные краны. Башня Татлина, первые проекты Весниных. Двадцатые годы... Затем тридцатые.

Я нашёл среди книг моего друга уникальный, на мой взгляд, альбом «От Москвы купеческой к Москве социалистической». ОГИЗ—ИЗОГИЗ. 1932 год. Фотографии — прежде, теперь...

Прежде — вербное катанье купечества и буржуазии (Красная площадь). Дрожки, барыни, толстый полицейский в светлой шинели, за «рядами», ГУМом, —

купола, Иверские ворота... Теперь — парад физкультурников «Готов к труду и обороне».

Реконструкция Арбатской площади. Вся реконструкция в том, что снесли церковь в центре площади и рядом с «Художественным» кинотеатром построили деревянный крытый рынок — я его помню. На улице людишки — туда-сюда, трамваи с двумя прицепами, «А» и № 4, автобусы «Лейланд», три легковые машины, подвода с мешками. До сегодняшнего дня сохранился только кинотеатр да дома на Воздвиженке (ныне проспект Калинина).

Реконструкция Никитской площади. Снесли дом, на его месте поставили Тимирязева.

Реконструкция Красных ворот. Снесли ворота, на их месте — трамвайные рельсы.

Пушкинская площадь. Разница между «прежде» и «теперь» только в количестве людей (2,5 миллиона в 1932 году) да в транспорте — тогда конка — теперь трамвай. Ну, ещё вывески и газовые фонари.

Я хорошо помню эту площадь. Страстной монастырь, павильон трамвайной остановки посреди площади Пушкина на старом месте. Теперь от всего этого осталось только здание «Известий» да дом на углу бульвара, где был когда-то пивной бар, а теперь молочное кафе. Нет уже кино «Ша-Нуар» (впоследствии «Центральный»), нет «дома Фамусова» (а как хорошо он мог вмонтироваться в строящееся сейчас новое здание «Известий», как по-настоящему это было бы современно), нет Страстного монастыря.

Я отнюдь не против сноса. Думаю, что Москва ничуть не пострадала бы, если б половину её домов

снесли. Что может быть, например, унылее Таганской площади с её нынешними домами? Вовсе не каждый дом с фронтоном надо сохранять. Да и большинство из них в таком состоянии, что никаким капитальным ремонтом дела не поправишь. Речь идёт только о том, что красиво и, в отдельных случаях, что «дорого как память».

В Варшаве полностью восстановили по чертежам, по обмерам, Рыночную площадь. Фасады, внешний весь облик сохранили такими, какими они были, всю же внутреннюю начинку модернизировали со всеми требованиями комфорта. Но это архитектурный центр Варшавы, и каждое здание в нём — памятник искусства. Ставить на капитальный ремонт все приарбатские домики и особнячки бессмысленно. Надо выбирать наиболее красивые, наиболее типичные для своего времени, а где-то, может быть, целый квартал или улочку (вроде Златой улочки в Праге), и, расселив жильцов по новым, хорошим домам, отдать эти реставрированные особняки библиотекам, детским садам, музеям, картинным галереям.

Что может быть лучше маленьких музеев? Недалеко от Полянки, в тихом, зелёном Щетининском переулке, в небольшом одноэтажном домике находится теперь музей Тропинина. Фонд его, разместившийся в четырёх небольших залах, — дар коллекционера и знатока живописи Вишневого. Как приятно бродить по этим тихим, малолюдным комнатам с поскрипывающими полами и тихо позванивающими старинными люстрами. А на стенах — Вишняков, Антропов, Тропинин, таинственно-загадочный Рокотов. Под стеклом — акварели, медальоны, изящные дамы в кружевах. Как спокойно, не торопясь, можно всем этим любоваться,

переходя из зала в зал, возвращаясь назад, не боясь экскурсий.

А в Антипьевском переулке, рядом с музеем им. Пушкина и церковью св. Антипия XVI века, в особняке Верстовского сейчас кабинет гравюры. Это также один из послепожарных «апробированных» особняков. В нём периодически устраиваются выставки. И в нём тоже тишина, покой, бронзовые канделябры у деревянной лестницы, расходящейся двумя маршами на второй этаж, мраморные, какие-то очень комнатные колонны, на фасаде изящные медальоны, мезонин с полукруглым окном. Всё очень тщательно, любовно отреставрировано, видно, что делали это люди знающие, неравнодушные.

Но что меня поразило — это таинственный, пустой дом, даже целая небольшая усадьба между домом Верстовского и церковью Антипия. Церковь старательно реставрируется, купола покрыты даже медью, а в пустом, большом, с разными пристройками доме живут, очевидно, только привидения, выходящие по ночам в тенистый, запущенный сад, со всех сторон огороженный стенами. Когда-то это был дом фабриканта Пастухова, затем поселили здесь детский сад (сохранились ещё низенькие детские скамеечки в саду, покосившаяся «гимнастика», как говорили в старину), сейчас — ничего. В центре Москвы — и ничего... Кстати, дом на углу Кропоткинской также стоит с заколоченными окнами.

Я говорю обо всём этом, невольно тревожась за вторжение башен в арбатские переулки. Тревожусь за маленький домик на углу Гагаринского и Хрущёвского переулков, о котором я уже упоминал и к которому башни уже подступили вплотную. Почему бы не открыть в нём музей декабристов?

Но вернёмся к началу тридцатых годов, к годам, когда асфальтировали площадь Свердлова и много об этом писали, когда не было ещё метро, но говорили о нём все и ждали с великим нетерпением. Я учился тогда в Строительном институте и хорошо помню, как пытались тогда архитекторы изменить лицо Москвы. И Ленинграда тоже. Нет, не изменить, а, как говорили тогда, наоборот, подчеркнуть, в других же случаях — исправить. В Москве, например, весь Арбат, все его дома без исключения, выкрасили в лиловый цвет. Причём не просто в лиловый, а в лиловый, сгущающийся по тону от Смоленской площади к Арбатской. Это называлось не помню уже точно как, но приблизительно так: подчеркнуть интенсификацией цвета всеобщее стремление от периферии к центру. Помню хорошо Арбат, я там жил, но кажется мне, что другие радиальные улицы тоже усиленно «интенсифицировались».

В Ленинграде поступили иначе. Решено было, что Невский проспект, или, как он тогда назывался, Проспект 25 Октября, слишком однообразен и уныл. Надо его оживить. И оживили. В каждом доме каждый этаж был выкрашен в другой цвет. Чёрный, жёлтый, красный, голубой, оранжевый. Не помню уже, что было сделано с гранитными фасадами, но хорошо помню безудержную пестроту фасадов, приводившую неподготовленного человека просто в содрогание.

Всё это кажется сейчас смешным и наивным, но это было. Так в тридцатые годы молодые и немолодые энтузиасты боролись с «прогнившим» прошлым. Кровь кипела, руки чесались, но денег было мало, опыта ещё

меньше, и вся энергия уходила на снос, утопические проекты и раскраску фасадов.

Снос... Оказывается, это не всегда плохо. По Москве надо бродить. У нормального современного человека на это не хватает времени. Но только так можно увидеть, что же происходит сейчас с Москвой. Из окна троллейбуса можно увидеть, как хорошо сейчас стало дому Пашкова — Румянцевскому музею, когда снесли заслонявшие его дома, или церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, в которой венчался Пушкин, — она точно заново родилась, — но то, что происходит в переулочках, не все замечают. А они-то зажили сейчас новой жизнью. Снесли обветшалое, разваливающееся, и вдруг появились московские дворики. Как будто сняли, выражаясь мхатовским языком, четвёртую стену. Выглянули наружу флигельки, увитые виноградом верандочки, уютные столики в тени деревьев, о существовании которых знали только жильцы этого дворика, а теперь и мы. Стали просторнее перекрёстки, появились зелёные садики, открылись какие-то скрытые до сих пор от человеческого глаза перспективы. Такое я обнаружил, например, на улице Толстого, в замоскворецких переулочках. Ощущение, будто все эти кривые улочки и тупички расстегнули ворот и вздохнули полной грудью. А Москве это ох как надо.

Многим это может показаться мелким, лишённым размаха. В наш космический век думать надо другими, мол, категориями, другими масштабами, а он, видите ли, каким-то дворикам радуется. Радуюсь и не стесняюсь этого. Радуюсь, потому что люблю Москву. А Москва для меня это и Красная площадь со сменой караула у Мавзолея, и метро «Дворец Советов», ныне «Кропоткинская», с каким-то, всегда казавшимся мне

загадочным, сиянием колонн, и поленовский дворик с Николой-на-Песках, и яркая зимняя кустодиевская Москва, и Аполлинария Васнецова, средневековая, деревянная, с теремами, сказочная, которой нет, а как хорошо бы было, если б хоть крохотный кусочек её сохранился... И грибоедовская, пушкинская, Наташи Ростовской. Слишком многое связано у русского человека с Москвой, чтоб не радовался он всему, что связано с её прошлым, с её историей. А в ней было многое. И кровь Лобного места, и пепел восьмьсот двенадцатого, и залпы революций, и огни салютов сорок пятого.

Давайте же любить в Москве всё, что в звуке её имени сливается и отзывается и будет отзываться в нашем сердце всю жизнь, всегда.

* * *

Ну, а Киев? Твой родной Киев? Небось скучаешь?

Нет, не скучаю.

Скучаю по Ирке, той самой Ирке, которая, когда была маленькая, говорила: «Не мешайте дяде Вике, он сел за своего Хемингуэя». Сейчас она уже большая, её Серёжке уже десять лет... Скучаю по её маме, Жене, которая давно уже Евгения Александровна и куда более седая, чем я, а дружили мы с ней, когда обоим нам было по восемнадцать лет... Скучаю по безалаберному алкашу Сашке, умному и талантливому, но в свои тридцать лет не сумевшему ещё наладить свою жизнь — хочется делать одно, а приходится делать другое... Скучаю по Рафуле, с которым мы сделали несколько не очень плохих фильмов, последний из которых так и не вышел на экраны из-за моего плохого поведения. По Гавриле,

которому это же моё поведение вылилось боком (пытался меня ещё оправдывать) — исключили из партии, из двух Союзов — писателей и кинематографистов — и с работы уволили... Скучаю по Рюрику, ехидному и ироничному, снобу, великому мастеру перемыывания чужих костей (всегда, уходя от него, думаешь: а как он тебя сейчас пригвоздит к стенке?)... Скучаю по Яньке, тому самому журналисту, который расхваливал тридцать лет тому назад пьесу Корнейчука, и по толстухе жене его, и дочке, и по внуку, и старушке-маме, всегда считавшей, что у меня слишком громкий голос... Ну, ещё по двум-трём, с которыми не прочь был бы посидеть и подвести кое-какие итоги... И всё! На два миллиона жителей. Не густо...

Но есть люди, друзья, о которых мало сказать скучаю. Им просто плохо. И кое-кому опять-таки из-за дружбы со мной. («И ты, Некрасов, знай — будем твоих друзей сажать!») Славику Глузману впаяли семь лет (чтение, мол, и распространение Самиздата!). За спиной у него уже два года, и такой, казалось, тихий, доброжелательный, мухи не обидит, он в лагере сейчас первый борец против бесправия и тупой жестокости. А Лёня Плющ в психушке — слишком уж разносторонние были у него интересы и книги не те читал. Плевать, что по убеждениям марксист, не нужны нам такие марксисты. Вот и колют его всякими якобы лекарствами, называется, лечат, а жена с двумя детьми без работы, бьётся как рыба об лёд, а ей с улыбочкой: «Вот вылечим мужа, тогда можете куда угодно ехать...» И Саша Фельдман тоже пусть посидит, нечего крутиться возле синагоги, смуту сеять и венки свои с непонятными там надписями на Бабий Яр волочить. Посидишь, потаскаешь камни, поймёшь наконец, как у нас хулиганить. Саша получил

три года за то, что оскорбил, вырвал из рук торт, девушку и избил (!) двух здоровенных парней, которые, как потом оказалось, были просто-напросто двумя переодетыми милиционерами... А Марику Райгородецкому два года за то, что Замятина в портфеле носил, значит, читал и распространял...

Вот по ком я скучаю, вот кого мне недостаёт. А каштаны и липы и без меня будут цвести и распускаться, и пляж, который я обычно открывал в мае месяце, а то и в апреле, тоже обойдётся как-нибудь без меня, и Днепр будет катить свои воды в Чёрное море, Крещатик будет бурлить и выстраиваться в очереди за апельсинами или помидорами, а «друзья», переходившие в последнее время при виде меня на другой тротуар, с облегчением вздохнут — «убрался, слава Богу, подобра-поздорову, тоже, видите ли, борец за справедливость...»

Нет, не скучаю я по Киеву...

Я разлюбил его. Разлюбил потому, что он разлюбил меня.

Возможно, он неплохо ещё относился ко мне, загорелому мальчишке, гонявшему на стройных, как пирога, полутриггерах по Днепру, делавшему заплывы от Стратегического моста до Цепного, изображавшему испанцев, подкрашивая жжёной пробкой усики в «Благочестивой Марте» Тирсо де Молина, или корпевшему над дипломным проектом (впрочем, это было уже, кажется, началом заката). Казалось, ничем я и не провинился — воевал, был ранен, — но с тех пор, как стал об этом писать, стараясь по мере сил не очень врать, почувствовал я на себе косые взгляды. Возможно, дружи я с Корнейчуком, выступай на собраниях против космополитов и националистов, затапывай в грязь

Максима Рыльского и Владимира Сосюру, а потом включись в запоздалый хор славословий сначала одному, потом другому — избери я такой путь, быть может, всё пошло бы иначе. Но что-то не захотелось. И всё пошло так, как пошло... Собрания, проработки, выкрики из зала «Позор!» и обвинительные речи, и грозные с председательского места: «А нам не интересно, о чём вы думали, скажите прямо, не виляя, как вы относитесь к критике товарища Хрущёва, Никиты Сергеевича!», и выступающие один за другим писатели: «Допустил... Скатился... Докатился... Пытается... Выкручивается...»

Нет, не скучаю я по Киеву...

Ни по каштанам его и липам, ни по днепровским откосам, ни по красным колоннам университета. Всё это заслонило другое... И только, может быть, одно место тянет меня к себе — три могилки за железной оградой на Байковом кладбище. Там покоятся три самых близких для меня человека, проживших такую хорошую, ясную и такую нелёгкую жизнь. Бабушка умерла ещё при немцах — самый добрый человек в мире, тётя Соня — человек жёстких правил — прожила ещё двадцать с лишним лет, последней умерла мама, дожив до 91 года, — умерла тихо, легко вздохнув у меня на руках. Её я любил и люблю больше всех на свете, её мне больше всего не хватает — её ясности, весёлости, доброжелательности ко всем. Даже к Хрущёву. «Знаешь, я очень волнуюсь за него, как бы с ним чего не вышло — со всеми, кто тебя обидит, всегда что-нибудь происходит. Маршал Жуков запретил твой фильм „Солдаты“, вот его и уволили. Ох, боюсь я за Никиту...» (Он незадолго до этого обрушился на меня за мои очерки об Америке и Италии.) Потом, когда Хрущёв действительно пострадал (за меня, конечно!), всё вздыхала: «Может, ему как пенсионеру

разрешат всё-таки два месяца в году работать. Ведь он такой деятельный и так поговорить любит...» Вот какой человек была моя мама, очень скучно без неё.

* * *

Засим, дорогой читатель, не пора ли поставить точку? Надо и тебе немного отдохнуть. Иди домой, ложись на диван и послушайся совета одной прекрасной книги. Называется она «Гид по таинственному Парижу». «Если тебе все надоели, — говорится там в предисловии, — и не хочется ни с кем разговаривать, а на дворе к тому же стужа и ветер завывает в трубах, подвинь своё кресло к камину, поставь рядом стакан старого доброго вина, зажги трубку и возьми меня в руки».

Вот и тебе, читатель, советую: возьми в руки, если нету гида, проверенного уже в таких случаях Чехова или Жоржа Сименона и в компании полицейского комиссара Мегрэ забудь на какое-то время обо мне. А настанет время, опять погуляем, дай только придумать маршрут.

До следующей встречи!

Примечания

1

и так далее (*фр.*).

2

НП — наблюдательный пункт.

3

"Кто такие старожилы?" — спросили как-то меня. "Старики, прожившие много лет", — ответил я. "Нет, это люди, которые ничего не помнят. Даже старожилы не припомнят таких морозов, такой жары, такой тёплой зимы... Вот кто такие старожилы..." — *Прим. авт.*

4

Уже после обнаружения тигровой шкуры я хвастался знанием фасадов собственного дома перед другом-скульптором. И, к великому моему удивлению, разобрал вдруг, что детишки на барельефах вовсе не играют со львом и львицей, они просто-напросто... спаивают их. Да, спаивают! Одни раскрывают ему пасть и подносят чашу с вином, наливая его из амфоры. Другие же малыши с гроздьями винограда в руках приготавливают вино. А двое даже дегустируют его. Вот о каких интересных вещах рассказал нам Андреев... — *Прим. авт.*

5

славянская душа (*фр.*).

6

великолепная *(фр.)*.

7

протеже Сталина *(фр.)*.

8

солдат *(фр.)*.

9

вид на жительство *(фр.)*.

10

Парижско-нидерландский банк *(фр.)*.

11

Place Royale в 1792 г. переименовали в Place des Federes, в 1793 г. в Place d'Indivisibilite (площадь Неделимости), а в 1800 г. указ консулов объявил, что департамент, дающий наибольшую контрибуцию, запечатлит своё название в одной из площадей Парижа. Так появилась площадь Вогезов. — *Прим. авт.*

12

Да здравствует король! Да здравствует кардинал!
(фр.).

13

Микролитражный автомобиль «Ситроен», deux chevaux — две лошадиные силы *(фр.)*.

14

Нашим павшим (*фр.*).

15

замок (*фр.*).

16

башенка (*фр.*).

17

гнёздышко (*фр.*).

18

предметы старины (*фр.*).

19

Старинная башня XII века (*фр.*).

20

О! Это слишком дорого! (*фр.*).

21

Кораблик... с моряком... с двумя... тремя...
четырьма... «много моряков» (*фр.*).

22

Кораблик, полный моряков (*фр.*).

23

Дом Госторга на ул. Кирова (арх. Б. Великовский, 1926); Госбанк на Неглинной (И. Жолтовский, 1926—1928; очень любопытное исключение в

архитектуре тех лет); клуб Коммунальников на Лесной ул. (арх. И. Голосов, 1927); клуб завода «Каучук» и клуб на Стромынке (арх. К. Мельников, 1927); Планетарий (арх. М. Барщ и М. Синявский, 1928); комбинат «Правда» (арх. И. Голосов, 1929); новый корпус Моссовета (арх. И. Фомин, 1929, тоже исключение из общих правил); Центральный телеграф (арх. И. Рерберг... до какой-то степени тоже исключение); здание «Известий» (арх. Г. Бархин, 1932); дом Центросоюза, ныне Статуправления (арх. Ле Корбюзье, 1928—1932); дом на углу Орликова пер. (А. Щусев, 1932); Дворец культуры Пролетарского р-на, ныне завод им. Лихачёва (бр. Веснины, 1932). — *Прим.авт.*